А. Конан-Дойль

БАСКЕРВИЛЛЬСКАЯ СОБАКА

ЛЕНИНГРАД • 1928

А. КОНАН-ДОЙЛЬ

СОБАКА БАСКЕРВИЛЛЕЙ

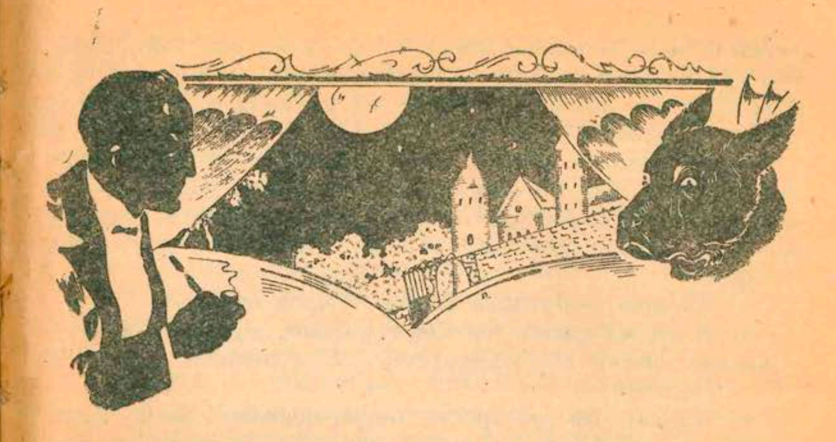
Рисунки М. ПАШКЕВИЧ

«ВОКРУГ СВЕТА»
Ленинград—1928

A. Conan-Doyle
The hound of
Baskerwilles

Обложка Н. УПИНА

Типография «Красной Газеты» им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57
Ленинградский Областлит № 5522. Тираж 50.000. Зак. № 2691.

I. МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС.

Мистер Шерлок Холмс обычно вставал довольно поздно, за исключением тех нередких случаев, когда совсем не ложился спать. Теперь он сидел за завтраком, а я стоял на коврике перед камином, держа в руках трость, забытую нашим посетителем накануне вечером. Это была красивая, толстая палка с круглым набалдашником, который охватывала внизу широкая, в один дюйм, серебряная лента; на ней было выгравировано: «Джемсу Мортимеру, М. R. C. S. от его друзей из С. С. Н.». «1884 г.» Эта была почтенная, прочная и надежная трость, как раз такая, какую носят обыкновенно старомодные семейные доктора.

— Что вы с нею делаете, Ватсон?

Холмс сидел ко мне спиной и не мог заметить, чем я в этот момент занимался.

— Как вы узнали, что я делаю? Ведь нет же у вас глаз на затылке.

— Нет, но передо мною стоит хорошо отполированный кофейник, — ответил Холмс. — А теперь скажите мне, Ватсон, что вы делаете с тростью нашего посетителя? К пе-

счастью, он не застал нас дома и мы не имеем понятия, зачем он приходил; а потому оставленная трость приобретает известное значение. Так, какое же вы составили представление о хозяине этой трости?

— Полагаю, — сказал я, возможно больше применяя метод моего товарища, — что доктор Мортимер — искусный пожилой врач, который пользуется уважением у своих пациентов, раз они поднесли ему такой подарок.

— Хорошо! — одобрил Холмс. — Прекрасно!

— Я думаю также, что он, вероятно, деревенский врач и многие визиты ему приходится делать пешком.

— Почему?

— Потому что эта трость, очень красивая, когда была новою, теперь до того исцарапана, что вряд ли ею мог бы еще пользоваться городской врач. Ведь с нею совершено не мало прогулок, раз железный наконечник у нее так сильно истерт.

— Совершенно правильно! — заметил Холмс.

— Затем на ней выгравировано «от друзей С. С. Н.». Думаю, что эти буквы означают какое-нибудь местное общество охотников, членам которого он, вероятно, оказывал медицинскую помощь, за что они и поднесли ему этот маленький подарок.

— Ну, Ватсон, вы превзошли самого себя, — сказал Холмс, отодвигая стул и закуривая папироску. — Должен признаться, что во всех ваших милых рассказах о моих скромных достижениях вы слишком низко оценивали свои собственные способности. Может быть, вы не источник света, но, во всяком случае, его проводник. Некоторые люди, сами не обладая талантом, одарены замечательной способностью обострять его в других. Признаюсь, дорогой друг, что я в большом у вас долгу.

Никогда еще не говорил он так много, и я должен сознаться, что слова его доставили мне большое удовольствие; меня часто обижало его равнодушие к моему восхищению его личностью и к моим попыткам ознакомить публику с его методом. Я гордился и тем, что настолько усвоил его приемы, что применением их заслужил его одобрение. Холмс взял у меня из рук трость и несколько минут рассматривал ее невооруженным глазом. Затем, с выражением явного интереса на лице, отложил папиросу и, подойдя с тростью к окну, вновь стал рассматривать ее в лупу.

— Занятно, но элементарно, — произнес он, садясь в свой любимый уголок на диване. — Есть, конечно, одно или два верных указания относительно трости, которые уполномачивают на некоторые выводы.

— Разве я что-нибудь упустил из виду? — спросил я несколько самонадеянно. — Полагаю, ничего важного?

— Боюсь, дорогой Ватсон, что большинство ваших выводов ошибочно. Я совершенно искренно заметил, что вы обостряете мои мысли и ваши заблуждения случайно навели меня на истинный след. Я не хочу сказать, что вы во всем ошиблись, но человек этот, несомненно, деревенский врач, и ходить ему приходится очень много.

— Так я был прав?

— Настолько, да.

— Но это же и все?

— Нет, милый Ватсон, далеко не все. Я сказал бы, например, что подарок доктору сделан скорее от госпиталя, чем от охотничьего общества, и раз перед этим госпиталем (буква Н.) поставлены еще буквы С. С., то само собою напрашиваются на ум слова «Чэринг-Кросс» (Charing-Cross Hospital).

— Пожалуй, вы и правы.

— Все говорит за такое толкование. И если мы примем его за основную гипотезу, то будем иметь новые данные для установления личности этого неизвестного посетителя.

— Ну, а если допустить, что буквы С. С. Н. должны означать Черинг-Кросский госпиталь, то какие же можно сделать дальнейшие выводы?

— А разве вы не чувствуете, как они сами собой напрашиваются? Вы знакомы с моею системой, так и применяйте ее.

— Мне ясно только одно: человек этот практиковал в городе, прежде чем переехать в деревню.

— Мне кажется, что мы можем пойти и несколько дальше. Идите в том же направлении. Какой случай, по всей вероятности, мог вызвать этот подарок? Когда же его друзья могли выказать ему свое расположение? Очевидно, в тот момент, когда доктор Мортимер покидал госпиталь, чтобы заняться частной практикой. Мы знаем, что был сделан подарок. Мы полагаем, что доктор Мортимер променял службу в городском госпитале на деревенскую практику. Так назовем ли мы слишком смелым вывод, сделанный из этих двух предпосылок: доктор получил подарок именно в связи с этой переменой.

— Да, повидимому, так и было.

— Теперь заметьте, что он не был в штате госпиталя, ибо только человек с прочною практикою в Лондоне мог занимать такое место, а такой человек не удалился бы в деревню. Так кем же он был тогда? Если он занимал место в госпитале, а между тем не числился в его штате, то он мог быть только врачом или хирургом-куратором, иначе говоря — немногим более студента старшего курса. Из госпиталя он ушел пять лет назад, — год обозначен на трости. А таким образом, милый Ватсон, ваш почтенный, пожилой семейный врач улетучивается и появляется молодой человек не старше тридцати лет, любезный, нечестолюбивый, рассеянный и обладающий любимой собакой, про которую я в общих чертах могу сказать, что она больше терьера и меньше мастифа.

Я недоверчиво засмеялся, а Шерлок Холмс прислонился к дивану и стал выпускать к потолку колечки дыма.

— Что касается вашего последнего предположения, то у меня нет возможности проверить его, — сказал я, — но зато навести некоторые справки о возрасте и профессиональной карьере этого человека мне вовсе нетрудно.

Со своей небольшой полки медицинских книг я взял врачебный указатель и открыл его на имени Мортимер; их было несколько, но только одно могло подойти к нашему посетителю. Я прочел вслух все следующие сведения:

«Мортимер, Джэмс, M. R. C. S., 1882, Гримпен, Дартмур, Врач-куратор, с 1882 по 1884 в Чэринг-Кросском госпитале. Получил Джаксоновскую премию за сравнительную патологию с этюдом под заглавием: «Наследственна ли болезнь?» Член корреспондент шведского патологического общества, автор статей: «Несколько причуд атавизма» (Ланцет, 1882 г.). Служит в приходах Гримпен, Торелей и Гай Барро».

— Ни одного намека, Ватсон, на местное общество охотников, — сказал Холмс с саркастическою улыбкою, — но, как вы проницательно заметили, деревенский врач. Я думаю, что мои выводы достаточно подтверждены. Что же касается до приведенных мною выше эпитетов, то, если не ошибаюсь, они были: любезный, нечестолюбивый и рассеянный. Я по опыту знаю, что в этом мире только любезный человек получает знаки внимания, только нечестолюбивый покидает лондонскую карьеру для деревенской практики, и только рассеянный, прождав вас в вашей комнате целый час, вместо визитной карточки оставляет свою трость.

— А собака?

— Была приучена носить ее за своим господином. Но так как трость тяжела, то собака крепко держала ее по середине, где ясно остались видны следы ее зубов. Место этих следов показывает, что челюсть собаки велика для терьера и мала для мастифа. Вероятно, это... ну да, конечно, это кудрявый спаниель.

Холмс встал с дивана и, продолжая разговаривать, ходил по комнате. Затем он остановился у окна. И тут в его голосе прозвучала такая уверенность, что я с удивлением взглянул на него.

— Милый друг, но как же вы можете быть уверены в этом?

— По той простой причине, что я вижу собаку у порога нашей квартиры, а вот и звонок ее хозяина. Пожалуйста, не уходите, Ватсон. Он ваш коллега, и ваше присутствие может быть для меня полезно. Наступил драматический момент. Вы слышите на лестнице шаги человека, который должен внести что-то в вашу жизнь, и вы не знаете, к добру ли это или нет. Что нужно доктору Джэмсу Мортимеру, человеку науки, от Шерлока Холмса, специалиста по уголовным делам? — Войдите!

Вид нашего посетителя удивил меня, ибо я ожидал встретить типичного деревенского врача. Он был очень высокого роста, тонкий, с длинным носом, похожим на клюв, и выдававшимся между двумя острыми, серыми глазами, близко поставленными друг к другу и ярко блестевшими из-за очков в золотой оправе. Он был одет в профессиональный, но неряшливый костюм: его сюртук был грязноват, а брюки потерты. Хотя он был еще молод, но спина его уже сгорбилась, и он шел, нагнув голову вперед, с выражением пытливой любезности. Когда он вошел и заметил трость в руках Холмса, то подбежал к ней с радостным возгласом:

— Как я рад! Я не знал, оставил ли я ее здесь или в пароходной конторе... Я бы ни за что на свете не хотел бы потерять эту трость.

— Она, как видно, подарок? — сказал Холмс.

— Да, сэр...

— От Чэринг-Кросского госпиталя?

— От нескольких служивших там друзей, по случаю моей свадьбы.

— Ай, ай, это худо! — сказал Холмс, качая головой.

Глаза доктора Мортимера блеснули сквозь очки кротким удивлением.

— Почему же это худо?

— Да только потому, что вы разбили наши маленькие выводы. По случаю вашей свадьбы, говорите вы?

— Да, сэр! Я женился и оставил госпиталь, а вместе с ним и всякие надежды на практику консультанта. Это было необходимо, чтобы я мог обзавестись своим собственным домашним очагом.

— Ага, так мы в сущности уже не так ошиблись! — сказал Холмс. Итак, доктор Джэмс Мортимер...

— Мистер, сэр, мистер... скромный врач.

— И, очевидно, человек с точным мышлением.

— Пачкун в науке, мистер Холмс, собиратель раковин на берегу великого неисследованного океана. Полагаю, что я обращаюсь к мистеру Шерлоку Холмсу, а не...

— Нет, это мой друг, доктор Ватсон.

— Очень рад, что встретил вас, сэр! Я слышал ваше имя в связи с именем вашего друга. Вы очень интересуете меня, мистер Холмс. Я с нетерпением ожидал увидеть такой долихоцефальный череп и столь ясно выраженное развитие надглазной кости. Вы ничего не будете иметь, если я проведу пальцем по вашему теменному шву? Снимок с вашего черепа, пока оригинал еще деятелен, явился бы украшением всякого антропологического музея. Я вовсе не хочу быть неделикатным, но признаюсь, что жажду вашего черепа.

Шерлок Холмс указал странному посетителю на стул и сказал:

— Я вижу, сэр, что вы такой же восторженный поклонник своей идеи, как и я. По вашему указательному пальцу я сужу, что вы сами скручиваете себе папиросы. Пожалуйста, курите!

Посетитель вынул из кармана табак и бумажку, и с поразительной ловкостью скрутил папироску. У него были длинные дрожащие пальцы, такие же подвижные и беспокойные, как щупальцы насекомого.

Холмс молчал, но по его быстрым взглядам я видел, насколько он заинтересован нашим оригинальным гостем.

— Мне кажется, сэр, — сказал он, наконец, — что вы сделали мне честь притти сюда вчера вечером и опять

сегодня не с одной только целью исследовать мой череп?

— Нет, сэр, нет, хотя я счастлив, что получил и эту возможность. Я пришел к вам, мистер Холмс, потому, что считаю себя человеком непрактичным и также потому, что внезапно я лицом к лицу столкнулся с очень серьезной и необыкновенной задачей. Признавая вас вторым экспертом в Европе...

— Вот как, сэр! А могу я вас спросить, кто имеет честь быть первым? — спросил Холмс несколько резко.

— Но строго научный ум Бертильона будет всегда иметь сильное влияние.

— Так не лучше ли вам посоветоваться с ним?

— Я говорил, сэр, об уме точно научном. Что же касается до практически делового человека, то всеми признано, что вы в этом отношении единственный. Надеюсь, сэр, что неумышленно я не...

— Ничего! — сказал Холмс. Я думаю, доктор Мортимер, что вы сделаете лучше, если без дальнейших разговоров будете добры просто изложить мне, в чем заключается задача, разрешение которой требует моей помощи.

II ПРОКЛЯТИЕ НАД БАСКЕРВИЛЛЯМИ.

— В моем кармане рукопись...—начал Джэмс Мортимер.

— Я это заметил, как только вы вошли в комнату, — сказал Холмс.

— Это старая рукопись.

Не новее восемнадцатого столетия, если это только не подделка.

— Как могли вы это узнать, сэр?

— Все время, пока вы говорили, из вашего кармана выглядывало дюйма два этой рукописи. И плохим бы я был экспертом, если не мог бы определить эпоху документа с точностью приблизительно до десяти лет. Может быть, вы читали мою небольшую монографию об этом? Я отношу этот документ к 1730 году.

— Точная его дата 1742. — При этом доктор Мортимер вынул документ из кармана. — Эта фамильная бумага была мне доверена сэром Чарльзом Баскервиллем, внезапная и загадочная смерть которого около трех месяцев назад вызвала такое возбуждение в Девоншире. Я могу сказать, что был его другом и врачом. Это был, сэр, человек сильного ума, строгий, практичный и с таким же слабо развитым воображением, как и у меня. Между тем, он очень серьезно отнесся к этому документу и был даже подготовлен к постигшему его концу.

Холмс протянул руку за рукописью и разгладил ее на своем колене.

— Заметьте, Ватсон, перемежающиеся длинные и короткие «S». Это одно из нескольких указаний, давших мне возможность определить дату.

Я посмотрел из-за его плеча на желтую бумагу и поблекшее письмо. В заголовке было написано: «Баскервилль-холл», а внизу большими цифрами нацарапано: «1742».

— Это похоже на какой-то рассказ.

— Да, это описание одной легенды, которая живет в семействе Баскервиллей.

— Но, насколько я понимаю, вы желаете посоветоваться со мною о чем-то более современном и практичном?

— О самом современном! О самом практичном и весьма спешном деле, которое должно быть решено в двадцать четыре часа. Но рукопись недлинная и тесно связана с делом. С вашего позволения я прочту ее вам.

Холмс прислонился к спинке кресла, сложил вместе кончики пальцев обеих рук и закрыл глаза с выражением покорности, доктор же Мортимер, повернув рукопись к свету, высоким, надтреснутым голосом стал читать следующий любопытный рассказ:

«О Баскервилльской собаке ходило не мало толков, но так как я происхожу по прямой линии от Хьюга Баскер-

вилля, и слышал эту историю от моего отца, а он от своего, то я и передал ее с полной уверенностью, что она произошла именно так, как тут изложено. И я бы желал, чтобы вы, сыновья мои, верили, что та же самая Справедливость, которая наказывает грех, может также милостиво и простить его, и что нет такого тяжелого проклятья, которое не могло бы быть снято молитвою и раскаянием. Так научитесь же из этого рассказа не страшиться прошлого, а будьте предусмотрительными ради будущего, дабы слепые страсти, от которых так жестоко пострадал наш род, не расцвели бы снова на нашу погибель.

«Итак, да будет вам известно, что во время великого восстания (на историю которого, написанную ученым лордом Кларендоном, я должен серьезно обратить ваше внимание) поместье Баскервилль находилось во владении Хьюга Баскервилля, самого необузданного, нечестивого безбожника. Эти качества соседи простили бы ему, ибо они никогда не видели, чтобы святые процветали в этой местности, но он был особенно жестоким развратником и его имя сделалось притчей по всему Западу. Случилось так, что Хьюг полюбил (если можно таким прекрасным словом обрисовать его гнусную страсть) дочь зажиточного крестьянина, арендовавшего земли близ Баскервилльского поместья. Молодая девушка, скромная и с добрым именем, всегда избегала его, страшась его дурной славы. Но, однажды, в день Михаила архангела, зная, что отец и братья ее отсутствуют, Хьюг с пятью или шестью из своих бездельных и злых товарищей прокрался на ферму и похитил девушку. Девушку привезли в замок и заперли в комнате верхнего этажа, Хьюг же с друзьями предались, по своему обыкновению, продолжительной ночной оргии. Между тем бедная девушка, слыша песни, крики и страшную ругань, доходившие до нее снизу, чуть с ума не сошла, ибо, когда Хьюг Баскервилль напивался, то, говорят, употреблял такие слова, которые могли разом сразить услышавшего их человека. Наконец, вне себя

от ужаса, она сделала то, что устрашило бы даже самого храброго мужчину: при помощи плюща, покрывавшего (и поныне покрывающего) южную стену, она спустилась с карниза и побежала через болото по направлению к ферме своего отца, находившейся от замка в девяти милях.

«Случилось так, что немного позднее Хьюг вздумал отнести своей гостье поесть и попить, — а может быть и еще что-нибудь худшее,—но нашел клетку пустой: птичка улетела. Тогда в него вселился точно дьявол. Бросившись вниз, он вбежал в столовую, вскочил на большой стол и, опрокидывая бутылки и кушанья, закричал во все горло, что он в эту же ночь продаст нечистому свое тело и душу, лишь бы ему удалось догнать девушку. При виде бешенства своего хозяина, кутилы стояли разиня рот, как вдруг один из них, злее других, а может быть более пьяный, закричал, что следовало бы выпустить на нее собак. Услыхав это, Хьюг выбежал из дому и, вызвав конюхов, приказал им оседлать его кобылу и выпустить собак. Когда все было сделано, он дал собакам понюхать головной платок девушки, направил их на след и с громкими криками помчался по освещенному луной болоту.

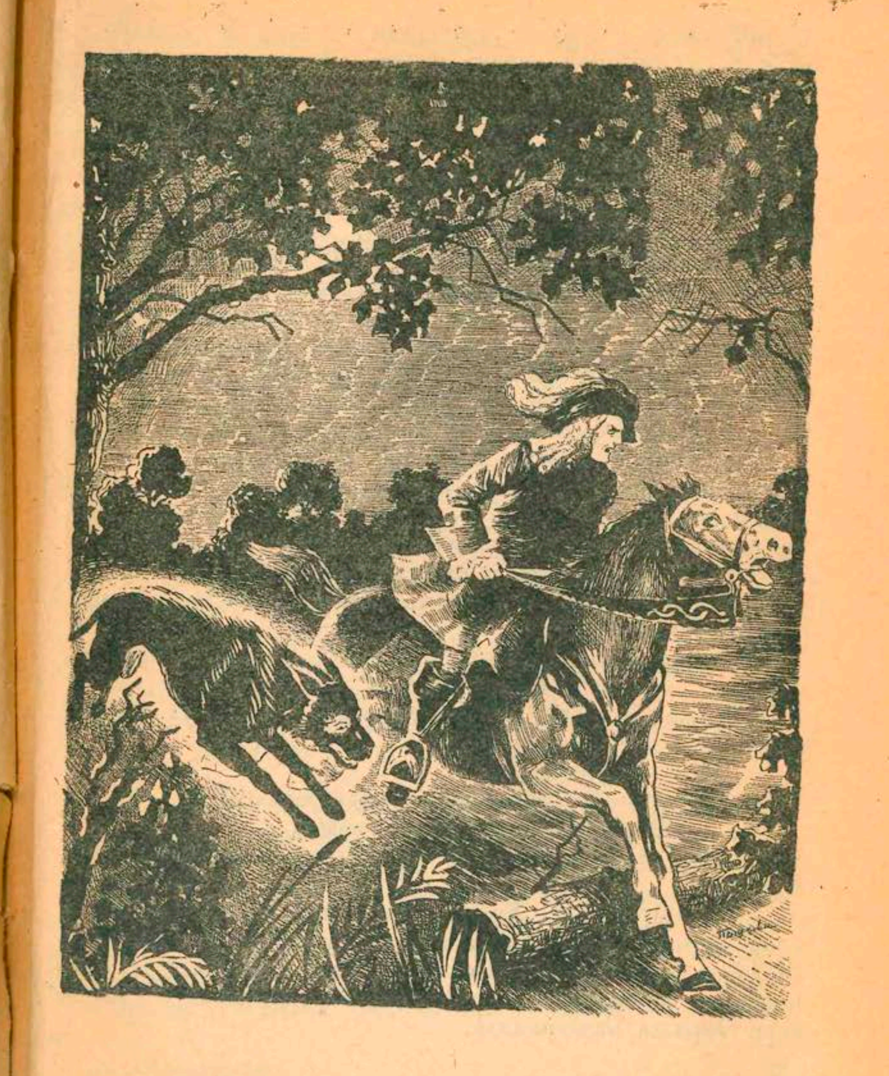
«Кутилы же остались стоять некоторое время, вытаращив глаза и не понимая, что такое стряслось столь внезапно. Но потом их отяжелевшие мозги прояснились и они поняли, что должно произойти на болоте. Все взволновались: кто требовал свой пистолет, кто свою лошадь, а кто еще бутылку вина. Наконец, они пришли в себя и всею гурьбою (тринадцать человек) сели на лошадей и пустились в погоню. Месяц ясно светил над ними, они быстро скакали рядом в том направлении, куда вероятнее всего побежала девушка, если она хотела вернуться домой.

«Они проскакали мили две, когда повстречались с ночным пастухом на болоте и спросили его, не видал ли он охоты. История гласит, что человек этот был до того

напуган, что еле мог говорить, но, наконец, он сказал, что видел несчастную девушку и бежавших по ее следам собак. «Но я видел еще больше этого, — прибавил он, — Хьюг Баскервилль обогнал меня на своей вороной кобыле, а за ним молча бежала собака, — такое исчадие ада, какое не дай бог мне никогда видеть за своими пятками».

«Пьяные помещики выругали пастуха и продолжали свою скачку. Но вдруг, мороз пробежал по их коже. Сперва они услыхали быстрый стук копыт, а вслед затем увидели скакавшую по болоту вороную кобылу, всю забрызганную белой пеной, с волочащимися поводьями и пустым седлом. Кутилы, охваченные ужасом, сбились в кучу, но все-таки продолжали подвигаться по болоту, хотя каждый, будь он один, охотно повернул бы обратно. Они ехали медленно и, наконец, добрались до собак. Хотя все они славились своею смелостью и были дрессированы, однако, тут, собравшись в стаю, дико выли над образовавшимся в болоте окном; некоторые отскакивали от него, другие же, дрожа и вытаращив глаза, смотрели вниз.

«Компания остановилась; она, как вы сами догадываетесь, успела уже протрезвиться. Большинство всадников ни за что не хотело двигаться дальше, но трое из них, наиболее отважных, а может быть, и самых пьяных, двинулись к окну. Перед ними открылось широкое пространство, на котором торчали большие камни, поставленные в древние времена каким-нибудь забытым народом, и стоящие там еще и поныне. Месяц ярко освещал площадку, а в центре ее лежала несчастная девушка, упавшая замертво от страха и усталости. Но у трех дьявольски смелых бездельников волосы встали дыбом не от этого зрелища и даже не оттого, что тут же, рядом с девушкою, лежало тело Хьюга Баскервилля, а оттого, что над Хьюгом, вцепившись ему в горло, стояло отвратительное существо, похожее на собаку, но значительно крупнее всякой когда-либо виденной собаки. Пока всадники смотрели на нее, животное вырвало горло Хьюга Баскервилля и повернуло

к ним свою голову с горящими глазами и разинутою пастью, из которой капала кровь. Все трое вскрикнули от ужаса и ускакали, спасая свою жизнь, а крики их долго еще оглашали болото. Один из них, говорят, умер в ту же ночь от виденного, а двое остальных на всю жизнь остались разбитыми людьми.

«Такова, сыновья мои, легенда о появлении собаки, которая с тех пор стала, говорят, бичом нашего рода. Я записал эту легенду потому, что известное внушает меньше ужаса, чем все предполагаемое и угадываемое. Нельзя скрывать, что многие из нашего рода погибли неестественною смертью, — внезапной, кровавой и таинственной. Но отдадимся в защиту бесконечно благостного провидения, которое не наказывает вечно невинного дальше третьего или четвертого поколения, как стоит в священном писании. А потому, я и поручаю вас, сыновья мои, этому провидению и советую вам, ради предосторожности, не ходить по болоту темной ночью, в час, когда властвует нечистая сила.

(От Хьюга Баскервилля его сыновьям Роджеру и Джону, с предупреждением ничего не говорить об этом сестре своей Елизавете)».

Окончив этот странный рассказ, доктор Мортимер сдвинул на лоб свои очки и пристально уставился в Шерлока Холмса. Последний зевнул и бросил окурок своей папироски в камин.

— Ну? — спросил он.

— Разве вы не находите это интересным?

— Для любителя волшебных сказок.

Доктор Мортимер вынул из кармана сложенную газету и сказал:

— Тогда, мистер Холмс, мы вам дадим нечто более современное. Это «Хроника графства Девон» от 14-го мая нынешнего года. Она заключает в себе краткое сообщение о фактах, сопровождавших смерть сэра Чарльза Баскервилля.

Мой друг нагнулся несколько вперед, и на лице его выразилось напряженное внимание. Наш посетитель поправил очки и принялся читать:

«Недавняя скоропостижная смерть сэра Чарльза Баскервилля, по слухам, вероятного кандидата на ближайших выборах от Среднего Девона, опечалила всю округу. Хотя сэр Чарльз жил в своем поместье «Баскервилль» сравнительно недолго, но его любезность и крайняя щедрость уже привлекли к нему любовь и уважение всех, кто соприкасался с ним. В наши дни, когда так много богатых выскочек, весьма утешительно видеть, как потомок старой фамилии графства, претерпевший тяжелые дни, способен еще восстановить свое состояние и вернуть своему роду его былое величие. Известно, что сэр Чарльз приобрел большой капитал спекуляциями в Южной Африке. Благоразумнее тех, кто не знает меры и не может остановиться до тех пор, пока колесо фортуны не повернется против них, он реализовал свои доходы и затем вернулся в Англию. Всего два года как он поселился в Баскервилле, а уже все заговорили о его широких планах перестройки и усовершенствований, теперь прерванных его смертью. Сам бездетный, он не скрывал своего желания, еще при своей жизни, облагодетельствовать всю эту часть графства, а потому многие имеют личные причины оплакивать его преждевременную кончину. О его щедрых пожертвованиях на местные благотворительные дела и по всему графству часто говорилось на столбцах нашей газеты.

«Нельзя сказать, чтобы связанные со смертью сэра Чарльза обстоятельства были вполне выяснены следствием, но, по крайней мере, многое сделано для того, чтобы опровергнуть слухи, вызванные местным суеверием. Как бы то ни было, нет ни малейшего повода подозревать злодеяние или то, что смерть произошла от какой-то иной причины, кроме самой естественной. Сэр Чарльз был вдовец, и можно сказать, что в некоторых отноше-

ниях он был эксцентричным человеком: несмотря на свое богатство, он имел очень скромные вкусы, и весь его домашний штат прислуги в замке Баскервилль состоял из супругов Барримор, — дворецкого и его жены экономки. Из их показаний, подкрепленных свидетельством нескольких друзей, видно, что за последнее время здоровье сэра Чарльза пошатнулось и появилась какая-то сердечная болезнь, проявлявшаяся в изменении цвета лица, удушье и острых приступах нервного упадка сил. Доктор Джэмс Мортимер, друг и врач покойного, показал то же самое.

«Обстоятельства, связанные с этим происшествием, очень просты. Сэр Чарльз Баскервилль имел обыкновение прогуливаться перед сном по знаменитой тиссовой аллее. Барриморы подтвердили эту привычку: 14-го мая сэр Чарльз объявил о своем намерении ехать на другой день в Лондон и приказал Барримору уложить вещи. Вечером он, как всегда, отправился на свою ночную прогулку, в продолжение которой имел привычку курить сигару. С этой прогулки ему уже не суждено было вернуться. В двенадцать часов ночи, видя, что дверь в переднюю все еще открыта, Барримор стал беспокоиться и, засветив фонарь, отправился на поиски своего господина. День был сырой, и следы сэра Чарльза ясно отпечатались на аллее. В середине этой аллеи есть калитка выходящая на болото. Видно было, что сэр Чарльз ненадолго останавливался тут, и затем снова продолжал свою прогулку по аллее, в самом же ее конце было найдено его тело. Тут есть только один необъяснимый факт, а именно, показание Барримора, что за калиткой следы шагов сэра Чарльза изменились, и казалось, будто он пошел не полной ступней, а на носках. Некто Мерфи, цыган-барышник, находился в то время на болоте, недалеко от калитки, но, по его же собственному признанию, он был мертвецки пьян. Он заявил, что слышал крики, но определить, откуда они шли он не мог. На теле сэра Чарльза не было обнаружено никаких знаков насилия и, хотя свидетельство доктора указывало на почти невероятное искажение лица (настолько сильное, что доктор Мортимер сразу и не узнал своего друга и пациента), все же было установлено, что такое явление бывает при удушье и смерти от паралича сердца. Такое же объяснение было дано и при вскрытии, доказавшем, что сэр Чарльз давно страдал органическим пороком сердца, и потому следователь вынес решение на основании этих медицинских показаний. Такое объяснение очень благоприятно, ибо крайне важно, чтобы наследник сэра Чарльза поселился в замке и продолжал доброе дело, столь грустно прерванное. Но если бы прозаический вывод следователя не положил конца романическим историям, которые нашептывались по поводу этой смерти, то, пожалуй, трудно было бы найти владельца на Баскервилль. Говорят, что ближайший родственник и наследник — сэр Генри Баскервилль, сын младшего брата сэра Чарльза. По последним известиям, молодой человек находится в Америке, и теперь о нем собираются сведения, чтобы иметь возможность сообщить ему о наследстве».

Доктор Мортимер сложил газету и сунул ее обратно в карман.

— Я очень признателен вам, — сказал Шерлок Холмс, — за то, что вы обратили мое внимание на этот случай, представляющий собою довольно интересные данные. Я уже мельком видел несколько газетных сообщений об этом, но был занят маленьким делом о ватиканской камее и, в своем стремлении угодить папе, пропустил несколько интересных дел в Англии. В этой статье, говорите вы, заключаются все обнародованные факты?

— Да.

— Тогда сообщите мне интимные сведения.

С этими словами Холмс снова откинулся на спинку кресла, сложив при этом концы пальцев и приняв выражение бесстрастного судьи.

— Сделав это, — сказал Мортимер, сильно взволнованный, — я скажу то, чего никогда никому не доверял.

Один из мотивов, по которому я это скрыл от следствия, заключается в том, что человеку науки крайне неприятно быть заподозренным в сочувствии к народному суеверию. Вторым мотивом было то, что Баскервилльское поместье, как говорится в газете, осталось бы без владельца, если бы что-нибудь усугубило его и без того мрачную репутацию. Вот по каким двум причинам я решил, что имею право сказать меньше, чем знаю, ибо из моей откровенности практически ничего хорошего не вышло бы, но от вас я ничего не хочу скрывать.

«Население болота немногочисленно, и все соседи находятся в постоянном сношении. Поэтому я часто виделся с сэром Чарльзом Баскервиллем. За исключением мистера Франкланда из Лафтар-холля и мистера Стапльтона — натуралиста, на много миль в окружности нет больше ни одного интеллигентного человека. Сэр Чарльз жил уединенно, но его болезнь свела нас, и, кроме того, эту близость поддерживали общие интересы в науке. Из Южной Африки он привез с собой много научных сведений, и мы провели не мало прелестных вечеров в рассуждениях о сравнительной анатомии бушмэнов и готтентотов.

«В последние месяцы я все яснее и яснее замечал, что нервы сэра Чарльза натянуты до последней крайности. Прочитанная мною вам легенда настолько подействовала на него, что хотя он и ходил по всем своим владениям, однако, ничто не могло бы заставить его пойти ночью на болото. Как бы это ни казалось вам невероятным, мистер Холмс, он твердо верил, что над его родом тяготеет ужасный рок и, конечно, то, что он знал о своих предках, не могло подействовать на него успокоительно. Его постоянно преследовала мысль о присутствии чего-то отвратительного, и не раз он спрашивал меня, не видел ли я во время своих врачебных странствований какого-нибудь странного существа и не слыхал ли я лая. Последний вопрос он задавал мне по нескольку раз, и голос его при этом всегда дрожал от волнения.

«Я хорошо помню тот день, когда недели за три до рокового происшествия я приехал к нему. Он стоял у выходной двери. Я сошел с брички и, очутившись против него, вдруг заметил, что глаза его устремлены за мое плечо и в них отражается неописуемый ужас. Я оглянулся и успел только мельком заметить, как что-то такое, что я принял за большого черного теленка, пробежало позади экипажа. Сэр Чарльз был настолько взволнован и напуган, что я тут же бросился к месту, где видел животное и хотел поймать его. Но оно исчезло, и это происшествие, казалось, произвело на сэра Чарльза самое тягостное впечатление. Я просидел с ним весь вечер и, чтобы объяснить свое волнение, он вручил мне на хранение рукопись с повестью, которую я вам прочитал. Я упоминаю об этом маленьком эпизоде потому, что он приобретает некоторое значение в виду происшедшей впоследствии трагедии, но в то время я был убежден, что это была простая случайность и что волнение сэра Чарльза не имело никакого основания.

«Тогда я решил посоветовать ему отправиться в Лондон. Я знал, что его сердце не в порядке, а постоянно угнетавший его страх, как бы ни была химерична его причина, очевидно, сильно повлиял на его здоровье. Я думал, что после нескольких месяцев, отданных городским развлечениям, он вернется к нам обновленным человеком. Мистер Стапльтон, наш общий друг, тоже обеспокоенный состоянием его здоровья, был одного мнения со мной. Но в последнюю минуту перед отъездом произошло это ужасное несчастье.

Дворецкий Барримор, нашедший тело сэра Чарльза, послал конюха Перкинса верхом за мною, и так как я еще спать не ложился, то спустя час после происшествия был уже в замке Баскервилль. Я проверил и подтвердил все факты, которые были упомянуты на следствии. Я проследил за отпечатком следов по тиссовой аллее; я видел место у калитки, ведущей на болото, на котором, повиди-

мому, стоял сэр Чарльз; я заметил изменение формы следов, начиная с этого пункта, и удостоверился, что на мягком гравии не было больше никаких следов, кроме Бэрримора, и, наконец, я тщательно осмотрел тело, которого не трогали до моего прибытия. Сэр Чарльз лежал ничком, с распростертыми руками, пальцы его впились в землю, и черты лица были до того искажены каким-то сильным потрясением, что я бы не рискнул тогда, поклясться, что вижу именно его. На теле, действительно, не оказалось никаких признаков насилия. Но одно показание Бэрримора на следствии было неправильным. Он сказал, что на земле вокруг тела не было никаких следов. Он не заметил никаких, я же увидел, что недалеко от тела есть следы свежие и отчетливые.

— Следы шагов?

— Шагов.

— Мужчины или женщины?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас, и голос его понизился почти до шопота, когда он ответил:

— Мистер Холмс, я видел следы шагов гигантской собаки.

III. ПРОБЛЕМА.

Признаюсь, что при этих словах меня продрал мороз. К тому же и в голосе доктора слышалась дрожь, указывавшая, что и сам он глубоко взволнован своим рассказом. Холмс, возбужденный, нагнулся вперед, и глаза его блестели тем жестким, сухим блеском, какой всегда принимал его взгляд, когда он бывал сильно заинтересован.

— Вы их видели?

— Так же ясно, как вас.

— И вы ничего не сказали?

— Зачем?

— Каким же образом никто, кроме вас, не видел их?

— Отпечатки эти находились, приблизительно, в двадцати ярдах от тела, и никто не подумал о них. Вероятно и я не обратил бы на них внимания, если б не знал легенды.

— На болоте есть овчарки?

— Да, но то была не овчарка.

— Вы говорите, собака была большая?

— Громадная.

— Но она не подходила к телу?

— Нет.

— Какая была погода в ту ночь?

— Ночь была сырая.

— Но дождя не было?

— Нет.

— Какой вид имеет аллея?

— Она состоит из двух линий тиссовых живых непроницаемых изгородей, в двенадцать футов высотой. Дорожка между ними имеет, приблизительно, футов восемь ширины.

— Есть ли что-нибудь между изгородями и дорожкою?

— Да, между ними тянется с обеих сторон тропинка около шести футов ширины.

— Я понял, что в аллею есть доступ через калитку в изгороди?

— Да, через калитку, которая выходит на болото.

— Существует ли еще какой-нибудь другой проход в изгороди?

— Никакого.

— Так для того, чтобы войти в тиссовую аллею, необходимо спуститься из дома или войти через калитку с болота?

— Есть еще выход — через беседку на дальнем конце аллеи.

— Дошел ли сэр Чарльз до нее?

— Нет, он лежал, приблизительно, в пятидесяти ярдах от нее.

— Теперь скажите мне, доктор Мортимер, это очень важно: виденные вами следы были отпечатаны на дорожке, а не на траве?

— На траве не было видно никаких следов.

— А были ли они на стороне калитки?

— Да, на краю дорожки, с той же стороны, где и калитка.

— Вы чрезвычайно заинтересовали меня. Еще вопрос. Была ли заперта калитка?

— Заперта на замок.

— А высота ее?

— Около четырех футов.

— Значит перелезть через нее можно?

— Да.

— Не заметили ли вы каких-нибудь следов у самой калитки?

— Ничего особенного.

— Царь небесный! И никто не исследовал это место?

— Я сам осмотрел его.

— И ничего не нашли?

— Я был очень смущен. Было очевидно, что сэр Чарльз стоял тут в продолжение пяти или десяти минут.

— Почему вы это узнали?

— Потому что пепел с его сигары успел упасть два раза.

— Прекрасно. Ватсон, ваш коллега нам по душе. Но следы?

— На всем этом маленьком кусочке гравия были видны одни только его следы. Я не видел ничьих других.

Шерлок Холмс ударил себя по колену с выражением досады и воскликнул:

— Ах, как жаль, что меня там не было! Это необыкновенно интересное дело, именно из тех, которые представляют обширное поле действий эксперту-аналитику. Эта страница гравия, на которой я мог бы прочесть так много, давно уже стерта дождем и тяжелыми сапогами

любопытных мужиков. Ах, доктор Мортимер, доктор Мортимер! Как это вы меня сразу не позвали туда! На вас, по-истине, лежит большая ответственность.

— Я не мог пригласить вас, мистер Холмс, не раскрыв всех фактов, а я уже высказал вам причины, по которым не хотел этого сделать. Кроме того, кроме того...

— Почему вы колебались?

— Есть область, в которой даже самый проницательный и опытный сыщик беспомощен.

— Вы хотите сказать, что дело это сверхъестественное?

— Я этого, собственно, не сказал.

— Да, но, очевидно, думаете.

— Мистер Холмс! После этой трагедии до меня дошло несколько инцидентов, которые трудно примирить с естественным порядком вещей.

— Например?

— Я узнал, что еще до этого ужасного происшествия несколько человек уже видели на болоте существо, походившее на этого Баскервилльского демона, существо, которое не может быть причислено ни к одному животному, известному науке. Все, кто его видел, говорили, что это громадное существо, светящееся, отвратительное и похожее на призрак. Я расспрашивал всех тех людей: один из них крестьянин, с крепкой головою, другой кузнец, третий фермер на болоте, и все они говорят одно и то же об этом страшном привидении. Все, что они рассказывают, в точности соответствует адской собаке из легенды. Уверяю вас, что округ охвачен ужасом, и тот человек безумно отважен, который решится пройти ночью по болоту.

— И вы, человек науки, можете верить, что тут замешана сверхъестественная сила?

— Я не знаю, что думать.

Холмс пожал плечами и сказал:

— До сих пор мои исследования ограничивались этим миром. Я скромно боролся против зла, но выступить

против самого сатаны было бы, пожалуй, слишком самонадеянно с моей стороны. Однако, вы же соглашаетесь, что следы были материальны?

— Собака-легенда была настолько материальна, что даже могла перегрызть человеку горло, а между тем она — только исчадие диавола.

— Я вижу, что вы бесповоротно примкнули на сторону сверхъестественников. Но тогда, доктор Мортимер, скажите мне одно: если вы придерживаетесь таких взглядов, то зачем вы пришли ко мне? За советом? Вы уверяете, что расследовать смерть сэра Чарльза бесполезно, и одновременно просите меня сделать это.

— Я не сказал, чтобы вы произвели расследование.

— Так чем же я могу помочь вам?

— Советом, что мне делать с сэром Генри Баскервиллем, который прибудет на станцию Ватерлоо (доктор Мортимер посмотрел на свои часы) ровно через час с четвертью.

— Наследник?

— Да! По смерти сэра Чарльза мы навели справки об этом молодом человеке и узнали, что он занимался фермерством в Канаде. По всем добытым о нем сведениям оказывается, что он — превосходный малый. Теперь я уже говорю не как врач, а как душеприказчик сэра Чарльза.

— Я полагаю, что претендентов на наследство больше нет?

— Нет! Единственный еще родственник, о котором нам удалось узнать, — Роджер Баскервилль, младший из трех братьев, из которых бедный сэр Чарльз был старшим. Второй брат, давно умерший, отец молодого Генри. Третий, Роджер, был уродом семьи. В нем текла кровь древнего властного рода Баскервиллей, и говорят, что он, как две капли воды, походил на фамильный портрет старого Хьюга. Его поведение было такое, что ему пришлось бежать из Англии, и в 1876 г. он умер в Центральной Америке от желтой лихорадки. Генри — последний

Баскервилль. Через час и пять минут я его встречу на Ватерлооской станции. Я получил телеграмму о том, что он прибудет сегодня утром в Саутгэмптон. Посоветуйте теперь, мистер Холмс, что мне делать с ним?

— Почему бы ему и не поселиться в доме своих предков?

— Да, ведь это кажется так естественно, не правда ли? А между тем, только подумайте, что все жившие там Баскервилли кончают плохо. Я уверен, что если бы сэр Чарльз мог поговорить со мною в момент своей смерти, то он, вероятно, попросил бы меня не привозить в это проклятое место последнего потомка и наследника крупного состояния. Однако же, нельзя отрицать, что благосостояние всей бедной, мрачной местности зависит от его присутствия. Все добро, насажденное сэром Чарльзом, пропадет даром, если Баскервилль-голл останется без хозяина. Из боязни, что и мною будет руководить мой собственный, очевидный интерес в этом деле, я и пришел рассказать вам все и попросить вашего совета.

Холмс ненадолго задумался и затем спросил:

— Просто говоря, вы убеждены, что какое-то дьявольское навождение превращает Дартмур в опасное место для потомка Баскервиллей, не правда ли?

— По крайней мере, я утверждаю, что обстоятельства указывают на то.

— Прекрасно. Но если ваше мнение о сверхъестественном участии правильно, то оно также неотвратимо нанесет молодому человеку зло в Лондоне, как и в Девоншире. Чорт с одной местною властью, наподобие приходского управления, был бы слишком странным явлением.

— Вы бы отнеслись к делу вовсе не так легко, мистер Холмс, если бы лично соприкоснулись с такими обстоятельствами. Словом, ваше мнение таково, что безопасность молодого человека будет столько же обеспечена в Девоншире, как и в Лондоне. Он приедет через пятьдесят минут. Что вы посоветуете?

— Я советую вам, сэр, взять кэб, позвать вашего спаниеля, который царапается у парадной двери, и ехать на Ветерлооский вокзал навстречу сэру Генри Баскервиллю.

— А затем?

— А затем, вы ровно ничего не должны говорить ему, пока я не продумаю дела.

— А сколько это будет продолжаться?

— Двадцать четыре часа. Я буду очень обязан вам, доктор Мортимер, если завтра утром, в десять часов, вы приведете с собою сэра Генри Баскервилля; это посодействовало-бы моим будущим планам.

— Хорошо, мистер Холмс.

Он сделал заметку о предстоящем свидании на манжетке своей рубашки и со свойственной ему странной походкой поспешно вышел, но на площадке лестницы Холмс остановил его.

— Еще один вопрос, доктор Мортимер. Вы сказали, что перед смертью сэра Чарльза Баскервилля несколько человек видели приведение на болоте?

— Трое видели его.

— А после этого видел ли его еще кто-нибудь?

— Я больше ничего не слыхал.

— Благодарю вас. Прощайте!

Холмс вернулся к своему креслу с выражением внутреннего довольства, которое означало, что ему предстоит любимая работа.

— Вы уходите, Ватсон?

— Да, если я вам не нужен.

— Нет, друг мой, я обращаюсь за вашею помощью, когда только начинаю действовать. Но это прекрасное дело, положительно, единственное с известной точки зрения. Не будете ли вы добры, когда пойдете мимо Брадлея, сказать ему, чтобы он прислал мне фунт самого крепкого табаку? Благодарю вас. Было бы неплохо, если бы нашли удобным не возвращаться до вечера. А тогда я охотно

сравню наши впечатления о крайне интересной задаче, предложенной нам сегодня утром на разрешение.

Я знал, что моему другу необходимо одиночество для интенсивной умственной сосредоточенности, когда он взвешивает все части доказательств, строит различные заключения, взаимно их сверяет и решает, какие пункты существенны и какие не имеют значения. Поэтому, я провел день в клубе и только вечером вернулся на Бекер-стрит.

Когда около девяти часов я входил в нашу гостиную, то первым моим впечатлением было, что у нас пожар: комната до того была полна дыма, что свет стоявшей на столе лампы выглядел пятном. Но, войдя, я сразу успокоился, закашлявшись от едкого табачного дыма. Сквозь туман обрисовалась фигура Холмса в халате; он сидел скорчившись в кресле, с черною глиняною трубкою в зубах. Вокруг него лежало несколько свертков бумаг.

— Никак вы простудились, Ватсон? — спросил он.

— Нет, задохся от вашей отравленной атмосферы.

— Да, теперь, когда вы сказали, и я нахожу ее несколько тяжелой.

— Тяжелой? Она невыносима!

— Так откройте окно! Я вижу, что вы целый день были в вашем клубе.

— Милый Холмс!

— Разве я неправ?

— Конечно, правы, но как...?

Он засмеялся над моим недоумением.

— Вы так непосредственны, Ватсон, что мне приятно упражнять на вас свои небольшие способности. Джентльмен выходит из дому в дождливую погоду и грязь, но вечером возвращается со шляпою и сапогами в прежнем блеске. Значит, он целый день не выходил на улицу. Близких друзей у него нет. Где же он мог пробыть? Разве это не ясно?

— Пожалуй, что теперь ясно.

— Свет полон очевидностей, которых никто не замечает. А как вы думаете, где я был?

— Также никуда не трогались.

— Напротив, я был в Девоншире.

— Мысленно?

— Именно! Тело же мое осталось в этом кресле, но как я, к сожалению, вижу, в мое отсутствие истребило две больших кружки кофе и невероятное количество табаку. Когда вы ушли, я послал к Стамфорду за топографическою картою этой части болота, и мой ум целый день бродил по нему. Теперь я могу сказать, что не заблужусь в его дорогах.

— Эта, вероятно, карта большого масштаба?

— Очень большого! — Он развернул часть ее на своих коленях. — Здесь вот тот участок, который нас интересует, а вот и Баскервилль-Холл в середине.

— С окружающим его лесом?

— Именно! Я полагаю, что тиссовая аллея, не обозначенная на карте под этим названием, идет вдоль вот этой линии, с болотом по ее правой стороне, как вы сами видите. Эта кучка строений, — деревушка Гримпен, в которой живет наш друг, доктор Мортимер; на пять миль в окружности, как вы видите, находится очень немного разбросанных жилищ. Вот Лафтар-Холл, о котором упоминалось в легенде. Тут обозначен дом, может быть, принадлежащий натуралисту Стапльтону, если только я правильно запомнил его имя. Здесь на болоте еще две фермы, — Гай-Тор и Фаульмайр. А в четырнадцати милях далее находится большая Принцтаунская тюрьма. Между этими расбросанными пунктами и кругом их лежит мрачное, безжизненное болото. Тут, наконец, находится и то место, где разыгралась трагедия, которую мы попробуем сейчас воспроизвести.

— Это, вероятно, очень дикое место.

— Да, если чорт пожелал вмешаться в дела людей, то обстановка вполне подходящая.

— Так, значит, и вы склоняетесь к участию здесь сверхъестественной силы?

— А разве сообщники дьявола не могут быть созданы из плоти и крови? Сначала перед нами стоят два вопроса: первый — не совершено ли здесь преступление, второй — какого рода это преступление, и как оно выполнено? Конечно, если предположение доктора Мортимера верно, и мы имеем дело с силами, не подчиненными простому закону природы, то тут, само собой конец нашим расследованиям. Но сперва мы обязаны исчерпать все другие гипотезы прежде, чем браться за эту. Если вам безразлично, то, мне кежется, лучше закрыть это окно. Удивительное дело, но я нахожу, что концентрированная атмосфера способствует также и концентрированию мыслей. Я еще не дошел до того, чтобы забираться в ящик для размышления, но это логический вывод из моих взглядов. Обдумали ли вы этот случай?

— Да, я думал о нем в течение целого дня.

— И к чему же вы пришли?

— Это дело поставит в тупик.

— Без сомнения, оно носит особенный характер. Есть в нем отличительные признаки. Например, эта перемена следов. Что вы о ней думаете?

— Мортимер сказал, что в этой части аллеи человек пошел на цыпочках.

— Он только повторил то, что какой-то дурак сказал во время следствия. Ради чего стал бы человек ходить на цыпочках по аллее?

— Тогда что же это было?

— Он бежал, Ватсон, бежал отчаянно, бежал, чтобы спасти свою жизнь, бежал, пока не разорвалось сердце, и он не упал мертвым.

— Бежал от чего?

— В этом-то и заключается наша задача. Есть указания, что прежде, чем приняться бежать, он был поражен ужасом.

— Какие указания?

— Я думаю, что причина его страха появилась с болота. Если это так, — а это кажется мне самым вероятным, — то только обезумевший человек мог бежать от дома вместо того, чтобы броситься по направлению к нему. Если верить показанию цыгана, то сэр Чарльз с криком о помощи побежал туда, откуда менее всего мог ее получить. А затем еще, — кого ожидал он в эту ночь, и почему в тиссовой аллее, а не в собственном доме?

— Вы думаете, что он ждал кого-нибудь?

— Сэр Чарльз был пожилой и больной человек. Мы можем допустить, что он вышел на вечернюю прогулку, но земля была сырая и погода неблагоприятная. Естественно ли, чтобы он простоял целых пять или десять минут на одном месте, как это доктор Мортимер, с бо́льшим практическим смыслом, чем я мог предполагать в нем, заключил по пеплу его сигары?

— Но ведь он выходил каждый вечер.

— Не думаю, чтобы каждый вечер он стоял у калитки, выходящей на болото. Напротив, из рассказа видно, как он избегал болота. А в эту же ночь он стоял там и ждал. Это было накануне дня его отъезда в Лондон. Дело отчасти уже проясняется, Ватсон. Появляется последовательность. Могу я вас попросить передать мне скрипку, и мы отложим все дальнейшие размышления об этом деле, пока не будем иметь удовольствия увидеть завтра утром доктора Мортимера и сэра Генри Баскервилля.

IV. СЭР ГЕНРИ БАСКЕРВИЛЛЬ.

Наш завтрак кончился рано, и Холмс в халате ожидал назначенный визит. Наши клиенты оказались точными: часы только что пробили десять, когда в дверях появился доктор Мортимер, а за ним молодой баронет. Последний был небольшого роста, живой, черноглазый мужчина лет тридцати, крепко сложенный, с густыми черными бровями и здоровым серьезным лицом. Он был одет в костюм

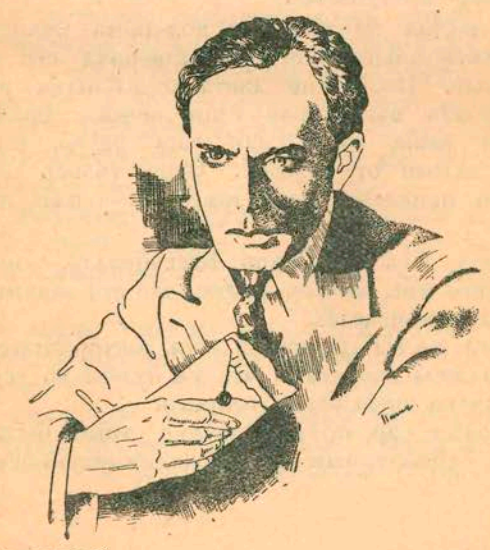
красноватого оттенка и имел вид человека, проводившего большую часть своего времени на воздухе, но тем не менее в его решительном взгляде и в спокойной уверенности его манер был что-то, обличающее в нем джентльмена.

— Это сэр Генри Баскервилль! — сказал доктор Мортимер.

— Ну, конечно! — подтвердил сэр Генри. — И удивительнее всего то, мистер Шерлок Холмс, что не предложи мне мой друг пойти к вам сегодня утром, я бы сам пришел сюда. Мне известно, что вы занимаетесь разгадкой маленьких ребусов и сегодня утром мне попался один такой, который требует бо́льшей сосредоточенности, чем я на то способен.

— Садитесь, пожалуйста, сэр Генри. Как я понял, с вами уже случилось нечто необыкновенное с тех пор, как вы приехали в Лондон?

— Ничего особенно важного, мистер Холмс. Что- то похожее на шутку. Сегодня утром я получил вот это письмо, если только его можно назвать письмом.

И он выложил на стол конверт, над которым мы все нагнулись. Конверт был из простой сероватой бумаги. Адрес: «Сэр Генри Баскервилль, Нортумберландский отель», был напечатан неровными буквами; на почтовом штемпеле стояло «Чэринг-Кросс» и вчерашнее число.

— Кому было известно, что вы остановитесь в Нортумберландском отеле? — спросил Холмс, проницательно всматриваясь в нашего посетителя.

— Никто не мог этого знать. Мы решили вместе с доктором Мортимером остановиться в этом отеле уже после того, как я с ним встретился.

— Но, без сомнения, доктор Мортимер уже поселился там раньше?

— Нет, я остановился у одного приятеля, — сказал доктор. Ничто не указывало на наше намерение отправиться в этот отель.

— Гм! Кто-то, повидимому, весьма глубоко заинтересован вашими поступками.

Холмс достал из конверта пол-листа бумаги малого формата, сложенный вчетверо; развернул его и расправил на столе. Посредине листа отдельными печатными словами стояла наклеенная единственная фраза: «Если вам ценна ваша жизнь или ваш разум, вы должны держаться далеко от болота». Одно только слово «болото» было написано чернилами, но также печатными буквами.

— Теперь, — сказал Генри Баскервилль, — вы, может быть, скажете мне, мистер Холмс, что это значит, и какой чорт суется в мои дела?

— А что же вы думаете об этом, доктор Мортимер? Теперь вы должны допустить, что уж тут-то во всяком случае нет ничего сверхъестественного.

— Конечно, сэр, но это письмо могло быть послано человеком, убежденным в сверхъестественности этого дела.

— Какого дела? — резко спросил сэр Генри. — Мне кажется, что о моих делах вы все знаете гораздо больше, чем я.

— Мы поделимся с вами всем, прежде чем вы уйдете из этой комнаты, сэр Генри. Обещаю вам это! — сказал Шерлок Холмс. — А пока, с вашего позволения, мы ограничимся этим весьма интересным документом, который, по всей вероятности, составлен и сдан на почту вчера вечером. Нет ли у вас вчерашнего «Таймса», Ватсон?

— Он тут в углу.

— Могу я вас попросить достать его и развернуть передовую страницу?

Он быстро пробежал глазами столбцы газеты и сказал:

— Вот отменная статья о свободной торговле. Позвольте мне прочитать вам извлечение из нее. «Если вам польстят и вы вообразите, что от покровительственного тарифа должны выиграть ваша специальная торговля или ваша собственная промышленность, то разум говорит, однако, что от такого законодательства вашей стране далеко не поздоровится, ваша ввозная торговля станет менее ценна и жизнь на острове в ее общих условиях будет держаться на низком уровне». Что вы думаете об этом, Ватсон? — воскликнул сияющий Холмс, потирая от удовольствия руки. — Не находите ли вы, что тут выражено прекрасное чувство?

Доктор Мортимер посмотрел на Холмса с выражением профессионального интереса, а сэр Генри Баскервилль в недоумении посмотрел на меня своими черными глазами и сказал:

— Я не много смыслю в тарифах и тому подобном, но мне кажется, что мы удалились от пути к объяснению этого письма.

— Напротив, сэр Генри, мы идем по самым горячим следам. Ватсон больше вас знаком с моим методом, но я опасаюсь, что и он не вполне понял значение этой сентенции.

— Признаюсь, я тоже не понимаю, какое она имеет отношение к письму.

— А между тем, милый Ватсон, между ними существует тесная связь, одно взято из другого. «Если», «вам», «вы», «вы», «от», «должны», «ваша», «ваш», «разум», «далеко», «ценна», «жизнь», «держаться». — Теперь вам ясно, откуда взяты эти слова?

— Чорт возьми, вы правы! Ну, разве это не прелесть! — воскликнул сэр Генри.

— Ну, мистер Холмс, это превосходит все, что я мог себе представить, — произнес доктор Мортимер, смотря с удивлением на моего друга. — Я мог бы еще догадаться, что слова взяты из газеты, но сказать из какой именно и вдобавок, что они из передовой статьи, — это поистине удивительно. Как вы это узнали?

— Мне кажется, доктор, что вы отличите череп негра от черепа эскимоса?

— Конечно!

— А почему?

— Потому, что это моя специальность. Различие сразу бросается в глаза. Надглазная выпуклость, лицевой угол, изгиб челюсти...

— Ну, а это моя специальность, и различие также бросается в глаза. На мой взгляд существует такая же разница между разделенным шпонами шрифтом боргесом, которым печатаются статьи «Таймса», и неряшливым шрифтом дешевой вечерней маленькой газетки, как и между вашим негром и эскимосом. Распознавание шрифтов одно из самых элементарных знаний эксперта по преступлениям, хотя признаюсь, что однажды, когда я был еще очень молод, я смешал «Leeds Mercury» с «Western Morning News». Но передовую статью «Таймса» очень легко отличить, и эти слова больше ни откуда взяты быть не могли. Так как это сделано вчера, то по всей вероятности слова вырезаны из вчерашнего номера.

— Насколько я улавливаю ход ваших мыслей, мистер Холмс, — сказал сэр Генри Баскервилль, — кто-то вырезал это послание ножницами...

— Ногтяными ножницами! — добавил Холмс. — Видно, что ножницы были очень коротки, ибо слово «держаться» вырезано в два приема.

— Это верно! Итак, кто-то вырезал слова короткими ножницами и наклеил их клейстером...

— Клеем, — поправил Холмс.

— Клеем на бумагу. Но мне хочется знать, почему слово «болото» написано чернилами?

— Потому, что его не нашли в газете. Остальные слова очень просты и могли найтись в любом номере, но «болото» более редкое слово.

— Да, конечно, теперь это вполне ясно. Но не узнали ли вы еще чего-нибудь из этого письма, мистер Холмс?

— Есть еще одно или два указания, несмотря на то, что тут были приняты все меры, чтобы замести следы. Вы заметили, что адрес напечатан неровными буквами. «Таймс» такая газета, которую редко можно найти в чьих бы то ни было руках, кроме высоко-образованных людей. А потому из этого мы можем заключить, что письмо составлено образованным человеком, желавшим, чтобы его сочли за необразованного, и такое старание скрыть свой почерк наводит на мысль, что этот почерк вам знаком или может стать знакомым. Еще заметьте, что слова не наклеены аккуратно в одну линию и что некоторые гораздо выше других. Слово «жизнь», например, совершенно не на своем месте. Это доказывает, может быть, небрежность, а, может быть, волнение и поспешность со стороны отправителя. Я придерживаюсь последнего вывода, ибо если дело было настолько важно, то нельзя думать, чтобы составитель письма был небрежен. Если же он спешил, то тут появляется интересный вопрос, почему он спешил, так как всякое письмо, бро-

шенное в почтовый ящик сегодня утром, дошло бы до сэра Генри раньше его выхода из отеля. Не опасался ли составитель письма какой-либо помехи и если так, то чьей?

— Теперь мы входим уже в область догадок,—заметил доктор Мортимер.

— Вернее в область, в которой мы взвешиваем вероятности и выбираем самую возможную из них. Это научный способ воображения, но у нас всегда есть материальное основание, на котором и строятся наши выводы. Вот вы, конечно, назовете это догадкой, а я почти уверен, что этот адрес написан в отеле.

— Но скажите же, как вы можете утверждать это?

— Если вы тщательно рассмотрите письмо, то увидите, что и перо и чернила причинили пишущему много хлопот. Перо брызнуло два раза в одном слове и трижды высыхало во время писания короткого адреса, что служит доказательством, что в чернильнице было очень мало чернил. «Частные» перо и чернильница редко бывают в таком плачевном состоянии, а чтобы обе эти принадлежности писания были скверные—обстоятельство, встречающееся весьма редко. Но, ведь, вы знаете, каковы вообще чернила и перья в гостиницах. Да, говоря, что имей мы возможность обыскать мусорные корзинки во всех отелях по соседству с Чэринг-Кроссом, мы бы напали на остатки вырезанной передовой статьи «Таймса» и сразу наложили бы руки на человека, пославшего это оригинальное письмо. Эге! А что это такое?

Он тщательно рассматривал бумагу с наклеенными словами, держа ее всего дюйма на два от своих глаз.

— В чем дело?

— Ничего! — ответил Холмс, опуская бумагу. — Это чистый полулист бумаги, даже без водяного знака. Я думаю, что мы извлекли все, что только можно было, из этого любопытного письма; а теперь, сэр Генри, не случилось ли еще чего-нибудь интересного с вами с тех пор, как вы в Лондоне?

— Нет, мистер Холмс. Пока больше ничего.

— Вы не заметили, чтобы кто-нибудь следовал за вами и караулил вас?

— У меня такое впечатление, будто я прямо попал в самый разгар уголовного романа! — ответил наш гость. — Какому чорту потребуется следить за мною или караулить меня?

— Мы подойдем к этому вопросу. Но, прежде чем приняться за него, нет ли у вас еще чего-нибудь, чтобы сообщить нам?

— Это зависит от того, что вы считаете стоющим сообщения.

— Я считаю стоющим внимания все то, что выходит из ряда обыденщины.

Сэр Генри улыбнулся.

— Я еще мало знаком с британскою жизнью, ибо почти всю свою жизнь я провел в Штатах и в Канаде. Но надеюсь, что и у вас здесь не считается обыкновенным делом потеря одного сапога.

— Вы потеряли один из ваших сапог?

— Ах, милый сэр! — воскликнул доктор Мортимер. — Он просто завалился куда-нибудь. Вы найдете его, когда вернетесь в отель. Нет надобности беспокоить мистера Холмса такими пустяками.

— Да, ведь, он же сам просил меня рассказать о том, что выходит из ряда обыденной жизни.

— Говорите все, — сказал Холмс, — каким бы инцидент ни казался пустячным. Вы говорите, что потеряли один сапог?

— Я поставил вчера вечером оба сапога за дверь, а утром там оказался только один. Я ничего не мог добиться от коридорного, который чистил их. Но самое скверное то, что я только вчера вечером купил эту пару сапог и еще ни разу не надевал ее.

— Если вы ни разу не надевали этих сапог, то зачем же вы их выставляли для чистки?

— То были дубленые сапоги, и они не были покрыты ваксою. Вот почему я их и выставил.

— Следовательно, когда вы вчера приехали в Лондон, то сразу отправились покупать сапоги?

— Я многое чего накупил. Доктор Мортимер ходил со мною. Видите ли, раз мне приходится быть там помещиком, то я должен и одеться соответствующим образом; весьма возможно, что на Западе я стал несколько небрежен в этом отношении. Между прочими вещами я купил и те коричневые сапоги (дал шесть долларов за них), а теперь один из них украден прежде, чем я успел их надеть.

— Это кажется чересчур бесцельным воровством, — сказал Шерлок Холмс. — Признаюсь, я разделяю мнение доктора Мортимера, что пропавший сапог скоро найдется.

— А теперь, джентльмены, — решительно произнес баронет,—я нахожу, что совершенно достаточно говорить о том немногом, что я знаю. Теперь пора вам выполнить свое обещание и дать мне полный отчет обо всем, что вызвало все эти хлопоты.

— Ваше требование вполне разумно!—сказал Холмс.— Доктор Мортимер, мне кажется, что будет лучше всего, если вы расскажете нам еще раз свою историю.

Поощренный этим приглашением наш ученый друг вынул из кармана бумаги и изложил все дело так, как он это сделал накануне. Сэр Генри Баскервилль слушал с глубочайшим вниманием и, по временам, у него вырывались возгласы удивления.

— Повидимому, я получил в наследство и месть!—сказал он, когда длинная повесть была окончена. — Я, конечно, слышал о собаке, когда еще был ребенком. Это была любимая история в нашей семье, хотя раньше я никогда не относился к ней серьезно. Но со времени смерти моего дяди, она так и бурлит у меня в голове, я не могу отделаться от нее. Но и вы как будто еще не решили, чье это дело: полиции или церкви.

— Совершенно верно.

— Теперь же явилось еще это письмо на мое имя в отель. Полагаю, что и оно является звеном.

— Оно доказывает, что кто-то знает больше нас о том, что происходит на болоте, — сказал доктор Мортимер.

— А также и то, — прибавил Холмс, — что кто-то к вам благоволит, раз он предостерегает вас от опасности.

— А может быть, меня желают удалить из личных интересов?

— Конечно, и это возможно. Я весьма признателен вам, доктор Мортимер, что вы познакомили меня с задачею, заключающею столько интересных сторон. Но теперь надо решить практический вопрос, будет ли благоразумно, сэр Генри, отправиться вам в Баскервилль-холл?

— А почему бы нет?

— Повидимому, там есть опасность.

— Какую опасность вы подразумеваете, — нашего фамильного врага или людскую?

— Это-то нам и предстоит разузнать.

— Что бы там ни было, мой ответ уже готов. Нет такого дьявола в аду, мистер Холмс, и такого человека на земле, который помешал бы мне возвратиться на мою родину. Считайте это окончательным решением.

Его темные брови нахмурились, а лицо побагровело. Огненный темперамент Баскервиллей, очевидно, еще не угас в этом последнем их потомке.

— Ведь у меня даже и времени не было подумать о том, что вы мне рассказали, — заговорил он снова. — Все-таки довольно тяжело понять и решить дело в один присест. Мне бы хотелось провести один час спокойно наедине и все хорошенько обдумать. Послушайте, мистер Холмс, теперь половина двенадцатого, и я отправляюсь прямо в свой отель. Что бы вы сказали, если бы я попросил вас и вашего друга доктора Ватсона прийти

позавтракать с нами в два часа? Тогда я буду в состоянии объяснить вам лучше мое впечатление от этой истории.

— Вам это подходит, Ватсон?

— Вполне.

— В таком случае, ждите нас. Не приказать ли позвать для вас кэб?

— Нет, я лучше пройдусь, потому ч о все это несколько взволновало меня.

— И я с удовольствием прогуляюсь с вами, — сказал его компаньон.

— Итак, в два часа. До свидания!

Мы слышали, как наши гости спустились по лестнице и как за ними захлопнулась парадная дверь. В ту же минуту из сонного мечтателя Холмс преобразился в человека действия.

— Одевайте вашу шляпу и сапоги, Ватсон, живо! Нельзя терять ни одной минуты!

— С этими словами, он, как был в халате, бросился в свою комнату и через несколько секунд вышел оттуда уже в сюртуке. Мы побежали вниз по лестнице и вышли на улицу. Доктор Мортимер и Баскервилль были еще видны, приблизительно, ярдах в двухстах, впереди нас и шли по направлению к Оксфорд-стриту.

— Не остановить ли мне их?

— Ни в коем случае, мой милый Ватсон. Я вполне довольствуюсь вашим обществом, если вы переносите мое. Наши друзья — умные люди, ибо утро поистине создано для прогулки.

Он быстро зашагал, пока расстояние, отделявшее нас от наших посетителей, не уменьшилось вдвое. И вот, оставаясь все время в ста ярдах позади их, мы последовали за ними сперва в Оксфорд-стрит, а оттуда далее в Риджент-стрит. Один раз наши приятели остановились у окна магазина. Холмс последовал их примеру. Но вдруг он удивленно вскрикнул и, следуя за его проницательным взглядом, я увидел кэб с кучерским сидением позади, а в самом кэбе человека; он остановил экипаж на другой стороне улицы, и медленно продвигался вперед.

— Этот человек нам нужен, Ватсон, идем! Мы хоть посмотрим на него, если не будем в состоянии сделать ничего лучшего.

В эту минуту я отчетливо рассмотрел густую черную бороду и пару пронизывающих глаз, смотревших на нас через боковое окно кэба. Но он моментально открыл опускное отверстие наверху, что-то сказал кучеру, и кэб бешено полетел вниз по Роджент-стрит. Холмс нетерпеливо начал осматриваться кругом, ища другой кэб, но ни одного не оказалось пустого. Тогда он пустился в неистовую погоню, бросившись в самую середину движения улицы, но расстояние было слишком велико, и кэб уже исчез из виду.

— Ну вот! — с горечью воскликнул Холмс, когда, запыхавшись и весь бледный от досады, вынырнул из потока экипажей. Ведь бывает же такое невезение и можно же так нелепо подвести себя! Ватсон, Ватсон, если вы честный человек, то вы все это расскажете и выставите мою оплошность!

— Что это был за человек?

— Понятия не имею.

— Шпион?

— Из всего того, что мы узнали, очевидно, что кто-то очень старательно следит за Баскервиллем с тех пор, как он в городе. Иначе, как же можно было так быстро узнать, что он остановился в Нортумберландском отеле? Из факта, что за ним следили в первый день, я вывожу заключение, что за ним будут следить и во второй день. Вы, вероятно, заметили, что я дважды подходил к окну, пока доктор Мортимер читал свою легенду.

— Да, помню.

— Я думал увидеть праздношатающихся на улице, но не заметил ни одного. Мы имеем дело с умным человеком‘

Ватсон. Тут все очень тонко задумано и, хотя я еще окончательно не решил, с кем мы имеем дело — с доброжелателем или врагом, но уже вижу, что тут есть чья-то воля и определенный план. Когда наши приятели вышли, я тотчас же последовал за ними и надеялся заметить их невидимого спутника. Однако у него хватило сообразительности не итти пешком, а запастись кэбом, в котором он мог или медленно ехать за ними, или же быстро скрыться и не быть ими замеченным. Это еще имело одно преимущество, ибо, если бы они тоже взяли кэб, то и тогда он не отстал бы от них. Но все-таки и это имеет одно большое неудобство.

— Это отдает его в руки кэбмана.

— Именно!

— Как жаль, что мы не посмотрели на номер!

— Милый Ватсон, каким бы я сегодня ни был увальнем, неужели вы все-таки серьезно думаете, что я не обратил внимания на номер? Номер этот 2704. Но в настоящую минуту он для нас бесполезен.

— Я не вижу, что вы могли сделать большее.

— Заметив кэб, я должен был немедленно повернуть назад и пойти в обратную сторону. Тогда бы я мог свободно нанять другой кэб и на почтительном расстоянии следовать за первым или, еще лучше, поехать прямо в Нортумберландский отель и там дожидаться его. Когда наш незнакомец проследил бы за Баскервиллем до его дома, мы имели бы возможность повторить на нем самом его маневр и увидеть, с какою целью он его затеял. А теперь своей необдуманной поспешностью, которою наш противник воспользовался необыкновенно быстро, мы выдали себя и потеряли его след.

Разговаривая таким образом, мы медленно подвигались по Риджент-стрит, и доктор Мортимер с своим товарищем давно исчезли из наших глаз.

— Нет никакой нужды следить за ними, — сказал Холмс. — Тень их исчезла и не вернется. Теперь нам осталось просмотреть, какие у нас остались карты в руках, чтобы начать решительную игру. Уверены ли вы, что узнали бы человека, сидевшего в кэбе?

— Я уверен только в том, что узнал бы его бороду.

— И я также, а отсюда заключаю, что она приставная. Умному человеку, пустившемуся на такое щепетильное дело, нет иной надобности в бороде, как для того только, чтобы скрыть свои черты. Войдем сюда, Ватсон!

И он завернул в одну из участковых комиссионных контор, управляющий которой горячо приветствовал его.

— А, Вильсон, я вижу, что вы еще не забыли того маленького дела, в котором я имел счастье вам помочь?

— О, конечно, сэр, я его не забыл! Вы спасли мое доброе имя, а может быть и жизнь.

— Друг мой, вы преувеличиваете. Мне помнится, Вильсон, что между вашими мальчиками был малый по имени Картрайт, который на следствии оказался довольно способным.

— Он еще у нас, сэр.

— Не можете ли вы его вызвать сюда? Благодарю вас! И, пожалуйста, разменяйте мне эти пять фунтов.

Юноша лет четырнадцати, красивый и смышленый с виду, явился на зов. Неподвижно стоя, он смотрел с большим уважением на знаменитого сыщика.

— Дайте мне список отелей! — сказал Холмс. — Благодарю вас! Вот вам, Картрайт, названия двадцати трех отелей, которые находятся в непосредственном соседстве с Чэринг-Кроссом. Видите?

— Да, сэр.

— Вы зайдете во все эти отели.

— Да, сэр.

— В каждом из них вы начнете с того, что дадите привратнику один шиллинг. Вот двадцать три шиллинга.

— Да, сэр.

— Вы скажете ему, что желаете пересмотреть вчерашние брошеные газеты. Свое желание вы объясните тем,

что затеряна очень важная телеграмма и теперь вы разыскиваете ее. Понимаете?

— Да, сэр.

— Но в действительности вы будете разыскивать среднюю страницу «Таймса», с вырезанными в ней ножницами дырками. Вот нумер «Таймса» и вот страница. Вы легко узнаете ее, не правда ли?

— Да, сэр.

— В каждом отеле привратник пошлет за швейцаром вестибюля, каждому из них вы также дадите шиллинг. Вот еще двадцать три шиллинга. Весьма вероятно, что в двадцати случаях из двадцати трех вам скажут, что вчерашние газеты сожжены или брошены. В остальных же трех вам покажут кучу газет и там вы разыщите в ней эту страницу «Таймса». Много шансов против того, чтобы вы ее не нашли. Вот вам еще десять шиллингов на непредвиденные случаи. Сегодня до вечера вы мне сообщите о результатах в Бэкер-стрит по телеграфу. А теперь, Ватсон, нам остается только узнать по телеграфу о личности кучера кэба № 2704, а затем мы зайдем в одну из картинных галлерей Бонд-стрита, и до назначенного в отеле свидания проведем приятно время.

V. ТРИ ПОРВАННЫХ НИТИ.

Шерлок Холмс обладал изумительной способностью отвлекать свои мысли по желанию. Странное дело, в которое нас вовлекли, в продолжение двух часов как будто было совершенно позабыто им, и весь он был поглощен картинами новейших бельгийских мастеров. По выходе из галлереи он не хотел ни о чем другом разговаривать, кроме искусства (о котором, впрочем, мы имели самые элементарные понятия), пока мы не дошли до Нортуберландского отеля.

— Сэр Генри Баскервилль ожидает вас наверху! — сказал портье. — Он просил меня тотчас же, как вы придете, провести вас к нему.

— Вы ничего не будете иметь против того, если я загляну в вашу книгу записей? — спросил Холмс.

— Сделайте одолжение!

В книге после имени Баскервилля было занесено еще два. Одно было Теофилус Джонсон с семейством, из Ньюкэстля, а другое — миссис Ольдмар, с горничной, из Гай-Лодж, Альтон.

— Это наверное тот самый Джонсон, которого я знавал, — сказал Холмс. — Он юрист, не правда ли, седой и прихрамывает.

— Нет, сэр, этот Джонсон владелец каменноугольных копей, очень подвижной джентльмен, не старше вас.

— Вы, должно быть, ошибаетесь относительно его специальности.

— Нет, сэр. Он уже много лет останавливается в нашем отеле, и мы его очень хорошо знаем.

— А тогда это дело другое. А миссис Ольдмар? Мне что-то помнится, как будто и ее имя мне знакомо. Простите мне мое любопытство, но часто бывает, что навещая одного друга, находишь другого.

— Она больная дама, сэр. Ее муж был майором; когда она бывает в городе, то всегда останавливается у нас.

— Благодарю вас. Я, кажется, не могу претендовать на знакомство с нею. Этими вопросами, Ватсон, — продолжал он тихим голосом, пока мы поднимались по лестнице, — мы установили крайне важный факт. Теперь мы знаем, что человек, интересующийся нашим приятелем, не остановился с ним в одном отеле. Из этого видно, что, следя за ним, как мы видели, он вместе с тем боится быть замеченным. Ну, а это очень занимательный факт.

— Чем?

— А тем... Эге, милый друг, в чем дело?

Огибая перила наверху лестницы, мы наткнулись на самого Генри Баскервилля. Его лицо было красно от гнева, и он держал в руке старый пыльный сапог. Он до того был взбешен, что слова не выходили у него из

горла, когда же перевел дух, то заговорил вдруг на гораздо более вольном и более западном диалекте, чем тот, каким говорил утром.

— Чорт подери! В этом отеле меня дурачат, точно молокососа! — воскликнул он. — Советую быть поосторожнее, не то увидите, что не на такого напали. Чорт возьми, если этот мальчишка не найдет моего сапога, то им не сдобровать! Я допускаю шутку, мистер Холмс, но на этот раз они хватили через меру.

— Вы все еще ищете свой сапог?

— Да, сэр, и намерен его найти.

— Но ведь вы же говорили, что это был новый коричневый сапог.

— Да, сэр! А теперь это старый черный.

— Что! Неужели?..

— Именно! У меня было всего три пары сапог: новые коричневые, старые черные и эти из лакированной кожи, что на мне. В прошлую ночь у меня взяли один коричневый сапог, а сегодня стибрили черный. Ну, нашли вы его? Да отвечайте же и не стойте, выпучив глаза!

На сцену появился взволнованный немец-лакей.

— Нет, сэр. Я справлялся по всему отелю, но ничего не мог узнать.

— Хорошо! Или же сапог будет мне возвращен до захода солнца, или я пойду к хозяину и скажу, что моментально выезжаю из его отеля.

— Он будет найден, сэр... обещаю вам, если вы только потерпите, он будет найден.

— Надеюсь, иначе это будет последняя вещь, которую я теряю в этом притоне воров. Однако, простите меня, мистер Холмс, что я беспокою вас такими пустяками.

— Я думаю, что это стоит беспокойства.

— Вы как будто серьезно смотрите на это дело.

— Чем вы это все объясняете?

— Я не стараюсь объяснять этого случая. Он кажется крайне нелепым и странным.

— Что, странный, это пожалуй, — произнес Холмс в раздумьи.

— Но что вы-то сами думаете о нем?

— Не могу сказать, что совсем осмыслил его. Это очень сложная штука, сэр Генри. Если связать с этим смерть вашего дяди, то должен признаться, что из пятисот весьма сложных дел, которыми мне приходилось заниматься, еще ни одно не задавало мне таких головоломок. Но у нас в руках уже есть несколько нитей и все шансы за то, что не та, так другая из них приведет нас к истине. Мы можем потратить время не на ту, которая необходима, но рано или поздно мы все-таки нападем на верный путь.

За завтраком мы приятно провели время и очень мало говорили о том деле, которое свело нас. И только когда перешли в личную гостиную Генри Баскервилля, то Холмс спросил его, как он намерен поступать теперь.

— Отправиться в Баскервилль-холл

— Когда?

— В конце недели.

— В сущности, — сказал Холмс, — я нахожу ваше решение разумным. Для меня вполне очевидно, что в Лондоне за вами следят, в миллионном же населении этого громадного города узнать, кто следит и какая цель для этого — вовсе не легко. Если намерения этого человека злостные, то он может причинить вам несчастие, и мы бессильны предотвратить его. Доктор Мортимер, знаете ли вы, что сегодня утром за вами по пятам следили от моего дома?

Доктор Мортимер сильно вздрогнул.

— Следили? Кто?

— К сожалению, этого я вам не могу сказать. Но нет ли между вашими соседями или знакомыми в Дартмуре кого нибудь с густою черною бородою?

— Нет... ах, постойте! Да, у Барримора, дворецкого сэра Чарльза, густая черная борода!

— А где находится этот Барримор?

— Ему поручен Баскервилльский дом.

— Нам лучше удостовериться, действительно ли он там и не попал ли каким-нибудь образом в Лондон.

— Как же вы это узнаете?

— Дайте мне телеграфный бланк. «Все ли готово для сэра Генри?» Этого достаточно. Адресуйте мистеру Бар-римору Баскервилль-холл. Какая ближайшая телеграфная станция? Гримпен. Прекрасно, мы пошлем другую теле-грамму почтмейстеру: «Телеграмму мистеру Бэрримору вручить в собственные руки. Если он отсутствует, просьба телеграфировать ответ сэру Генри Баскервилль, Нортумбер-ландский отель». Это даст нам возможность узнать до сегодняшнего вечера, находится ли Бэрримор на своем посту в Девоншире или нет.

— Правильно! — сказал Баскервилль.— А, кстати, доктор Мортимер, что представляет из себя этот Бэрримор?

— Он сын старого управляющего, теперь покойного. Эта семья служила Баскервилль-холлу в продолжение четырех поколений. Насколько мне известно, он и жена его достойны полного доверия.

— Однако, — сказал Баскервилль, — известно, что с тех пор, как никто из нашего семейства не жил в Холле, они выстроили великолепный дом и при этом не имеют никакой работы.

— Да, это так.

— Получил ли что-нибудь Бэрримор по завещанию сэра Чарльза? — спросил Холмс.

— Он и жена его получили каждый по пятисот фунтов.

— Ага! А знали ли они, что получат эти деньги?

— Да, сэр Чарльз очень любил говорить о своем духовном завещании.

— Это весьма интересно!

— Надеюсь, — сказал доктор Мортимер, — что вы не смотрите подозрительно на всякого, кто получил наследство от сэра Чарльза, ибо он и мне оставил тысячу фунтов.

— В самом деле! А еще кому?

— Он оставил много незначительных сумм отдельным лицам и большие суммы на общественную благотвори-тельность. Все остальное досталось сэру Генри.

— А как велико это остальное?

— Семьсот сорок тысяч фунтов.

Холмс с удивлением поднял брови и сказал:

— Я никак не ожидал, что наследство сэра Чарльза достигает таких гигантских размеров.

— Сэр Чарльз пользовался репутацией богатого чело-века, но насколько он в действительности богат, никто не знал, пока не рассмотрели его бумаг. Общая стоимость поместья определена приблизительно в миллион.

— Ну-и-ну! Из-за такого куша человек может действи-тельно пойти на все. Еще вопрос, доктор Мортимер. Предположим, что с нашим молодым другом случится что-нибудь (простите мне такое неприятное предположе-ние), кому же тогда достанется поместье?

— Так как Роджер Баскервилль, младший брат сэра Чарльза, умер холостым, то поместье перейдет к дальним родственникам — Десмондам. Джэмс Десмонд — пожилой пастор в Вестмурланде.

— Благодарю вас. Все эти подробности очень инте-ресны. Встречались ли вы с мистером Джэмсом Де-смондом?

— Встречался! Однажды, он был с визитом у сэра Чарльза. Это человек почтенной наружности и очень набожный. Я помню, он отказался принять от сэра Чарльза имущество, хотя последний и настаивал на том, чтобы подарить ему что-нибудь.

— И человек с такими скромными вкусами мог бы получить миллионы сэра Чарльза?

— Он получил бы поместье, ибо таков порядок насле-дования. Он получил бы также и деньги, если бы настоя-щий владелец не распорядился ими иначе, на что он имел полное право.

— Написали ли вы свое завещание, сэр Генри?

— Нет, мистер Холм. У меня еще не было времени для этого, так как я только вчера узнал положение дел. Но я в свою очередь нахожу, что деньги должны итти вместе с титулом и поместьем. Таковы были убеждения моего бедного дяди. Каким образом восстановит владелец прежнее виликолепие Баскервилей, если у него нет денег для поддержания родового поместья? Дом, земля и доллары не могут быть разъединены.

— Совершенно верно! Итак, сэр Генри, я подтверждаю, что вам следует немедленно отправиться в Девоншир. Только примите одну предосторожность: вам никоим образом нельзя отправляться туда одному.

— Доктор Мортимер поедет со мною.

— Но у доктора Мортимера практика, которую он не может бросить, да и дом его находится в нескольких милях расстояния от вашего. При всем своем желании, он не в состоянии будет вам помочь. Нет, сэр Генри, вы должны взять с собою надежного человека, который находился бы постоянно возле вас.

— Может быть, мистер Холмс, вы сами согласитесь поехать со мной?

— Когда наступит нужный момент, я непременно явлюсь на место; но понимаете, что при моей обширной практике и постоянных обращениях ко мне за советами по всевозможным делам, я не могу уехать на неопределенный срок из Лондона. В настоящее время одно из самых почтенных имен в Англии в руках какого-то шантажиста, и только я один могу предотвратить скандал чреватый большим несчастием. Теперь вы видите, что я совершенно не могу отправиться в Дартмур.

— Тогда кого же вы посоветуете мне взять?

Холмс положил свою руку на мою и сказал:

— Если мой друг согласится, то нет более подходящего человека находиться возле вас, когда вы очутитесь в затруднительном положении. Никто не знает этого лучше меня.

Предложение это застало меня совершенно врасплох, но прежде чем я успел что-нибудь сказать, Баскервилль уже схватил меня за руку и, сердечно пожимая ее, воскликнул:

— Как вы добры, доктор Ватсон! Вы знаете мое положение, и дело вам так же знакомо, как и мне. Если вы поедете в Баскервилль-холл и избавите меня от опасности, то я никогда этого не забуду.

Область приключений всегда очаровывала меня, а кроме того, я был польщен словами Холмса и горячностью, с какою баронет приветствовал меня в качестве своего спутника.

— Я охотно поеду, — сказал я, — ибо лучшего применения своего времени я не мог бы и пожелать.

— И вы будете очень аккуратно сообщать мне обо всем, — сказал Холмс. — Когда наступит острый момент, которого я жду, то я скажу, как вам действовать. Полагаю, что в субботу все будет готово к отъезду?

— Удобно ли это будет доктору Ватсону?

— Вполне!

— Итак, в субботу, если ничего не произойдет нового, мы встретимся к отходу поезда 10 ч. 30 м. из Паддингтона.

Мы уже встали, чтобы проститься, как вдруг Баскервилль издал торжествующий возглас и из-под шкафика, стоявшего в одном из углов комнаты, вытащил коричневый сапог.

— Мой пропавший сапог! — воскликнул он.

— Дай бог, чтобы все наши затруднения так же быстро разрешались, — сказал Шерлок Холмс.

— Но это очень странно, — заметил доктор Мортимер. — Перед завтраком я крайне тщательно обыскал всю эту комнату.

— И я также! — сказал Баскервилль. — Я не оставил необысканным ни одного дюйма.

— И этого сапога тут еще не было.

— В таком случае, его поставил сюда лакей, пока мы завтракали.

Послали за немцем, но тот ответил, что он ничего не знает, и никакие расследования не разъяснили нам этого случая. Таким образом, прибавился еще новый пункт к этой беспрерывной цепи бесцельных, повидимому, мелких тайн, появлявшихся одна вслед за другою с такой быстротой. Оставив в стороне мрачную смерть сэра Чарльза, мы увидели перед собою ряд необъяснимых случаев, происшедших за два дня, а именно: получение письма из печатных слов, встреча чернобородого шпиона в кэбе, пропажа нового коричневого сапога, пропажа старого черного и, наконец, находка нового коричневого сапога. Возвращаясь в Бэкер-стрит, Холмс молча сидел в углу кэба и по сдвинутым бровям и выразительному лицу его я видел, что его ум, так же, как и мой, старается составить какую-нибудь картину, куда могли бы войти все эти странные эпизоды, ничем, повидимому, не связанные между собою. До позднего вечера сидел он так, окутанный табачным дымом и погруженный в свои мысли.

Перед самым обедом нам подали две телеграммы. Первая гласила: «Только что узнал, что Барримор в Баскервилль-холле». Вторая: «Был в двадцати трех отелях, но, к сожалению, не напал на след изрезанного листа «Таймса»— Картрайт».

— Из моих нитей две уже порваны, Ватсон. Но ничто так не подхлестывает, как случай, в котором все складывается против вас. Мы должны найти другой след.

— У нас остается еще кучер, который возил шпиона.

— Совершенно верно. Я телеграфировал, чтобы узнали из официального списка его имя и адрес. Я думаю, что вот и ответ на мой запрос.

Звон колокольчика оказался еще более удовлетворительным, чем ответ, так как отворилась дверь, и в комнату вошел грубый с виду человек, очевидно, кучер, о котором шла речь.

— Я получил извещение из главной конторы, — сказал он, — что господин, живущий здесь, требовал к себе № 2704. Я правлю своим кэбом уже семь лет и никогда не было жалоб на меня. Я пришел сюда прямо из двора, чтобы спросить вас лично, что вы имеете против меня.

— Я ровно ничего не имею против вас, милый человек! — сказал Холмс. — Напротив, у меня для вас есть полсоверена, если вы дадите мне ясные ответы на мои вопросы.

— Ладно, тогда это будет хороший день! — сказал кучер, улыбнувшись во весь рот. — Так что же вы желаете спросить, сэр?

— Прежде всего, ваше имя и адрес на случай, если вы мне еще раз понадобитесь.

— Джон Клэйтон, 3, Терпэйстрит. Мой кэб из двора Шинлей, около станции Ватерлоо.

Шерлок Холмс записал эти сведения.

— А теперь, Клэйтон, расскажите мне все, что касается вашего седока, который сегодня в десять часов утра сперва караулил возле этого дома, а затем поехал следом за двумя джентльменами по Риджент-стрит.

Извозчик казался удивленным и несколько смущенным, но все же ответил:

— Чтож, мне нечего сообщить вам, так как, повидимому, вы уже знаете столько же, сколько и я. Дело в том, что мой седок заявил мне, что он сыщик и я не должен говорить о нем никому.

— Это, милый человек, дело очень серьезное, и вы можете попасть в очень плохую историю, если вздумаете утаить что-нибудь от меня. Так вы говорите, что ваш седок выдал себя за сыщика?

— Да.

— Когда он вам сказал об этом?

— Когда уходил.

— Не сказал ли он еще чего-нибудь?

— Он назвал свое имя.

Холмс бросил на меня торжествующий взгляд.

— А-а, он назвал свое имя? Это было неосторожно. И какое же это было имя?

— Его имя, — ответил извозчик, — мистер Шерлок Холмс.

Никогда в жизни я еще не видел, чтобы мой друг был так ошеломлен. Он молчал, пораженный удивлением, а затем разразился искренним смехом.

— Ну и парень, Ватсон, остроумный парень! — сказал он. — Я чувствую в нем такую же быструю и гибкую сообразительность, как моя собственная. Он недурно прошелся на мой счет. Так, значит, его зовут Шерлоком Холмсом?

— Да, сэр.

— Превосходно! Расскажите мне, где вы его посадили, и все, что затем случилось.

— В половине десятого он подозвал меня в Трафальгарском сквере. Назвал себя сыщиком и предложил мне две гинеи, если я весь день буду делать все, что он потребует, не задавая ему никаких вопросов. Я охотно согласился. Мы сначала поехали в Нортумберландский отель и ждали там, пока не вышли оттуда два джентльмена и не взяли кэб. Тогда мы последовали за их кэбом, пока он не остановился где-то тут.

— У самой этой двери? — сказал Холмс.

— Пожалуй, я не могу припомнить в точности, но моему седоку все было прекрасно известно. Мы отъехали на половину улицы и ждали там полтора часа. А когда двое джентльменов прошли, гуляя, мимо нас, то мы последовали за ними по Бекер-стрит и вдоль...

— Я знаю, — прервал его Холмс.

— Пока не проехали три квартала Риджент-стрита. И тут мой седок открыл верхнее окошечко и крикнул мне, чтобы я ехал как можно быстрее прямо на Ватерлооскую станцию. Я подстегнул свою кобылу, и через десять минут мы были на месте. Он заплатил мне две гинеи, как порядочный человек, и пошел на станцию. Но, уходя, обернулся и сказал: «Может быть, вам интересно знать, что вы возили мистера Шерлока Холмса». Вот как я узнал его имя.

— Понимаю. И больше вы не видали его?

— Нет, он вошел на станцию и скрылся.

— Ну, а как бы вы описали наружность мистера Шерлока Холмса?

Извозчик почесал голову.

— Описать этого джентльмена вовсе не так просто. Я бы дал ему лет сорок, роста он среднего, дюйма на два, на три ниже вас, сэр. Одет мешковато, борода у него черная, подстриженная четыреугольником, лицо бледное. Ничего больше не могу сказать о нем.

— Какого цвета у него глаза?

— Не могу этого сказать.

— И вы ничего больше не припомните?

— Нет, сэр, ничего.

— Ладно, вот ваш полусоверен. Другая половина ожидает вас, если вы доставите еще какие-нибудь сведения. Покойной ночи.

— Покойной ночи, сэр, благодарю вас.

Джон Клэйтон удалился, посмеиваясь, а Холмс обернулся ко мне и, пожимая плечами, спокойно улыбался.

— И третья наша нить оборвалась. Мы кончили тем, с чего начали — сказал он. — Хитрый мерзавец! Он знал наш дом, знал, что сэр Генри Баскервилль был у меня, на Риджент-стрите узнал меня, сообразил, что я заметил номер кэба и примусь за кучера, а потому послал мне этот дерзкий вызов. Говорю вам, Ватсон, за это время мы приобрели врага, достойного нашего оружия. Что касается меня, то я получил шах и мат в Лондоне и могу только пожелать вам большего счастья в Девоншире. Но я вовсе не спокоен по этому поводу.

— По какому?

— Да вот, насчет того, что вы отправляетесь туда. Скверное это дело, Ватсон, опасное дело, и чем больше

я знакомлюсь с ним, тем меньше оно мне по душе. Да, милый друг, смейтесь, но даю вам слово, что буду несказано рад, когда вы вернетесь здравым и невредимым на Бекер-стрит.

VI. БАСКЕРВИЛЛЬ-ХОЛЛ.

Сэр Генри Баскервилль и доктор Мортимер были готовы в назначенный день, и как было условлено, мы отправились в Девоншир. Шерлок Холмс проводил меня на станцию и на прощание дал мне инструкции и советы.

— Я не стану, Ватсон, сбивать вас с толку разными предположениями и подозрениями, — сказал он. — Я хочу только, чтобы вы как можно подробнее сообщали мне о фактах и помогли составить план.

— О каких фактах? — спросил я.

— Обо всем, что может относиться, хотя бы даже и косвенно, к занимающему нас делу, особенно любопытны отношения между молодым Баскервиллем и его соседями, а также и все новые подробности о смерти сэра Чарльза. За последние дни я уже навел некоторые справки, но боюсь, что результаты их оказались отрицательными. Одно только кажется мне положительным, это то, что мистер Джемс Десмонд, следующий наследник, человек очень милого характера и что это преследование — не его затея. Думаю, что мы совершенно исключим его из наших предположений. Остаются люди на болоте, среди которых будет жить сэр Генри Баскервилль.

— Не лучше ли было бы прежде всего отделаться от этой четы Барримор?

Ни в каком случае! Этим вы бы сделали непростительную ошибку. Если они невинны, это было бы жестокою несправедливостью; если же они преступны, то это отняло бы у нас всякую возможность уличить их. Нет, нет, мы оставим их в нашем списке подозрительных лиц. Затем, насколько я помню, в Холле есть конюх. Есть два

фермера на болоте. Есть наш друг, доктор Мортимер, которого я считаю вполне честным, и его жена, о которой мы ничего не знаем. Есть ученый Стапльтон и его сестра, про которую говорят, что она симпатичная молодая девушка. Есть мистер Франкланд из Лафтар-Холла, тоже неизвестная нам личность, и еще один или два соседа. Все эти люди должны составить предмет вашего специального изучения.

— Я сделаю все зависящее от меня.

— Надеюсь, у вас есть оружие?

— Да, я решил взять его с собою.

— Правильно! Не расставайтесь со своим револьвером ни днем ни ночью и никогда не пренебрегайте предосторожностями.

Наши приятели уже заняли места в вагоне первого класса и ожидали нас на платформе.

На вопросы моего друга доктор Мортимер ответил:

— Нет, мы ничего не узнали нового. За одно могу поручиться, что за последние два дня за нами не следили. Выходя из дому, мы каждый раз так зорко осматривались, что никто не мог бы скрыться от нашего наблюдения.

— Полагаю, что вы всегда выходили вместе?

— За исключением вчерашнего дня. Когда я приезжаю в город, то обыкновенно посвящаю один день удовольствию, а потому провел вчерашний день в музее медицинского колледжа.

— А я пошел в парк поглазеть на народ, — сказал Баскервилль, — но мы не подвергались ни малейшего рода неприятностям.

— А все-таки это было неосторожно, — сказал Холмс, серьезно покачав головою. — Прошу вас, сэр Генри, никогда не ходить в одиночестве, иначе с вами может случиться большое несчастье. Нашли ли вы другой сапог?

— Нет, сэр, он исчез бесследно.

— В самом деле? Это очень интересно. Ну, прощайте! — добавил он, когда тронулся поезд. — Никогда

не забывайте, сэр Генри, одну фразу из странной старой легенды, прочитанной нам доктором Мортимером, и избегайте болота в те часы, когда властвует злая сила.

Я все смотрел на платформу, пока она далеко не осталась позади нас, и видел высокую строгую фигуру Холмса, неподвижно стоявшего и смотревшего нам вслед.

Путешествие наше прошло быстро и приятно; я воспользовался им, чтобы ближе познакомиться с обоими спутниками, и проводил время, играя со спаньелем доктора Мортимера. Через несколько часов черная земля стала красноватою, а кирпич заменился гранитом. Рыжие коровы паслись в огороженных живыми изгородями полях, сочная трава и роскошная растительность которых свидетельствовали о более щедром, хотя и более сыром климате. Молодой Баскервилль с живым интересом смотрел в окно и громко восклицал от восторга, узнавая родные картины Девоншира.

— С тех пор, как я, доктор Ватсон, уехал отсюда, я изъездил чуть ли не полмира, — сказал он, — но ни разу не встретил места, которое могло бы сравниться с этим.

— А я еще никогда не видел девонширца, который бы не клялся своей родиной,— возразил я.

— Это в одинаковой степени зависит как от расы, так и от страны! — заметил доктор Мортимер. — Стоит только взглянуть на нашего друга, как его закругленная голова обнаружит нам кельта со свойственным этой расе энтузиазмом и способностью привязываться. Голова бедного сэра Чарльза была очень редкого типа, полу-гальского, полу-иверийского. Но вы были очень молоды, когда покинули Баскервилль-Холл, не правда ли?

— Я был еще юношей, когда умер мой отец, и никогда не видел Баскервиль-Холла, потому что отец жил в маленьком коттедже на южном берегу. Оттуда же я прямо поехал к одному другу в Америку. Говорю вам, что все тут так же ново для меня, как и для доктора Ватсона, и я с нетерпением жажду увидеть болото.

— Вот как? Разве? Ну, в таком случае ваше желание легко исполнимо, потому что оно уже видно! — сказал доктор Мортимер, указывая рукою в окно вагона.

Вдали, над зелеными квадратами полей и кривою линией невысокого леса, высился серый печальный холм, увенчанный странною зубчатою верхушкою, похожий на какой-то мрачный фантастический пейзаж, нереальный, точно во сне. Баскервилль долго молчал и пристально смотрел на него. И по его выразительному лицу я видел, какое значение имеет для него этот первый взгляд на странное место, где так долго властвовал его род. Американец с виду, он сидел в углу прозаического вагона и, смотря на его выразительные черты, я более, чем когда либо, чувствовал, какой он истинный потомок длинного ряда породистых, пылких и властолюбивых людей. Его густые брови, тонкие подвижные ноздри и большие карие глаза выражали гордость, мужество и силу. Если на этом проклятом болоте мы и встретим опасность, то, по крайней мере, можно быть уверенным, что он такой товарищ, ради которого стоит пойти на риск и надеяться, что он разделит его.

Поезд остановился у маленькой станции, и мы вышли. За низкой белою оградою нас ожидал экипаж, запряженный парою жеребцов. Наш приезд, повидимому, являлся событием, ибо начальник станции и все носильщики собрались вокруг нас, пока выносили наш багаж. Местечко было хорошенькое, но простое, деревенское, и я был удивлен, увидя у ворот двух солдат в темных мундирах; они опирались на короткие ружья и пристально смотрели на нас, когда мы проходили. Кучер, человек с грубым суровым лицом, поклонился сэру Генри Баскервиллю, и, усевшись в экипаж, мы быстро покатили по широкой белой дороге. С обеих сторон развертывались пастбища, и из-за густой зелени выглядывали старые дома, с остроконечными крышами, но за этим мирным пейзажем упорно выделялась длинная, мрачная, извили-

стая полоса болота, перерезанная зубчатыми угрюмыми холмами.

Экипаж свернул на проселочную дорогу, глубоко изрытую колеями, с высокими насыпями по обеим сторонам, поросшими мокрым мхом, жирным папортником и терновником, многочисленные ягоды которого блестели при свете заходящего солнца. Все время подымаясь в гору, мы переехали по узкому гранитному мосту и продолжали путь вдоль шумного потока, который, пенясь и бушуя, стремительно несся между серыми камнями. И дорога и поток, извиваясь, бежали по долине, густо поросшей старыми дубами и елями. При каждом повороте Баскервилль издавал возглас восхищения, жадно осматривал все кругом и предлагал бесчисленные вопросы. По его мнению все было красиво, но мне эта местность казалась грустной, потому что она очень резко выражала печальную пору года. Желтые листья покрывали тропинки и сыпались на нас. Шум наших колес заглушался густым слоем гниющей растительности, и я подумал, какие грустные дары бросает природа под колеса возвращающегося наследника Баскервиллей.

— Это что такое? — воскликнул доктор Мортимер.

Перед нами открылась круглая возвышенность, покрытая вереском,—выдающаяся часть болота. На ее вершине резко и отчетливо, как статуя, выделялся верховой, темный и мрачный, с винтовкою на-готове. Он наблюдал за дорогою, по которой мы ехали.

— Что это такое, Перкинс? — спросил доктор Мортимер.

Наш кучер повернулся в пол-оборота и ответил:

— Из Принцтаунской тюрьмы сбежал преступник, сэр. С тех пор прошло уже три дня, и стража следит за всеми дорогами и станциями, но еще никаких следов его не нашли. Здешним фермерам это не нравится, сэр, могу вас уверить.

— Но я полагаю, что они получат пять фун ов, если доставят сведения о нем.

— Да, сэр, но получить пять фунтов — плохое утешение, если вам вот-вот перережут горло. Ведь это не обыкновенный заключенный. Это такой человек, который ни перед чем не остановится.

— Но кто же это такой?

— Это Сельден, ноттингхильский убийца.

— Я помнил его дело потому, что им заинтересовался Холмс из-за исключительного зверства преступления и бесстыдной грубости, какими отличался этот убийца. Замена смертной казни заключением произошла вследствие сомнения в здравости его рассудка, настолько ужасно было его поведение. Наш экипаж поднялся на вершину и перед нашими глазами открылось громадное болото, испещренное огромными каменными глыбами и неровными вершинами. С болота на нас подул холодный ветер, от которого нас проняла дрожь. Где-то там, в этой мрачной равнине, прячется ужасный человек, зарывшись в нору, как дикий зверь, с сердцем, полным злобы против человечества, изгнавшего его. Для полноты мрачного впечатления, производимого пустынею, пронизывающим ветром и потемневшим небом, недоставало только этого. Даже Баскервилль умолк и плотнее завернулся в свое пальто.

Плодородная местность осталась за нами. Оглядываясь на нее, мы видели, как косые лучи заходящего солнца обращали ручьи в золотые нити, заставляли ярко краснеть вновь вспаханную землю и широкую гирлянду лесов. Впереди же нас дорога все больше мрачнела и, проходя между громадными бурыми откосами, осыпанными исполинскими каменьями, становились все угрюмее. По временам мы проезжали мимо какого-нибудь коттэджа на болоте с каменными стенами и крышею, без всяких вьющихся растений, которые бы смягчали их резкие очертания. Вдруг мы завернули в чашеобразное углубление с разбросанными по нем чахлыми дубами и елями, исковерканными и согнутыми многолетними свирепыми бурями. Над деревь-

ями возвышались две узкие башни. Кучер указал на них кнутом и сказал:

— Баскервилль-Холл!

Его владелец привстал с сиденья: щеки его раскраснелись, глаза горели. Через несколько минут мы подъехали к воротам парка, с фантастической решеткой из железа, с изъеденными непогодою столбами, покрытыми мхом и увенчанными кабаньими головами — герба Баскервиллей. Сторожка была развалиной из черного гранита и стропил, но против нее высилось недостроенное новое здание, — первое применение южно-африканского золота, вывезенного сэром Чарльзом.

Мы въехали в аллею и шум колес был снова заглушен ковром опавших листьев. Старые деревья, точно живой свод, сомкнулись над нашими головами. Баскервилль вздрогнул, когда мы поехали вдоль длинной темной аллеи, в конце которой смутно вырисовывался, точно привидение, дом.

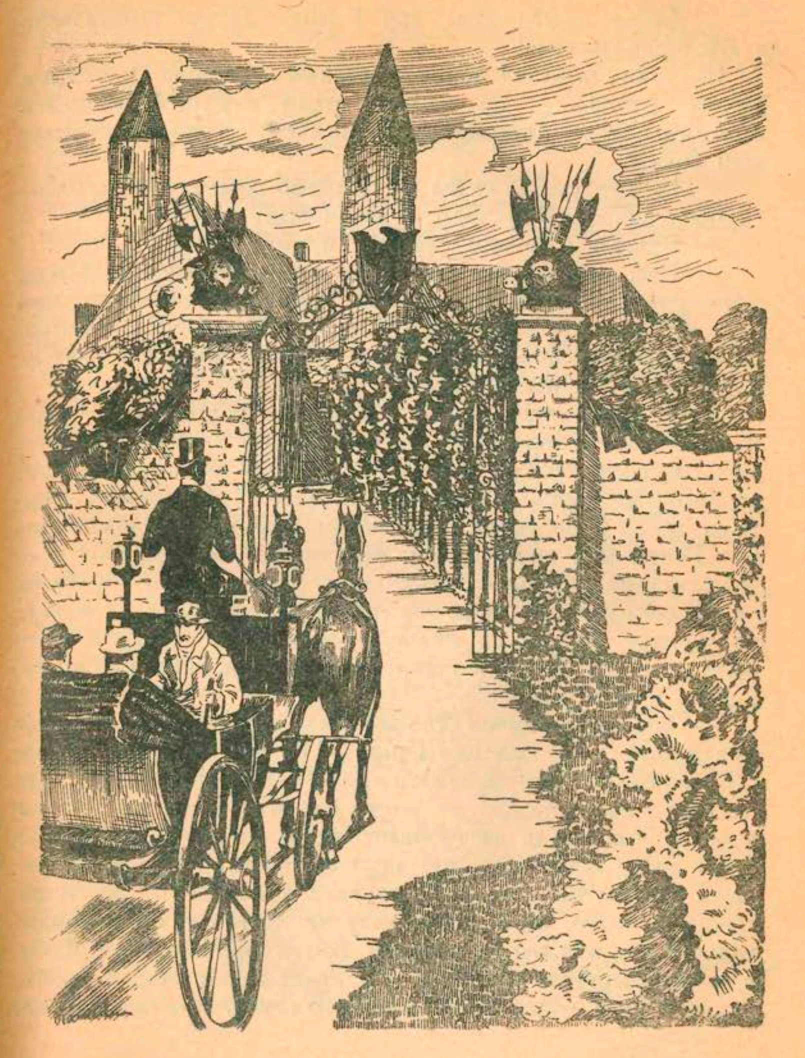
— Это произошло здесь? — спросил он тихим голосом.

— Нет, нет, тиссовая аллея находится с другой стороны.

Молодой наследник бросил вокруг себя мрачный взгляд.

— Неудивительно, что дяде было не по себе в подобном месте, — сказал он. — Тут всякий испугается. Но какие-нибудь полгода, и я поставлю ряд электрических фонарей. Вы не узнаете этого дома, когда его подъезд осветится лампою Свана и Эдиссона в сотни свечей.

Аллея заканчивалась обширною площадкой, покрытой дерном, и мы подъехали к дому. При угасающем свете я заметил, что середина его представляла мрачный фон, на котором виднелся портик. Весь фасад был покрыт плющем, кое-где прорезанным окном или гербом, слабо светившимся сквозь плющ. Из центральной массы подымались две башни, — древние, зубчатые, со множеством бойниц. Справа и слева к ним примыкали уже более новые пристройки из черного гранита. Из окон с частыми переплетами шел тусклый свет, а из труб на шпице крутой крыши подымалась единственная струйка дыма.

— Добро пожаловать, сэр Генри! Добро пожаловать в Баскервилль-холл!

Из тени портика вышел высокий мужчина и открыл дверцу экипажа. На желтой стене передней виднелся женский силуэт. Она вышла и помогла мужчине забрать наш багаж.

— Не отпустите ли вы меня прямо домой, сэр Генри?— спросил доктор Мортимер. — Меня ждет жена.

— Разве вы не пообедаете с нами?

— Нет, мне нужно ехать! По всей вероятности, у меня дома есть работа. Я остался бы, чтобы показать вам дом, но Бэрримор это лучше меня сделает. Прощайте и никогда не стесняйтесь послать за мною, будь то днем или ночью, когда бы я ни понадобился.

Шум колес уже заглох вдали аллеи, пока сэр Генри и я входили в переднюю. Дверь подъезда тяжело захлопнулась за нами. Мы очутились в красивом помещении, просторном, высоком, с тяжелым потолком из старого черного дуба. В большом, старинном камине трещал огонь. Сэр Генри и я протянули к нему руки, иззябшие от продолжительной езды. Затем мы снова стали смотреть на высокие узкие окна со старыми мутными стеклами, на дубовые стены, на кабаньи головы, на гербы; все это выглядело мрачно при тусклом освещении висевшей по середине комнаты лампы.

— Все здесь имеет совсем такой вид, какой я себе представлял, — сказал сэр Генри. — Не находите ли вы, что это типичный дом древнего рода? Подумать только, что пятьсот лет назад в этом самом зале жили мои предки. Эта мысль настраивает меня очень торжественно.

Я видел, как загорелое лицо сэра Генри просияло детским восторгом. Он стоял посреди комнаты, и свет падал прямо на него, но от стен тянулись длинные тени, покрывавшие его как бы балдахином. Бэрримор, отнесший багаж в наши комнаты, вернулся. Он стоял перед нами в почтительной позе хорошо воспитанного слуги. Наружность его была замечательная; он был высок, красив, обладал тонкими чертами и черной бородой, ровно остриженной.

— Желаете ли вы, сэр, чтобы обед был тотчас же подан?

— Разве он готов?

— Он будет готов через несколько минут. В своих комнатах вы найдете теплую воду. Жена и я будем счастливы, сэр Генри, остаться у вас, пока вы не сделаете новых распоряжений, но вы, конечно, понимаете, что при новых условиях дом этот потребует усиления прислуги.

— Какие это новые условия?

— Я хотел сказать, сэр, что сэр Чарльз вел очень уединенную жизнь, и мы были в состоянии исполнять его требования. Вы же, естественно, захотите видеть у себя более многочисленное общество, а потому вам потребуется иного рода домашнее хозяйство.

— Значит вы и ваша жена хотите уйти от меня?

— Если это не причинит вам неудобства.

— Но ведь ваше семейство жило у нас в продолжение нескольких поколений, не правда ли? Мне будет очень больно начать здесь жизнь разрывом старых семейных традиций.

Мне показалось, что бледное лицо дворецкого выразило некоторое волнение.

— И мы с женой чувствуем то же самое, сэр. Но, по правде сказать, мы оба были очень привязаны к сэру Чарльзу; смерть его нанесла нам удар и сделала очень тяжелым пребывание в этих стенах. Я боюсь, что мы уже никогда не будем чувствовать себя хорошо в Баскервилль-холле.

— Что же вы намерены делать?

— Я не сомневаюсь, сэр, что нам удастся предпринять какое-нибудь дело. Щедрость сэра Чарльза дала нам эту возможность. А теперь, сэр, может быть, вы пожелаете осмотреть свои комнаты?

Верхнюю часть древнего вестибюля окружала галлерея с перилами, и к ней примыкала двойная лестница. От этого

центрального пункта во всю длину строения шли два длинных коридора, куда выходили все спальни. Моя и сэра Генри спальни находились в одном и том же флигеле и были почти смежными. Эти комнаты казались гораздо более современными, чем центральная часть дома; светлые обои и многочисленные свечи несколько рассеяли мое первое мрачное впечатление.

Но выходившая в вестибюль столовая была мрачным и печальным местом. Это была длинная комната, разделенная подобием эстрадного возвышения, на котором восседали семейства, и на более низкую часть, где размещались подчиненные. На одном ее конце находились хоры для музыкантов. Над нашими головами тянулись черные балки и закоптелый потолок. Ряд ярких факелов и грубое веселье пиров старого времени, может быть, и смягчали угрюмый вид этой комнаты. Но теперь, когда двое мужчин в черном сидели под слабым освещением лампы с абажуром, то невольно хотелось говорить шопотом, и чувствовалось угнетение. Мрачный ряд предков во всевозможных одеяниях, начиная от елизаветинского рыцаря и кончая щеголем времен ренегатства, смотрел на нас и наводил жуть своим молчаливым обществом. Мы говорили мало, и я обрадовался, когда кончился наш обед. Мы пошли в более современную биллиардную и выкурили там папироску.

— Действительно, не слишком веселое место! — сказал сэр Генри. — Конечно, современем можно настолько опуститься, чтобы примириться и с ним, но сейчас я чувствую себя неподходящим для него. Я не удивляюсь, если мой дядя немного свихнулся, живя в одиночестве в таком доме. Однако же, если вы ничего не имеете против, мы разойдемся сегодня пораньше, и авось завтра утром окружающее покажется нам более приветливым.

Прежде чем лечь в постель, я раздвинул занавеси и посмотрел в окно. Оно выходило на зеленую лужайку у подъезда. Группы деревьев за нею шумели и раскачивались от поднявшегося ветра. Серп луны выглядывал из-за бегущих облаков. При его холодном свете я увидел за деревьями ломаную линию скал и длинную, низкую впадину угрюмого болота. Опустив занавеси, я почувствовал, что мое последнее впечатление было не лучше первого.

А между тем оно было не самым последним. Я был переутомлен, а спать мне не хотелось. Я ворочался с боку на бок и призывал сон, который не приходил. Где-то далеко куранты пробили четверти, и, за исключением этого звука, старый дом погрузился в гробовое молчание. Как вдруг, среди полной тишины, я услышал ясный, отчетливый плач. Это, несомненно, было рыдание женщины, заглушенный, подавленный стон человека, терзаемого непреодолимым горем. Я сел на постели и начал напряженно вслушиваться. Звук раздавался вблизи и, конечно, в самом доме. Я прождал еще полчаса, все нервы мои были натянуты, но кроме курантов и шелеста плюща на стене, я больше ничего не услышал.

VII. СТАПЛЬТОНЫ ИЗ МЕРРИПИТ-ХАУЗА.

Свежая красота следующего утра несколько сгладила мрачное впечатление, произведенное на нас первым знакомством с Баскервилль-холлом. Когда сэр Генри и я сидели за завтраком, солнечный свет врывался потоками через высокие окна и, проходя сквозь их гербы, бросал на пол разноцветные пятна. Темные стены, отражая золотистые лучи, казались бронзовыми, и трудно было представить себе, что мы сидим в той самой комнате, которая накануне вечером так угнетающе подействовала на нас.

— Мне кажется, — сказал баронет, — причина лежала в нас самих, а не в доме. Мы устали от путешествия, прозябли и потому на все смотрели с мрачной стороны. Теперь же мы освежились, чувствуем себя хорошо, и все стало весело вокруг нас.

— Однако, не все можно приписать воображению, — возразил я. — Не слыхали ли вы, например, как кто-то рыдал ночью. Женщина, как я думаю.

— Вот интересно! Когда я уже начал дремать, то и мне послышалось что-то в этом роде. Я долго прислушивался, но так как звук не повторился, то решил, что видел сон.

— А я его слышал совершенно ясно и уверен, что это рыдала женщина.

— Необходимо все тотчас же выяснить.

Сэр Генри позвонил и спросил Барримора, не может ли он объяснить слышанное нами. Мне показалось, что бледное лицо дворецкого еще более побледнело, когда он услыхал вопрос своего хозяина.

— В доме, сэр Генри, только две женщины, — ответил он. — Одна — судомойка, но она спит в другом флигеле, другая — моя жена, и я отвечаю за то, что она не плакала.

А между тем он лгал, потому что после завтрака я встретил миссис Барримор в длинном коридоре, при чем солнце прямо освещало ее лицо. Это была большая, с виду равнодушная, тяжеловесная женщина с застывшим строгим выражением рта. Но выразительные глаза ее были красны, и она бросила на меня взгляд из-за распухших век. Так, значит, ночью плакала она, и в таком случае муж ее должен был это знать. А между тем он рискнул, очевидно, скрыть это обстоятельство. Зачем он это сделал? И почему она так горько плакала? Вокруг этого бледного, красивого мужчины уже сгустилась таинственная и мрачная атмосфера. Он первый увидал тело сэра Чарльза, и только от него одного стали известны все обстоятельства, сопровождавшие смерть старика. В конце-концов возможно, что человек, которого мы видели в кэбе на Реджент-стрите, был Барримор. Бора могла быть его собственная. По описаниям извозчика выходило, что его седок был несколько ниже ростом, но это впечатление могло быть ошибочным. Как решить этот вопрос? Было ясно, что прежде всего следовало повидать гримпенского

почтмейстера и узнать, была ли вручена самому Барримору проверочная телеграмма. Какой бы я ни получил ответ, мне будет, по крайней мере, что донести Шерлоку Холмсу.

После завтрака сэру Генри потребовалось рассмотреть различные бумаги, и время оказалось самое подходящее для моей экскурсии. Мне пришлось совершить приятную прогулку в четыре мили по краю болота, и я дошел до маленькой серой деревушки, где над всеми остальными строениями возвышались трактир и дом доктора Мортимера. Почтмейстер, бывший одновременно и сельским лавочником, хорошо помнил телеграмму.

— Конечно, сэр, — сказал он, — я переслал телеграмму мистеру Барримору в точности, как было указано.

— Кто относил ее?

— Мой мальчик, Джэмс! Ты относил на прошлой неделе телеграмму мистеру Барримору в холл, не правда ли?

— Я, папа.

— И отдал ее ему в руки? — спросил я.

— Он был тогда на чердаке, так я не мог отдать телеграмму ему в руки, но миссис Барримор обещала тотчас же передать ее.

— Видели ли вы мистера Барримора?

— Нет сэр. Говорю вам, что он был на чердаке.

— Если вы его не видали, почему же вы знаете, что он был на чердаке?

— Боже мой, да собственная жена его должна же была знать, где он находится, — ответил почтмейстер недовольным тоном. — Разве он не получил телеграммы? Если произошла какая-нибудь ошибка, то жаловаться должен сам мистер Барримор.

Казалось, безнадежным продолжать далее мое следствие, но ясно было одно, что, несмотря на уловки Холмса, у нас не было никаких доказательств, что Барримор не ездил тогда в Лондон. Предположим, что он ездил, предположим, что тот же самый человек последний видел сэра Чарльза

в живых и первый следил за новым наследником, как только он приехал в Англию. Что же из этого следует? Был ли он агентом кого другого, или же у него у самого есть какие-нибудь злые умыслы? Что у него за цель преследовать род Баскервиллей? Я думал о странном предостережении, составленном из слов передовой статьи «Таймса». Было ли это его делом или, может быть, когонибудь другого, кто хотел помешать его планам? Единственным понятным мотивом для его действий было бы то, что высказал сэр Генри, а именно напугать Баскервилля так, чтобы он не приезжал в свои владения, и в таком случае Бэрриморам было бы обеспечено удобное и постоянное место жительства. Но такая точка зрения совершенно не объясняла, для чего же понадобились столь тонкие махинации, которыми, как невидимою сетью, был окружен молодой баронет. Сам Холмс сказал, что ему не случалось встречать во время своих многочисленных сенсационных расследований более сложного случая. Идя по серой, пустынной дороге, я молил бога, чтобы мой друг поскорее освободился от своих дел и приехал снять с моих плеч тяжелую ответственность.

Вдруг мои думы были прерваны звуком быстрых шагов и зовущим меня по имени голосом. Я обернулся, ожидая увидеть доктора Мортимера, но, к своему удивлению, убедился, что за мною бежит совершенно незнакомый человек. То был небольшого роста, худой, гладко выбритый мужчина, с белокурыми волосами и впалыми щеками, лет от тридцати до сорока, в сером костюме и соломенной шляпе Через плечо у него висела жестяная ботаническая коробка, а в руке был зеленый сачок для ловли бабочек.

— Я уверен, доктор Ватсон, что вы извините мне мою смелость! — сказал он, когда, запыхавшись, добежал до меня. — Мы здесь на болоте люди простые и не ждем формальных представлений. Вы, может быть, слышали мое имя от нашего общего друга, доктора Мортимера. Я Стапльтон из Меррипит-Хауза.

— Я бы узнал вас по сетке и ящику, — ответил я, — потому что мне известно, что мистер Стапльтон — натуралист. Но как вы узнали меня?

— Я был у Мортимера и он указал мне на вас из окна своей операционной комнаты. Так как нам с вами по пути, то я решил вас догнать и представиться вам. Надеюсь, что сэр Генри не чувствует себя хуже после путешествия?

— Он чувствует себя отлично, благодарю вас.

— Мы все боялись, что после трагической смерти сэра Чарльза новый баронет не захочет жить здесь. Нельзя требовать от богатого человека, чтобы он похоронил себя в таком месте, но нечего говорить, что если он поселится здесь, то принесет большую пользу стране. Полагаю, сэр Генри не одержим никакими суеверными страхами?

— Не думаю!

— Вам, конечно, знакома легенда о страшной собаке, преследующей род Баскервиллей?

— Да, я слыхал о ней.

— Удивительно, насколько легковерны здешние крестьяне. Некоторые готовы поклясться, что видели подобную тварь на болоте.

Он говорил с улыбкою, но по его глазам мне казалось, что он смотрит на дело серьезнее, чем хочет это показать.

— История эта сильно подействовала на воображение сэра Чарльза, и я не сомневаюсь, что она и была причиною его трагической смерти.

— Но каким же образом?

— Его нервы были настолько напряжены, что появление любой собаки могло оказаться роковым для его больного сердца. Я думаю, что он в самом деле видел чтонибудь в этом роде в тиссовой аллее в последнюю ночь. Я опасался несчастия, потому что очень любил старика и знал, что сердце его слабо.

— Почему вы это знали?

— От друга моего Мортимера.

— Так вы думаете, что какая-нибудь собака преследовала сэра Чарльза, и что он просто умер от страха?

— А вы можете объяснить его смерть как-нибудь иначе?

— Я еще не пришел ни к какому заключению.

— А мистер Шерлок Холмс?

От этих слов дыхание остановилось у меня в груди, но, взглянув на спокойное лицо и не мигающие глаза своего спутника, я увидел, что у него не было никакого намерения застать меня врасплох.

— Бесполезно нам, доктор Ватсон, притворяться, что мы вас не знаем! — сказал он. — Отчеты о вашем друге дошли до нас и, восхваляя его, вы не могли остаться неизвестны. Когда Мортимер назвал мне вас, он не мог отрицать подлинности вашей личности. Если вы здесь, значит, мистер Шерлок Холмс заинтересован этим делом, и естественно, что мне любопытно узнать, какого он держится мнения.

— Опасаюсь, что я не в состоянии ответить на этот вопрос.

— Смею я вас спросить, сделает ли он нам честь своим личным присутствием?

— В настоящее время он не может покинуть Лондона. Его внимание поглощено другими делами.

— Какая жалость! Он мог бы пролить некоторый свет на то, что так темно для нас. Что же касается ваших расследований, то если каким-нибудь образом я могу быть вам полезен, то, надеюсь, вы будете располагать мною. Если бы я был знаком с характером ваших подозрений или со способом, каким вы полагаете вести свои расследования, то может быть, я и мог бы в настоящую минуту оказать вам помощь или подать совет.

— Уверяю вас, что я здесь просто в гостях у своего друга сэра Генри и не нуждаюсь ни в какой помощи.

— Прекрасно! Вы совершенно правы, желая быть осторожным и сдержанным. Я поделом проучен за свою

непростительную навязчивость. Обещаю вам больше не упоминать об этом деле.

Мы дошли до места, где узкая поросшая травою тропинка, отделившись от дороги, вилась по болоту. Вдали поднимался крутой холм, усыпанный валунами; с правой стороны он был очень давно изрыт каменоломнями, а своим передним краем смотрел на нас темным утесом, поросшим в извилинах папоротником и терновником. Из-за дальней вершины вилась серая струйка дыма.

— Еще несколько шагов по этой болотной тропинке, и мы в Меррипит-Хаузе, — сказал Стапльтон. — Не пожертвуете ли вы часом времени, и не доставите ли мне удовольствие представить вас своей сестре?

Моя первая мысль была, — что я должен быть возле сэра Генри. Но я вспомнил о кипах бумаг и счетов, которыми был усеян его стол. Наверняка, он не нуждался в моей помощи для их разбора, а Холмс настоятельно просил меня изучить соседей на болоте. Я принял приглашение Стапльтона, и мы свернули на тропинку.

— Странное место это болото! — говорил он, оглядывая кругом волнистую поверхность, — эти длинные зеленые гряды и зубчатый гранит, вздымающийся точно фантастические гребни волн. Болото никогда не может надоесть. Только представить себе, сколько удивительных тайн схоронено в нем. Оно так обширно, так пустынно и так таинственно.

— Разве оно так хорошо знакомо вам?

— Я живу здесь всего два года. Местные жители назовут меня, пожалуй, новичком. Мы приехали сюда вскоре после того, как здесь поселился сэр Чарльз. Но, любя свое дело, я исследовал всю страну и думаю, что немногие знают ее так, как я.

— Значит ее очень трудно изучить?

— Очень трудно. Посмотрите, например, на большую равнину на север от нас с причудливыми холмами, как бы выступающими из нее. Вы ничего не находите в ней замечательного?

— Это очень подходящее место для хорошего галопа.

— Вот и вы так думаете, однако, такое мнение стоило людям жизни. Видите вы эти яркие зеленые пятна, разбросанные по ней...

— Да, она как-будто более плодородны.

Стапльтон рассмеялся.

— Это большая Гримпенская трясина! — сказал он. — Неверный шаг, и человеку или животному грозит смерть. Еще вчера я наблюдал, как одна из лошадей погибла в ней. Я долго видел ее голову, вырисовывавшуюся из болота, но в конце-концов и ее засосало. Даже в сухое время тут опасно ходить, а после осенних дождей это прямо ужасное место. Между тем я могу добраться до самой середины этой трясины и вернуться оттуда живым и невредимым. О, боже, вот еще одна из этих несчастных пони!

Что-то бурое каталось и подпрыгивало в зеленой осоке. Затем показалась вытянутая вверх и судорожно корчившаяся шея, и над болотом пронесся страшный предсмертный стон. Я похолодел от ужаса, но нервы моего спутника были, повидимому, сильнее моих.

— Исчезла! — сказал он. — Трясина проглотила ее. Две лошади в два дня, а может быть и гораздо больше, потому в сухое время они привыкают ходить туда и только тогда узнают об опасности, когда трясина завладеет ими. Да, скверное место большая Гримпенская трясина.

— Но вы говорите, что можете по ней ходить?

— Да, есть одна или две тропинки, по которым очень ловкий человек проберется. Я их нашел.

— Но зачем вам ходить в такое отвратительное место?

— Видите вы там вдали эти холмы? Они представляют собою острова, окруженные со всех сторон бесплодной трясиной, медленно подползшей к ним в течение многих годов. На этих холмах находятся редкие растения и бабочки, и надо уметь добраться до них.

— Я тоже когда-нибудь попытаю это счастие.

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Бога ради выкиньте из головы такую мысль! Ваша смерть падет на мою голову. Уверяю вас, что у вас не было бы ни малейшего шанса вернуться оттуда живым. Я могу добраться туда только благодаря целой цепи очень сложных примет.

— Это что такое?! — воскликнул я.

По болоту пронесся протяжный низкий стон, полный глубокой тоски. Он наполнил воздух, но решить, откуда он происходил, было невозможно. Начался он с шопота и возрос до низкого рева, а затем снова тихо и меланхолично затих. Стапльтон посмотрел на меня с выражением любопытства на лице.

— Не правда-ли, странное место болото? — сказал он.

— Да, но что же это было?

— Крестьяне говорят, что это Баскервилльская собака требует своей добычи. Я раза два слышал этот звук, но не так громко, как сегодня.

С дрожью в сердце я посмотрел на громадную равнину, испещренную яркими зелеными пятнами. Ничто не пошевелилось на этом обширном пространстве, за исключением двух ворон, громко каркавших на одной из вершин позади нас.

— Вы человек образованный, — сказал он. — Не можете же вы тоже верить таким небылицам? Как вы думаете, что за причина такого странного звука?

— По временам болота издают непонятные вздохи. Происходят они или от того, что земля садится, или, наоборот, вода поднимается, а может быть и от чего-нибудь другого в этом роде.

— Нет, нет, это был живой голос!

— Может быть! Слыхали вы когда-нибудь, как ревет выпь?

— Нет, никогда.

— Это очень редкая птица, исчезнувшая ныне в Англии, но на болоте все возможно. Я бы лично не уди-

вился, если бы оказалось, что слышанный нами звук был рев последней выпи.

— Это самый странный звук, который я когда-либо слыхал в жизни.

— Да, во всяком случае, это странное место. Посмотрите на тот склон холма. Что вы о нем думаете?

Весь крутой склон был покрыт серыми каменными кругами; их было по крайней мере штук двадцать.

— Что это такое? Ограды для овец?

— Нет, это постройки наших почтенных предков. Доисторические люди повидимому густо заселяли это болото, а так как никто с тех пор не ютился здесь, то мы находим в сохранности всю их даже домашнюю утварь. Вот это их жилища, с которых снесло крыши. Вы сможете найти здесь следы их очагов и ложа, если полюбопытствуете войти туда.

— Но ведь это целый поселок! Когда и кто здесь обитал?

— Неолитический человек. Время неизвестно.

— Чем он занимался?

— Пас свои стада по этим склонам и научился добывать из земли олово, когда бронзовый меч заменил каменную секиру. Посмотрите на этот глубокий карьер. Это его работа. Да, доктор Ватсон, вы найдете много любопытного на болоте. Ах, простите меня! Это весьма интересно...

Через тропинку перелетела муха или моль, и в один момент Стапльтон бросился за нею с необыкновенною энергиею и быстротою. К моему ужасу, насекомое полетело прямо к трясине, но мой новый знакомый, не останавливаясь, прыгал за нею с кочки на кочку, и в воздухе развевалась его зеленая сетка. Серый костюм и резкие зигзаги прыжков делали его самого похожим на гигантскую моль. Пристально следя за его охотою, я испытывал борьбу между чувством восхищения перед его необыкновенной ловкостью и страхом, что вот-вот он оступится на предательской трясине. Но вдруг я услыхал за

собою шаги и, обернувшись, увидел возле себя на тропинке женщину. Она пришла с той стороны, где струйка дыма показывала местоположение Маррипит-Хауза, но за уступами болота ее не было видно до тех пор, пока она не подошла совсем близко.

Я ни одной минуты не сомневался, что это — мисс Стапльтон. Мне говорили, что на болоте дам было немного, и я вспомнил, как кто-то говорил мне, что она красавица. И действительно, подошедшая ко мне женщина была красавицей самого редкого типа. Нельзя было себе представить большего контраста, чем между этими братом и сестрою: Стапльтон был бесцветен, с светлыми волосами и серыми глазами, но она темнее тех брюнеток, которых случается встречать в Англии, стройная, изящная и высокая. У нее было гордое лицо с тонкими чертами, до того правильными, что они казались бы невыразительными, если бы не чувственный ротик и чудные, темные, живые глаза. Ее законченная фигурка в изящном платье была странным явлением на пустынной болотной тропинке. Когда я обернулся, она смотрела на брата, а затем быстро подошла ко мне. Я приподнял шляпу, желая объяснить ей свое присутствие, как вдруг ее слова дали совершенно иной ход моим мыслям.

— Уезжайте! — сказала она. — Сейчас же возвращайтесь обратно в Лондон, немедленно!

Я мог только смотреть на нее, глупо недоумевая. Ее глаза загорелись, и она нетерпеливо топнула ногою.

— Почему я должен возвратиться? — спросил я.

— Этого я не могу сказать.

Она говорила горячо, низким голосом и как-то оригинально картавя.

— Ради бога, сделайте так, как я прошу. Уезжайте, и чтобы никогда больше ноги вашей не было на болоте.

— Но я только что приехал.

— Вот человек! — воскликнула она. — Неужели вы не способны понять, что предостережение делается для ва-

шего же добра? Возвращайтесь в Лондон! Уезжайте сегодня же. Бросьте это место во что бы то ни стало! Тс! Мой брат возвращается. Ни слова о том, что я сказала. Не сорвете ли вы для меня этот цветок там в роще? У нас на болоте очень много таких цветов, хотя, конечно, вы опоздали, чтобы любоваться красотами этой местности.

Стапльтон бросил свою охоту и вернулся к нам красный и запыхавшийся.

— А, Бериль! — произнес он, и мне показалось, что его приветствие было далеко не из сердечных.

— Ах, Джек, как ты разгорячился!

— Да, я охотился за циклопидой. Они очень редки и их трудно увидеть позднею осенью. Как жаль, что я упустил ее!

Он говорил беззаботным тоном, но его маленькие, светлые глазки беспрестанно перебегали с девушки на меня.

— Я вижу, вы уже познакомились.

— Да. Я говорила сэру Генри, что теперь уже поздно, чтобы любоваться истинными красотами болота.

— Что такое? За кого ты его принимаешь?

— Я думаю, что это должен быть сэр Генри Баскервилль.

— Нет, нет! — сказал я. — Я простой смертный, но его друг. Я—доктор Ватсон.

Краска досады залила ее выразительное лицо.

— Наш разговор был сплошным недоразумением! — сказала она.

— У вас было немного времени для разговора! — заметил ее брат с тем же вопросительным выражением в глазах.

— Я говорила с доктором Ватсоном, как с постоянным жителем, а не как с приезжим, — ответила она. — Какое ему дело до того, рано или поздно он приехал, чтобы видеть эти цветы. Но вы пойдете с нами в Меррипит-хауз, не правда ли?

Мы скоро дошли до мрачного дома, когда-то в более цветущие времена бывшего фермою, но теперь перестроенного в современное жилище. Его окружал фруктовый сад, но плодовые деревья, как и все прочие на болоте, были

чахлы и малорослы. Все это место вообще производило впечатление какой-то скудости и печали. Нас принял странный, высохший, одетый по-деревенски, старый слуга, своим обликом совершенно подходивший к дому. Но внутри большие комнаты были обмеблированы с изяществом, изобличавшим вкус хозяйки. Когда я посмотрел в окно на беспредельное болото, усеянное камнями, однообразно тянувшееся до далекого горизонта, то невольно задал себе вопрос, что заставило этого высокообразованного мужчину и эту красавицу жить в таком месте.

— Оригинальное выбрали мы место для жизни, не правда ли? — спросил Стапльтон, как бы отвечая на мои мысли. — А между тем мы и здесь чувствуем себя счастливыми, не правда ли, Бериль?

— Конечно! — подтвердила она, но в словах ее не слышалось уверенности.

— У меня была школа, — сказал Стапльтон. — Это было на севере. Работа в ней оказалась слишком механическою и неинтересною для человека с моим темпераментом, но возможность жить с молодежью, формировать юные души, сообщать им лучшие черты своего характера и внушать им свои идеалы была дорога для меня. Но судьба рассудила иначе. В школе открылась серьезная эпидемическая болезнь, и трое мальчиков умерло от нее. Школа не смогла снова оправиться после такого удара, и большая часть моего капитала безвозвратно погибла. Но если бы только не потеря живого общества мальчиков, я мог бы даже радоваться такому несчастию, ибо для своей сильной любви к ботанике и зоологии я нахожу здесь безграничное поле работы. Сестра же моя так же поклоняется природе, как и я. Все это вам пришлось выслушать, доктор Ватсон, в ответ на ваше выражение лица, с каким вы смотрели из нашего окна на болото.

— Естественно, мне должна была притти в голову мысль, что здесь несколько тоскливо и, может быть, не так для вас, как для вашей сестры.

— Нет, нет, я здесь никогда не тоскую, — быстро проговорила она.

— У нас есть книги, занятия и интересные соседи. Доктор Мортимер в высшей степени сведущий человек по своей специальности. Бедный сэр Чарльз также был восхитительным товарищем. Мы хорошо знали его, и нам так не достает его, что и выразить не могу. Как вы думаете, не будет ли навязчивостью с моей стороны, если я сегодня сделаю сэру Генри визит, чтобы познакомиться с ним?

— Я уверен, он будет в восторге.

— Так, может быть, вы предупредите его о моем намерении? Может быть, мы в состоянии будем несколько облегчить ему жизнь, пока он не привыкнет к новой среде. Не желаете ли вы, доктор Ватсон, пойти наверх и взглянуть на мою коллекцию чешуекрылых? Я думаю, что это самая полная коллекция во всей юго-западной Англии. Пока вы будете осматривать ее, подоспеет завтрак.

Но я спешил вернуться к своим обязанностям. Меланхолический вид болота, гибель несчастного пони, таинственный звук, связанный с мрачною Баскервилльскою легендою, все это нагнало на меня тоску. Но последнею каплей, переполнившей эти довольно неопределенные впечатления, было ясное предостережение мисс Стапльтон, высказанное столь серьезно, что я не мог сомневаться в наличии у нее на это достаточно глубоких оснований. Я устоял против всех уговоров остаться завтракать и тотчас отправился домой по той же поросшей тропинке, по которой пришел сюда.

Но, повидимому, была еще и другая, более прямая дорожка, потому что не успел я дойти до дороги, как, пораженный, увидел перед собою мисс Стапльтон, сидевшую тут же на камне. Лицо ее было еще красивее от разлившейся по нему краски, руку она держала у сердца.

— Я всю дорогу бежала, чтобы перехватить вас, доктор Ватсон! — произнесла она. — У меня не было даже времени надеть шляпку. Я не могу долго оставаться, а то брат хватится меня. Я хотела вам только сказать, как я огорчена своею глупою ошибкой. Пожалуйста, забудьте мои слова, не имеющие никакого отношения к вам.

— Я не могу их забыть, мисс Стапльтон. Я друг сэра Генри, и его благополучие близко касается меня. Скажите мне, почему вам так хотелось, чтобы сэр Генри вернулся в Лондон?

— Просто женский каприз, доктор Ватсон. Узнав меня ближе, вы поймете, что я не всегда могу объяснить то, что говорю или делаю.

— Нет, нет! Я хорошо помню дрожь вашего голоса. Очень прошу вас, мисс Стапльтон, будьте откровенны со мною, ибо с тех пор, как я здесь, я вижу, как вокруг меня происходит что-то таинственное. Жизнь начинает походить на эту большую Гримпенскую трясину с рассеянными зелеными пятнами, в которых легко погибнуть без руководителя, могущего указать верную дорогу. Скажите же мне, что было у вас на уме, и я обещаю передать ваше предостережение сэру Генри.

Выражение нерешительности пробежало по ее лицу, но взгляд снова сделался жестким, когда она ответила:

— Вы придаете слишком большое значение моим словам, доктор Ватсон. Мой брат и я были очень потрясены смертью сэра Чарльза. Мы очень сдружились, и его любимою прогулкою была дорога через болото к нашему дому. Но его мучила мысль о проклятии, тяготевшем над его родом, и когда случилась его трагическая смерть, я, естественно, поняла, что, вероятно, есть основания к тому страху, который он ощущал. Поэтому я и пришла в отчаяние, увидев, что еще один член семьи приехал сюда. Первым моим движением было предостеречь его против опасности, которой он подвергается. Вот и все, что я хотела сообщить.

— Но какого же рода эта опасность?

— Вам знакома история о собаке?

— Я не верю таким небылицам.

— А я верю! Если вы имеете какое-нибудь влияние на сэра Генри, то увезите его из этого места, которое всегда было роковым для его рода. Мир велик. Почему он непременно хочет жить в опасном месте?

— Именно потому, что оно опасно. Таков уже характер сэра Генри. И я боюсь, если вы не дадите мне более определенных сведений, то я не буду в состоянии уговорить его уехать отсюда.

— Я ничего не могу сказать вам большего, потому что ничего сама определенного не знаю.

— Тогда позвольте мне, мисс Стапльтон, предложить вам еще один вопрос. Если вы ничего другого не хотели сказать, то почему же вы так старались, чтобы ваш брат не услышал нас? Тут ничего такого нет, против чего мог бы восстать он или кто бы то ни было другой.

— Моему брату хочется, чтобы холл был обитаем, так как он думает, что это было бы на благо бедному народу, живущему на болоте. Он будет очень недоволен, если узнает, что я сказала что-нибудь, могущее заставить сэра Генри уехать отсюда. Но теперь я исполнила с ой долг и не скажу больше ничего. Мне нужно вернуться домой, иначе он хватится меня и заподозрит, что я виделась с вами. Прощайте!

Она повернулась и в несколько секунд исчезла между разбросанными каменьями, а я, подавленный всеми этими неопределенными страхами, продолжал свой путь в Баскервилль-холл.

VII. ПЕРВОЕ ДОНЕСЕНИЕ ДОКТОРА ВАТСОНА.

С этого времени я передам течение событий, переписывая свои же письма к мистеру Шерлоку Холмсу, лежащие передо мною на столе. Правда, одной страницы не достает, однако все остальные аккуратно переписаны и более подробно передают мои чувства и подозрения в то

время, чем это сделала бы моя память, несмотря на ее исключительную ясность по поводу этого трагического дела.

Баскервилль-холл, 13-го октября.

«Дорогой Холмс, из моих прежних писем и телеграмм вы хорошо ознакомились со всеми событиями, происшедшими в этом наиболее забытом уголке мира. Чем дольше здесь живешь, тем глубже проникает в душу дух болота, со всею его необозримой далью и угрюмой прелестью. Попадая в него, вы оставляете за собою всякий след современной Англии и повсюду встречаете жилища и работу доисторического человека. Вокруг вас всюду рассеяны его хижины, его могилы и громадные монолиты, указывающие, как предполагают, местонахождения его храмов. Смотря на серые каменные хижины, торчащие по склонам холмов, вы забываете о современности, и если бы вдруг из-под низкой двери выполз волосатый человек в звериных шкурах и натянул бы на свой лук стрелы с кремневым наконечником, то вы нашли бы здесь его присутствие гораздо более естественным, чем ваше. Странно, что такая бесплодная местность была так густо населена. Я не археолог, но думаю, что здесь обитала не воинственная раса, вынужденная принять то, от чего другие отказались.

Однако, все это не относится к моей миссии и совсем не интересно для вашего строго практического ума. Я помню ваше полное равнодушие к вопросу — движется ли солнце вокруг земли или земля вокруг солнца. А потому и вернемся к фактам, касающимся сэра Генри Баскервилля.

За последние дни я не посылал вам никаких сведений, потому что до сегодняшней ночи и не произошло ничего такого, стоющего этого. Но сегодня произошло одно весьма странное обстоятельство, о котором я вам сообщу в свое время. Но прежде всего я должен ознакомить вас с некоторыми другими фактами.

Один из них тот, о котором я упомянул очень кратко,— беглый преступник. Есть полное основание предполагать

его полное исчезновение из этой местности, что явилось бы большим облегчением для одиноких хозяев на болоте. Прошло две недели со времени его бегства из тюрьмы, и с тех пор о нем ничего не слышно. Совершенно непостижимо, чтобы он мог так долго держаться на болоте. Конечно, он может там еще скрываться, в этом нет никаких затруднений. Каждая каменная хижина может служить ему убежищем. Но зато на болоте ему решительно нечем питаться, разве только что он поймал и убил одну из пасущихся овец. Поэтому мы и думаем, что он ушел, и фермеры от этого спят несколько крепче.

В нашем доме нас четверо сильных мужчин, так что мы сумеем постоять за себя, но признаюсь, что мне делалось жутко, когда я думал о Стапльтонах. Они живут на много миль от всякой помощи. В их доме одна девушка, один старый слуга, сестра и брат — довольно слабый человек. Они оказались бы беспомощными в руках всякого отчаянного молодца, как, например, этот ноттинг-гильский преступник, если бы ему только удалось проникнуть к ним. Сэр Генри и я приняли участие в их положении и предложили, чтобы конюх Перкинс ходил туда ночевать, но Стапльтон и слышать не захотел об этом.

Дело в том, что наш друг баронет начинает сильно интересоваться красивою соседкой. Этому нечего удивляться,— в этом пустынном месте время тянется чересчур тоскливо для такого деятельного человека, а она обворожительная женщина. В ней есть что-то особенное, экзотическое, что удивительно контрастирует с ее холодным и равнодушным братом, но все же и в нем чувствуется скрытый огонь. Он несомненно имеет заметное влияние на нее: я видел, как она, разговаривая, постоянно взглядывала на него, как бы ища его одобрения тому, что сказала. Надеюсь, что он добр к ней. Какой-то сухой блеск его глаз и твердая складка тонких губ обличают решительный, а может быть и грубый характер. Вы бы нашли его интересным объектом для изучения.

В первый же день он навестил Баскервилля, а на другое утро повел нас на то место, где произошли, как предполагается, события, рассказанные легендой о злом Гюго. Мы шли несколько миль по болоту и, наконец, дошли до такого мрачного места, что само по себе оно уже внушало подобную историю. Мы увидели короткую долину между скалами, примыкающую к открытому зеленому пространству, покрытому белым жабником. Посредине этого пространства торчало два больших камня, обостренных кверху в виде громадных клыков какого-нибудь чудовищного животного. Как бы то ни было, это место вполне соответствовало сцене древней трагедии. Сэр Генри сильно заинтересовался и не раз допрашивал Стапльтона, верит ли он в возможность вмешательства сверхъестественных сил в людские дела. Он говорил как бы шутя, но видно было, что настроение его серьезно. Стапльтон также отвечал очень сдержанно, но нетрудно было заметить, что он говорил меньше, чем мог бы сказать, и что он не хочет выразить вполне свое мнение из уважения к чувствам баронета. Он рассказывал о подобных же случаях, когда целые семейства страдали от какого-нибудь злого влияния, и из его слов мы вынесли такое впечатление, что он разделяет народное поверие о собаке.

На возвратном пути мы завтракали в Меррипит-гаузе, и тут сэр Генри познакомился с мисс Стапльтон. С первого же момента, как только он взглянул на нее, он, вероятно, сразу же сильно увлекся и ею, если я не ошибаюсь, чувство это оказалось взаимным. Он часто заговаривал о ней, когда мы возвращались домой, и с тех пор не проходило дня, чтобы мы не видели у него или брата, или сестру. Они сегодня вечером обедают у нас, а мы как-будто собираемся к ним на будущей неделе. Казалось бы такой брак должен быть очень желательным для Стапльтона, а между тем я не раз ловил на его лице взгляд сильного неодобрения, когда сэр Генри оказывал какое-нибудь внимание его сестре. Ясно, что он

к ней очень привязан и без нее ему пришлось бы вести крайне одинокую жизнь, но и противиться такой блестящей партии было бы в высшей степени эгоистично с его стороны. А между тем я уверен, что он не желает, чтобы их знакомство перешло в любовь, и я не раз замечал, как он старался помешать их tête-à-tête. Кстати, вашим инструкциям, чтобы я никогда не допускал сэра Генри выходить одного, будет гораздо труднее следовать, если ко всем трудностям прибавится еще и любовное дело. Моя популярность очень скоро пострадала бы, если бы мне пришлось буквально исполнять ваши приказания.

На-днях, а именно в четверг, доктор Мортимер завтракал у нас. Он нашел доисторический череп и был от этого в восторге. Я никогда не видывал такого искреннего энтузиаста. Затем пришел Стапльтон, и по просьбе сэра Генри, добрый доктор повел нас, в тиссовую аллею, чтобы в точности показать нам, как все произошло в роковую ночь. Прогулка по тиссовой аллее очень длинная и мрачная: по обеим сторонам тянутся две высокие стены из подстриженной зеленой изгороди с узкою, поросшею травой по бокам полосой. На дальнем конце аллеи стоит старая, развалившаяся беседка. На половине дороги находится калитка, ведущая на болото, где старик уронил пепел от сигары. Я помнил вашу систему и постарался нарисовать себе картину всего случившегося. Пока старик стоял там, он вдруг увидел что-то, идущее к нему с болота, настолько испугавшее его, что, не помня себя, он пустился бежать и бежал до тех пор, пока не умер от ужаса и истощения сил. Он бежал по длинной мрачной аллее. От чего? От сторожевой овчарки на болоте? Или же от призрачной собаки, черной, безмолвной и чудовищной. Было ли в этом деле человеческое усилие? Знал ли бедный Барримор больше, чем хотел сказать? Все темно и неопределенно, но за этим постоянно чувствуется мрачная тень преступления.

После моего последнего письма к вам я встретил еще одного соседа — мистера Франкланда из Лафтар-голля, который живет приблизительно в четырех милях к югу от нас. Он пожилой человек, краснолицый, седовласый и желчный. Он питает страсть к британскому закону и растратил большое состояние в тяжбах. Он судится из одной любви к искусству и одинаково готов смотреть на вопрос с различных сторон; не мудрено поэтому, что эта забава оказалась весьма дорогой для него. Иногда он лишает права проезда по своей земле и заставляет приход тягаться с ним, чтобы вновь открыть проезд. Иногда он собственными руками выламывает чужую калитку и объявляет, что с незапамятных времен здесь существовала тропинка, предоставляя собственнику преследовать его за нарушение чужой собственности. Он сведущий человек в древних владельческих и общественных правах и свои познания иногда представляет на пользу Фернвортских сельчан, а иногда и против них, так что периодически его то носят с триумфом на руках по деревенской улице, то заочно сжигают. Говорят, что в настоящее время у него на руках девять судебных дел, которые поглотят, вероятно, остаток его состояния, вырвут таким образом его жало, и впредь он сделается безвредным добродушным человеком. О нем я упоминаю только вследствие вашего настойчивого требования, чтобы я посылал вам описания всех, окружающих нас людей. Любопытно его настоящее время провождение: он любитель-астроном и имеет прекрасный телескоп, с которым лежит на крыше своего дома и целый день наблюдает болото, в надежде увидеть беглого преступника. Если бы он этим ограничивал свою деятельность, то все было бы хорошо, но ходят слухи, что он хочет преследовать доктора Мортимера за то, что тот вырыл неолитический череп из могилы без согласия ближайших родственников. Он вносит некоторое разнообразие в нашу жизнь, давая ей комический элемент, в котором мы очень нуждаемся.

А теперь, ознакомив вас с обстоятельствами, касающимися беглого преступника, Стапльтонов, доктора Мортимера и Франкланда из Лафтар-голля, я закончу это письмо наиболее важным и расскажу вам подробнее о Бэрриморах и в особенности об удивительном открытии, сделанном мною в прошлую ночь.

Прежде всего напишу о проверочной телеграмме, которую вы послали из Лондона с целью удостовериться, действительно ли был Бэрримор дома. Я уже объяснил вам, что, по свидетельству почтмейстера, проверка ни к чему не привела и никаких доказательств у нас еще нет. Я передал об этом сэру Генри, и он тотчас же, со свойственной ему прямолинейностью, позвал Бэрримора и спросил его, сам ли он получил телеграмму. Бэрримор ответил утвердительно.

— Передал ли ее вам мальчик в руки? — спросил сэр Генри.

Бэрримор казался удивленным и после некоторого раздумья сказал:

— Нет! Я был в то время в кладовой, и жена принесла мне телеграмму.

— Ответили ли вы сами на нее?

— Нет! Я передал жене, что надо отвечать, и она спустилась, чтобы написать телеграмму.

Вечером Бэрримор сам вернулся к этому предмету.

— Я не совсем понял цель ваших утренних вопросов, сэр Генри! — сказал он. — Надеюсь, что они не были сделаны вами потому, что я как-нибудь злоупотребил вашим доверием.

Сэр Генри уверил его, что ничего подобного в виду не было, и для его успокоения подарил ему значительную часть своего прежнего платья, так как прибыл его лондонский заказ.

Миссис Бэрримор очень интересует меня. Она тяжеловесная, основательная особа, очень ограниченная, крайне почтенная и склонная к пуританству. Едва ли можно себе

представить менее чувствительное существо. А между тем я передал вам, как она горько рыдала в первую ночь, но с тех пор я больше не замечал следов слез на ее лице. Какое-то глубокое горе постоянно грызет ее сердце. Иногда я спрашивал себя, не мучает ли ее какое-нибудь преступное воспоминание, а иногда подозреваю, что Бэрримор — домашний тиран. Я всегда чувствовал, что в характере этого человека есть что-то особенное, таинственное событие же прошлой ночи обострило все мои подозрения.

Само по себе оно может казаться незначительным. Вы знаете, что вообще я не крепко сплю, и с тех же пор, как нахожусь здесь настороже, я только дремлю. Прошлою ночью около двух часов я проснулся от шагов человека, прокрадывавшегося мимо моей комнаты. Я встал, открыл дверь и заглянул в нее. По коридору тянулась длинная черная тень человека, тихо подвигавшегося со свечкой в руке. Он был в рубашке, панталонах, босой. Я едва мог разглядеть его фигуру, но по росту узнал, что это Бэрримор. Он шел очень медленно и осторожно, и во всем его облике было что-то преступное и таинственное.

Я говорил вам, что коридор прерывался балконом, который окружает вестибюль, но далее он снова начинается. Я подождал, пока Бэрримор скрылся, и затем последовал за ним. Когда я обогнул балкон, он уже дошел до конца дальнего коридора, и по свету, выходившему через открытую дверь, я увидел, как он вошел в одну из комнат. А надо вам сказать, что все эти комнаты не меблированы и не обитаемы, отчего его ночное похождение принимало еще более таинственный характер. Луч света не колебался, из чего я заключил, что Бэрримор стоит, не двигаясь. Я пробрался как можно тише по коридору и заглянул в дверь.

Бэрримор пригнулся к окну, держа свечку у самого стекла. Лицо его было обращено ко мне в профиль

и выражало напряженное ожидание. Так стоял он несколько минут. Затем тяжко застонал и нетерпеливым жестом потушил свечку. Я моментально вернулся в свою комнату и вскоре после того услыхал те же крадущиеся шаги: Бэрримор направлялся обратно. Прошло много времени, и я уже слегка задремал, как вдруг услыхал, что кто-то поворачивает ключ в замке, но не мог определить, откуда шел этот звук. Я не знаю, что все это значит, но в доме происходит что-то таинственное и мрачное, до чего мы в конце-концов доберемся. Я не стану надоедать вам своими предположениями, потому что вы просили меня сообщить вам только факты. Сегодня утром мы долго беседовали с сэром Генри и выработали план кампании, основанный на моих ночных наблюдениях. Надеюсь, что следующее мое донесение будет наиболее интересным».

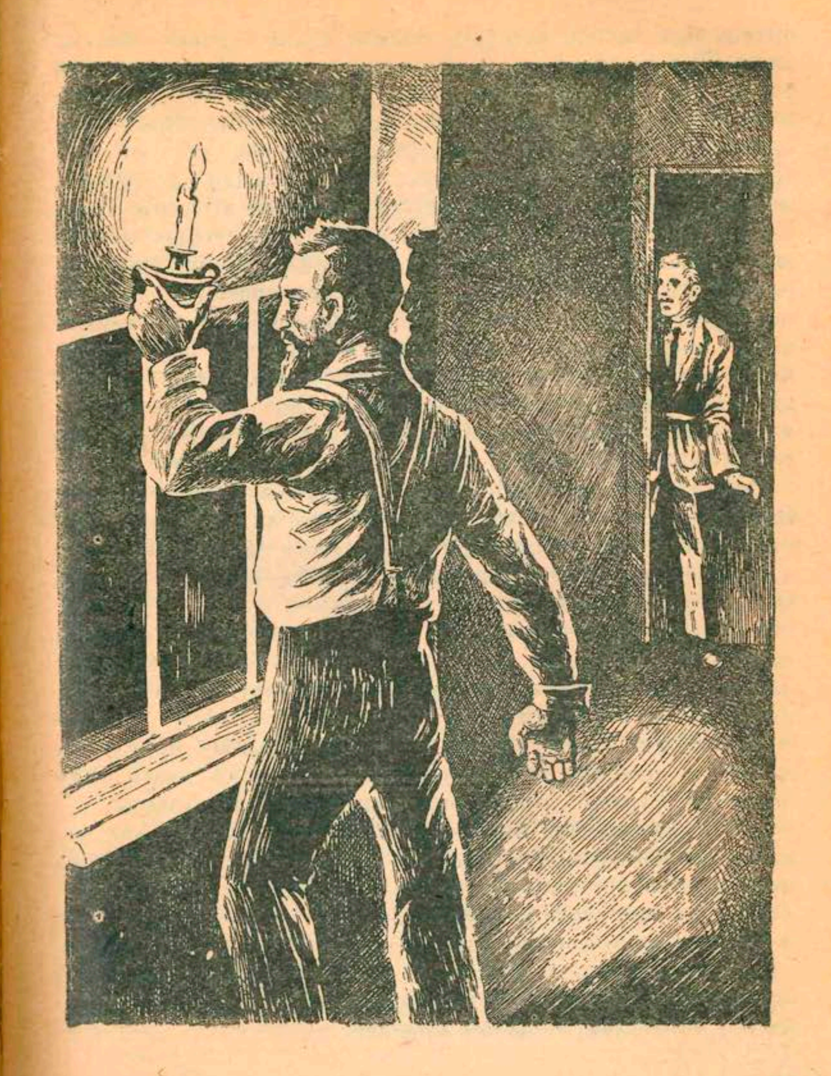
IX. ВТОРОЕ ДОНЕСЕНИЕ ДОКТОРА ВАТСОНА.

Свет на болоте.

Баскервилль-холл, 15-го октября.

«Дорогой Холмс, если вы не получили от меня особенных новостей в первые дни, то теперь вы признаете, что я наверстал потерянное время и что события быстро следуют одно за другим. В своем последнем донесении я сообщал о том, что видел Барримора у окна, теперь же у меня скопился такой запас сведений, который должен сильно удивить вас. Обстоятельства приняли такой оборот, какого я не мог предвидеть. С одной стороны, за последние сорок восемь часов они сделались гораздо яснее, а с другой стороны, сильно осложнились. Но я вам все расскажу, и вы сами рассудите.

На следующее утро, перед завтраком, я осмотрел комнату, посещенную ночью Баррымором. Я заметил в ней одну особенность: из западного окна (через которое

он так пристально смотрел) болото видно лучше, чем из какого бы то ни было другого окна в доме. Следовательно, раз только это одно окно было удобно Бэрримору, значит, он что-то или кого-то высматривал на болоте. Ночь была чрезвычайно темна, и я не представлю, как мог он надеяться увидеть кого-нибудь. Мне пришло в голову, не замешана ли тут какая-нибудь любовная интрига. Этим можно было бы объяснить его воровскую походку и горе его жены. Сам он человек внушительной наружности, способный похитить сердце деревенской девушки, так что мое предположение казалось правдоподобным. Звук открывшейся двери, услышанный мною после того, как я вернулся в комнату, мог означать также и то, что он вышел на какое-нибудь тайное свидание. Вот как рассуждал я на следующее утро и передаю вам эти подозрения, хотя оказалось, что они были неосновательными.

Но что бы ни означали в действительности поступки Бэрримора, я чувствовал, что оставлять их на одной своей ответственности свыше моих сил. После завтрака я пошел в кабинет баронета и рассказал ему обо всем, что видел. Он был менее удивлен, чем я ожидал.

— Я знаю, что Бэрримор ходит по ночам, и намерен поговорить с ним об этом! — сказал он. — Я слышал два или три раза шаги в коридоре как раз около того часа, в котором и вы видели его.

— Может быть! Если это так, то мы проследим за ним и выясним его поведение. Интересно знать, как поступил бы наш друг Холмс, если бы он был здесь.

— Я думаю, что он поступил бы как раз так, как вы намерены поступить, — сказал я. — Он следил бы за Бэрримором, пока не узнал бы всего.

— Так мы сделаем это вместе.

— Но он, наверное, услышит нас?

— Он несколько глуховат, и во всяком случае нам следует попытаться. Сегодня ночью посидим в моей комнате и подождем, пока он пройдет.

Сказав это, сэр Генри весело потер руки. Ясно было, что он приветствует это приключение как развлечение, внесенное в его чересчур спокойную жизнь.

Баронет списался с архитектором, который составлял планы для Чарльза, и с лондонским подрядчиком, так что мы можем ожидать, что скоро здесь начнутся большие перемены. Из Плимута приезжали декораторы и обойщики: очевидно, у нашего друга обширные планы, и он не постоит ни перед какими издержками и трудом, ради восстановления величия своего рода. Когда дом будет ремонтирован и вновь обмеблирован, то сэру Генри будет недоставать только жены. Между нами будь сказано, существуют ясные признаки, что и в этом не будет недочета, если только девушка согласится, так как я редко видел человека более влюбленного, чем сэр Генри, в нашу красавицу соседку, мисс Стапльтон. Однако же его любовь не протекает так гладко, как можно было этого ожидать при данных обстоятельствах. Сегодня, например, на нее набежало совершенно неожиданное облако, повергшее нашего друга в крайнее недоумение и огорчение.

После нашего разговора о Бэрриморе сэр Генри надел шляпу с намерением выйти. Само собою разумеется, я последовал его примеру.

— Что, Ватсон, никак и вы идете? — спросил он, как-то странно посмотрев на меня.

— Это зависит от того, идете ли вы на болото, — ответил я.

— Да, я иду туда.

— Ну, так вы знаете полученные мною инструкции. Мне очень неприятно быть навязчивым, но вы слышали, как серьезно настаивал Холмс на том, чтобы я не покидал вас, и особенно на том, чтобы вы не ходили один на болото.

Сэр Генри улыбнулся, положил мне руку на плечо и сказал:

— Милый друг! Холмс при всей своей мудрости не предвидел некоторых обстоятельств, случившихся с тех

пор, как я живу на болоте. Понимаете вы меня? Я уверен, что вы последний человек в мире, который захотел бы испортить мне радость. Я должен итти один.

Эти слова поставили меня в крайне неловкое положение. Я не знал, что сказать и что делать, а пока я стоял в недоумении, он взял трость и ушел.

Когда я, наконец, сообразил в чем дело, то совесть стала меня упрекать, зачем я, какая бы ни была на то причина, допустил его уйти одного. Я представил себе мои ощущения, если бы, вернувшись к вам, мне пришлось признаться, что случилось несчастие вследствие несоблюдения мною ваших инструкций. Уверяю вас, вся кровь бросилось мне в голову при одной мысли об этом. Я решил, что, может быть, еще не поздно догнать его, и тотчас отправился по направлению к Меррипит-хаузу.

Я спешил как только мог, но не мог нагнать сэра Генри, пока не дошел до того места, где от дороги отделяется болотная тропинка. Тут, боясь, что я пошел не по тому направлению, я взобрался на холм, — тот самый, который изрыт каменоломней и откуда открывается широкий кругозор. Оттуда я сразу увидел сэра Генри. Он находился на болотной тропинке в четверти приблизительно мили от меня, и около него была дама, которая не могла быть никем иным, как только мисс Стапльтон. Ясно было, что они предварительно сговорились и теперь пришли на свидание. Углубившись в разговор, они медленно шли по тропинке, при чем она делала быстрые движения руками, как бы относясь очень серьезно к тому, что говорила, а он напряженно слушал и два раза покачал головой, как бы энергично опровергая ее слова. Я стоял между скалами и наблюдал за ними, не зная, как мне поступить. Последовать за ними и впутаться в их интимный разговор казалось мне оскорблением, а между тем моей прямою обязанностью было не упускать его ни на один момент из вида. Разыгрывать шпиона над другом была отвратительная роль. Однако, у меня не было другого

выхода, как наблюдать за ним с холма и затем очистить свою совесть, признавшись впоследствии во всем. Правда, угрожай ему какая-нибудь внезапная опасность, то, по дальности расстояния, я не мог бы быть ему полезным, а между тем я уверен, вы согласитесь, что мое положение было затруднительное и мне ничего не оставалось больше делать.

Наш друг сэр Генри и дама остановились на дорожке и попрежнему были поглощены своею беседою, как вдруг я убедился, что не я один был свидетелем их свидания. Я заметил развевавшийся в воздухе зеленый клочок, а затем увидел, что его нес на палке человек, бегущий по болоту. То был Стапльтон со своею сеткою. Он находился гораздо ближе к собеседникам, чем я, и, повидимому, двигался по направлению к ним. В эту минуту сэр Генри порывисто привлек мисс Стапльтон к себе. Он обнял ее за талию, но мне казалось, что она уклоняется от его объятий. Он приблизил свою голову к ее голове, но она, в виде протеста, подняла руку. Вдруг они отскочили друг от друга и поспешно обернулись. Причиною тому был Стапльтон. Он дико бежал к ним, и сзади него развевалась его нелепая сетка. Очутившись перед ними, он принялся жестикулировать и чуть не плясал от возбуждения. Что все это обозначало, я не мог понять, но мне казалось, что Стапльтон бранил сэра Генри, который давал объяснения, становившиеся все более и более горячими, по мере того, как первый отказывался их принять. Дама стояла в надменном безмолвии. Наконец, Стапльтон круто повернулся на каблуках и повелительно обратился к сестре. Нерешительно взглянув на сэра Генри, она удалилась вместе с братом. Сердитые жесты натуралиста доказывали, что и дама подверглась его гневу. Баронет постоял, посмотрел им вслед, а затем пошел назад по той дороге, по которой пришел, повесив голову и изображая собою олицетворенное уныние.

Я не мог выяснить, что все это значило, но мне было крайне стыдно, что я был свидетелем такой ин-

тимной сцены без ведома моего друга. Поэтому я сбежал с холма и у его подножия встретил баронета. Лицо его было красно от гнева, брови сдвинуты, как у человека, совершенно не знающего, что ему делать.

— Эге, Ватсон! Откуда это вы выскочили? — спросил он. — Не может быть, чтобы, вопреки всему, вы все-таки последовали за мною.

Я все объяснил ему: как оставаться дома мне показалось немыслимым, как я последовал за ним и был свидетелем всего происшедшего. В один момент глаза его засверкали, но моя откровенность обезоружила его, и он почти спокойно рассмеялся.

— Мне казалось, что середина этого луга достаточно безопасное место, чтобы человек мог считать себя в уединении, — сказал он, — а между тем, чорт возьми, чуть ли не все население видело мое сватовство и притом очень печальное сватовство! Где вы стояли?

— На холме.

— В последнем ряду, значит. А ее брат — в самых первых. Видели вы, как он налетел на нас?

— Видел.

— Не производит ли на вас этот братец впечатления помешанного?

— Как-будто я никогда не замечал этого.

— Конечно! До сегодняшнего дня и я считал его достаточно здравомыслящим, но теперь, уверяю вас, или на него, или на меня следует надеть смирительную рубашку. Иначе я не понимаю, в чем тут дело. Вы, Ватсон, прожили со мною несколько недель, скажите же мне теперь откровенно: какой недостаток препятствует мне стать хорошим мужем для женщины, которую я полюбил?

— По-моему такого недостатка у вас нет.

— Против моего положения в свете он ничего не имеет, значит у него есть зуб против меня лично. Но какой же тогда? Я в жизни своей никогда никого не обидел намеренно. А между тем он бы не допустил, чтобы я дотронулся до кончиков ее пальцев.

— Разве он это сказал?

— Это и еще многое другое. Я знаю ее всего несколько недель, но скажу вам, Ватсон, что с первого же момента почувствовал, что она создана для меня, и она также, могу поклясться, была счастлива, когда находилась со мною. Женские глаза говорят яснее слов. Но он никогда не разрешал нам оставаться вдвоем, и только сегодня в первый раз мне удалось поговорить с нею наедине. Она была рада встрече со мною, но не о любви хотела она говорить и, если бы могла, то и мне запретила бы говорить о ней. Она все возвращалась к старой теме об опасности этого места и о том, что она не будет до тех пор счастлива, пока я не покину его. Я ответил, что с тех пор, как увидел ее, не тороплюсь уезжать отсюда и что если она действительно хочет, чтобы я уехал, то единственное средство к тому — устроить дела так, чтобы уехать со мною. Тут я сделал предложение, но она не успела ответить, как прибежал этот брат, и лицо его было точно у сумасшедшего. Он был бледен от злости, а его светлые глаза сверкали яростью. «Что я делаю с девушкою? Как я смею оказывать ей внимание, которое ей неприятно? Неужели я воображаю, что если я баронет, то могу делать все, что пожелаю?». Не будь он ее братом, я сумел бы ответить ему иначе. Но теперь я сказал, что мои чувства к его сестре не таковы, чтобы их следовало стыдиться: я просил ее о чести стать моей женой. Это, повидимому, нисколько не улучшило дела, так что я, наконец, также вышел из терпения и ответил ему горячее, чем, может быть, следовало, так как она стояла тут же. Кончилось все тем, что он ушел вместе с нею, как вы видели, я же остался, сбитый с толку, самым недоумевающим человеком во всем графстве. Скажите мне, Ватсон, что это все значит, и я останусь вашим неоплатным должником.

Я попробовал было дать то или иное объяснение, но, право, я и сам ничего не мог понять в этом. Все говорит за нашего друга: его титул, его состояние, его характер, его наружность и я решительно ничего не вижу, что можно найти в нем предосудительного, кроме таинственного рока, преследующего его род. В высшей степени странно, что его предложение было столь грубо отвергнуто без всякого осведомления о желании самой девушки, и особенно то, что девушка эта также не протестует против такого положения вещей. Однако же, нас успокоил сам Стапльтон, явившийся с визитом еще в тот же день. Он пришел извиниться за свою грубость, и результом их продолжительного разговора в кабинете без посторонних было то, что дружеские отношения снова восстановились, а потому в следующую пятницу мы обедаем в Меррипит-хаузе.

— Теперь я уже не скажу, что он помешан! — сказал сэр Генри. — Правда, я не могу забыть его глаз, когда он подбежал ко мне сегодня утром, но должен признаться, что нельзя было требовать более удовлетворительного извинения.

— Как он объяснил свое поведение?

— Он сказал, что сестра — в его жизни все. Это вполне понятно, и я рад, что он отдает ей должную дань. Они всегда жили вместе, он всегда был одинок, и она его единственный товарищ, так что одна мысль расстаться с ней поистине ужасна для него. Он говорит, что не замечал моей привязанности к ней, когда же увидел это собственными глазами и подумал, что ее могут отнять у него, то возможность этого удара чут не свела его с ума. Он очень сожалел обо всем, что произошло, и сознавал, насколько безумно и эгоистично воображать, что он может на всю жизнь сохранить возле себя одного такую красавицу, как его сестра. Если суждено с нею расстаться, то он охотнее отдаст ее такому соседу, как я, чем кому бы то ни было другому. Но, все-таки, это для него удар, к которому нужно приготовиться. Он откажется от всякого противодействия с своей стороны, если и я обещаю не говорить об этом в продолжение трех месяцев и удовольствуюсь дружескими отношениями с девушкою, не требуя от нее любви. Я дал это обещание, и разговор на этом кончился.

Итак, одна из наших маленьких тайн разъяснилась. Что-нибудь да значит достать до дна хотя бы в одном месте той трясины, в которой мы барахтаемся. Теперь мы знаем, почему Стапльтон не одобрял ухаживания за своей сестрой, хотя претендентом на нее оказался столь достойный человек, как сэр Генри. Теперь перехожу к другой нити, вытянутой мною из спутанного мотка, к таинственным ночным рыданиям, заплаканному лицу миссис Бэрримор и воровскому странствованию дворецкого к западному окну. Поздравьте меня, дорогой Холмс, и скажите, что вы не разочаровались во мне, как в агенте, и не жалеете об оказанном мне доверии. Все выяснилось в одну ночь.

Впрочем, трудились-то мы две ночи, но в первую нас постигла полная неудача. Мы сидели с сэром Генри в его комнате до трех часов и не слыхали ни одного звука, кроме боя курантов на лестнице. Это было очень тоскливое занятие, окончившееся тем, что оба мы уснули, сидя на стульях. К счастью, это нас не обескуражило, и мы решились сделать еще одну попытку. В следующую ночь мы уменьшили огонь в лампе, закурили папиросы и притаились. Часы тянулись невероятно медленно, но нас поддерживал такой же терпеливый интерес, какой чувствует охотник, следя за капканом, куда должна попасться его добыча. Пробило час, пробило два, и мы уже в отчаянии хотели отказаться от этого дела, как вдруг оба выпрямились на своих стульях и напряженно прислушались: в коридоре раздался скрип.

Мы слушали как кто-то прокрадывался, пока звук шагов не замер вдали. Тогда баронет бесшумно отпер дверь,

и мы пустились в погоню. Человек уже обогнул галерею, и коридор погрузился в полный мрак. Тихо крадясь, мы перешли в другое крыло дома. Мы поспели как раз во время, чтобы увидеть, как высокий мужчина с черною бородою, сгорбившись, пробирался на цыпочках по коридору. Он вошел в ту же дверь, как и тогда, свет от свечки осветил ее и бросил во мрак коридора желтый луч. Мы осторожно двинулись по его направлению, пробуя каждую половицу, прежде чем ступить на нее. Из предосторожности мы сняли сапоги, но и без них старые доски скрипели под нашими шагами. Иногда казалось немыслимым, чтобы человек не услыхал нашего приближения. Но Бармор, к счастью, несколько глух, притом же он был весь поглощен своим занятием. Когда, наконец, добрались до двери и заглянули в нее, то увидели, что он стоит пригнувшись к окну, держа свечку в руке, а его напряженное лицо прижато к стеклу, точь-в-точь как я видел его за две ночи перед тем.

Мы не составили никакого предварительного действия, но баронет такой человек, для которого прямой путь всегда является наиболее приемлемым. Он быстро вошел в комнату и Бэрримор отскочил от окна с каким-то отрывистым шипением в груди, он стоял перед нами смертельно бледный и весь дрожал. Его темные глаза на белом лице, смотревшие то на сэра Генри, то на меня, были полны ужаса и удивления.

— Что вы тут делает, Бэрримор?

— Ничего, сэр! — Он был так взволнован, что едва мог говорить, а тени от дрожавшей в его руке свечки прыгали то вниз то вверх. — Я насчет окна, сэр. Я хожу по ночам осматривать, заперты ли они.

— Во втором этаже?

— Да, сэр, все окна.

— Слушайте, Бэрримор, — произнес сэр Генри сурово, — мы решили добиться правды от вас, и чем раньше вы ее скажете, тем будет лучше для вас. Ну-с, без увиливаний! Что вы делали у окна?

Он смотрел на нас с беспомощным выражением и ломал руки, как человек, доведенный до крайнего горя.

— Я ничего не делал дурного, сэр. Я держал свечку у окна.

— А для чего вы держали свечку у окна?

— Не спрашивайте меня, сэр Генри... не спрашивайте! Даю вам слово, сэр, что это не моя тайна и я не могу ее выдать. Если бы она не касалась никого, кроме меня, то я бы не скрыл ее от вас.

Меня вдруг осенила мысль, и я взял свечку с подоконника, на который поставил ее дворецкий.

— Он, должно быть, держал ее, ввиде сигнала, — сказал я. — Посмотрим, не ответят ли нам.

Я держал свечу так, как это делал он, всматриваясь в темноту ночи. Я смутно видел черную полосу деревьев и более светлое пространство болота, потому что луна скрылась за тучи. И торжествующе воскликнул: сквозь покров ночи вдруг показалась маленькая тоненькая точка, ровно светившая прямо против окна.

— Вот и ответ! — воскликнул я.

— Нет, нет, сэр, ничего... совсем ничего! — вмешался дворецкий. — Уверяю вас, сэр...

— Двигайте свечку вдоль окна, Ватсон! — воскликнул Баронет. — Смотрите, и та также шевелится! Теперь будешь ли отрицать, негодяй, что это не сигнал? Ну, говори! Что у тебя там за союзник! Что вы затеяли?

Лицо дворецкого приняло надменное выражение.

— Это дело мое, а не ваше. Я ничего не скажу.

— Тогда сейчас же уходите из моего дома!

— Очень хорошо, сэр. Уйду, если это необходимо.

— И вы уйдете опозоренным. Вам следовало бы стыдиться, чорт возьми! Ваше семейство жило вместе с моим более ста лет под этим кровом, а вас я застаю тут в каком-то темном заговоре против меня.

— Нет, нет, сэр; нет, не против вас! — воскликнул женский голос и миссис Бэрримор, еще более бледная,

чем ее муж, и с выражением еще большего ужаса на лице, показалась в дверях. Ее массивная фигура в юбке и шали была бы комична, если бы не сильное волнение, отразившееся в ее чертах.

— Мы должны уходить, Элиза. Все кончено! Можешь укладывать наши вещи! — сказал дворецкий.

— О Джон, Джон, неужели я довела тебя до этого! Во всем виновата я, сэр Генри, одна я. Он делал все ради меня и по моей просьбе.

— Тогда говорите же! Что все это значит?

— Мой несчастный брат умирает с голода на болоте. Не можем же мы дать ему погибнуть у самых наших ворот! Свеча служит ему сигналом, что пища для него готова, а свет оттуда указывает место, куда ее отнести.

— Так ваш брат...

— Беглый преступник, сэр! Сельден-убийца.

— Это правда, сэр! — подтвердил Бэрримор. — Я вам говорил, что это не моя тайна и я не могу ее выдать вам. Но теперь вы все узнали и видите, что если и был заговор, то не против вас.

Так вот чем объяснялись таинственные ночные странствования и свет у окна! Сэр Генри и я с любопытством смотрели на женщину. Возможно ли, чтобы в этой тупоумно-почтенной особе и в одном из самых страшных преступников текла одна и та же кровь?

— Да, сэр, моя фамилия была Сельден, а он — мой младший брат. Когда он был мальчиком, мы слишком баловали его и потакали во всем. Вот он и вообразил, что мир создан для его удовольствий, и он может делать все, что ему понравится. Сделавшись старше, он попал в скверную компанию, дьявол вселился в него, он разбил сердце моей матери, а имя наше втоптал в грязь. Переходя от преступления к преступлению, он падал все ниже и ниже, пока не попал на эшафот, на котором его спасло только божье милосердие. Но для меня, сэр, он всегда оставался маленьким кудрявым мальчиком, которого я

нянчила и с которым играла, как старшая сестра. Из-за этого-то он и бежал из тюрьмы, сэр. Он знал, что я здесь и что мы не откажем ему в помощи. Когда однажды, ночью, он притащился сюда усталый и голодный, а стража бежала по его пятам, то что нам было делать? Мы приняли его, кормили и заботились о нем. Когда же вы вернулись, сэр, то мой брат решил, что на болоте он будет в большей безопасности, чем где-либо, пока не поутихнет его преследование. Вот почему он и прячется тут. Через ночь, ставя на окно свечку, мы справляемся, все ли он еще здесь, и, если ответ виден, то мой муж относит ему немного хлеба и мяса. Каждый день мы надеемся, что он уйдет, но пока он еще здесь, мы не можем его покинуть. Вот и вся правда, говорю ее, как честная христианка, и вы видите, что если кого и следует порицать в этом деле, то не моего мужа, а меня, ради которой он все это делал.

Женщина говорила с такою глубокою серьезностью, что слова ее казались убедительными.

— Правда ли это, Бэрримор?

— Да, сэр Генри. Каждое ее слово — чистая правда.

— Ну, я не могу порицать вас за то, что вы стоите за свою жену. Забудьте, что я вам наговорил. Ступайте оба в свою комнату, а завтра утром мы подробнее поговорим обо всем.

Когда они ушли, мы снова посмотрели в окно. Сэр Генри открыл его настежь, и холодный ночной ветер ударил нам в лицо. В мрачной дали продолжала светить маленькая желтая точка.

— Я поражаюсь его смелости, — сказал сэр Генри.

— Может быть, этот свет так поставлен, что он виден только отсюда.

— Вероятно. Как вы думаете, далеко это?

— Около вершины Клефт, полагаю.

— Не дальше мили или двух отсюда?

— Никак не больше, скорее меньше.

— Да, оно и не может быть далеко, так как Бэрримору приходилось носить туда пищу. И этот мерзавец ждет теперь около своей свечки. Чорт возьми, Ватсон, мне хочется схватить этого человека!

Та же самая мысль пришла и мне в голову. Бэрриморы не доверили нам своей тайны: она была насильно вырвана у них. Преступник, закоренелый негодяй, был опасен для общества и для него не могло быть ни жалости, ни прощения. Мы только исполнили бы свой долг, если бы вернули его туда, откуда он не вредил бы больше. Он груб и жесток и другие могут поплатиться, если мы не захватим его в руки. Например наши соседи Стапльтоны каждую ночь могут ждать нападения с его стороны, и, может быть, эта-то мысль и заставила сэра Генри ухватиться за такое приключение.

— И я пойду, — сказал я.

— Возьмите свой револьвер и наденьте сапоги. Чем скорее мы выйдем, тем лучше, иначе негодяй потушит свою свечку и уйдет.

Через пять минут мы были уже за дверью и быстро пробирались через темный кустарник под унылое завывание осеннего ветра и шелест падающих листьев. Ночной воздух отяжелел: в нем слышались сырость и запах разложения. От времени до времени ненадолго выглядывала луна, но тут по небу пошли тучи, и когда мы вступили на болото, то начало моросить. Свет продолжал недвижно блестеть перед нами.

— Вооружены ли вы? — спросил я.

— У меня охотничий нож.

— Мы должны разом схватить его, потому что, говорят, он отчаянный малый. Мы захватим его неожиданно, раньше, чем он сможет сопротивляться.

— Я думаю, Ватсон, чтобы сказал на это Шерлок Холмс? Об этих ночных часах, когда властвуют силы зла?

И вдруг, как бы в ответ на его слова, из обширного мрачного болота вылетел тот же странный крик, который

я уже однажды слышал на краю Гримпенской трясины. Среди ночной тишины ветер пронес протяжный, низкий вой, поднявшийся до рева и снова затихший в тоскливом вздохе. Он пронесся снова, и воздух задрожал от этого пронзительного дикого, угрожающего звука. Баронет схватил меня за рукав, и лицо его до того побледнело, что выделялось в темноте.

— Боже мой, Ватсон, что это такое?

— Не знаю! Это какой-то болотный звук. Я уже слышал его однажды.

Звук замер, и нас окружила полная тишина. Мы стояли, напрягая слух, но ничего больше не услыхали.

— Ватсон, — прошептал баронет, — это был вой собаки!..

Кровь застыла в моих жилах от ужаса, который слышался в его голосе.

— Как объясняют этот звук? — спросил он.

— Кто?

— Здешний народ?

— О, народ невежествен! Какое вам дело до того, как он его объясняет.

— Нет, Ватсон, скажите мне, что говорит о нем народ.

Я колебался, но не мог уклониться от ответа.

— Он утверждает, что это воет собака Баскервилей.

Сэр Генри застонал и притих.

— Да, то выла собака, — произнес он, наконец, — но мне казалось, что этот вой донесся издалека, за много миль отсюда.

Трудно было решить, откуда он доносился.

— Он поднялся и замер вместе с ветром. Ведь ветер дует от большой Гримпенской трясины?

— Да, от нее.

— Так вой шел оттуда. Ну, Ватсон, сознайтесь, разве вы сами не приняли этот звук за собачий вой? Я ведь не ребенок, и вам нечего бояться говорить мне правду.

— Стапльтон был со мною, когда я впервые услыхал этот звук. Он говорит, что возможно его издает какая-то странная птица.

— Нет, нет, то был вой собаки! Боже мой, неужели есть доля правды во всех этих россказнях? Можно ли, допустить, что мне грозит опасность от какой-то темной силы? Вы не верите в это, Ватсон?

— Конечно, нет!

— А между тем, одно дело — смеяться над этим в Лондоне, и совсем другое — стоять в темную ночь на болоте и слышать такой крик. А мой дядя! Ведь около его тела видели следы собачьих лап. Все идет одно к одному. Мне кажется я не трус, Ватсон, но от этого звука у меня кровь оледенела в жилах. Пощупайте мою руку!

Она была холодна, как кусок мрамора.

— Завтра утром вы будете чувствовать себя лучше.

— Я, кажется, никогда не забуду этого крика. Что мы предпримем теперь, как вы думаете?

— Не вернуться ли нам домой?

— Нет, чорт возьми! Мы пошли за молодцом и доберемся до него. Мы ищем преступника, адская же собака пусть ищет нас, коли захочет. Пойдем, мы добьемся своего, хотя бы вся преисподняя была выпущена на болото.

Спотыкаясь в темноте, мы медленно подвигались среди мрачных очертаний скалистых холмов по направлению к желтой точке, все еще неподвижно светившей перед нами. Ничто так не бывает обманчиво, как свет в темную ночь; то казалось, будто он блестит далеко у самого горизонта, то, что он находится в нескольких ярдах от нас. Наконец, мы увидели, откуда шел этот свет, и только тогда убедились, что в действительности находимся очень близко от него. Свеча была вставлена в расщелину скалы, окружавшую ее со всех сторон так, что предохраняла от ветра и, вместе с тем, оставляла ее видимой только со стороны Баскервилль-холла. Мы незаметно приблизились, благодаря скрывавшему нас гранитному валуну и, скорчившись за этим прикрытием, смотрели на сигнальный свет. Страшно было видеть эту одинокую свечу, горевшую посредине болота, без всяких признаков жизни около нее, — одно только прямое, желтое пламя и отблеск скалы кругом.

— Что теперь делать? — шопотом спросил сэр Генри.

— Ждать на этом месте. Он вероятно недалеко от этой свечки. Посмотрим, не удастся ли нам увидеть его.

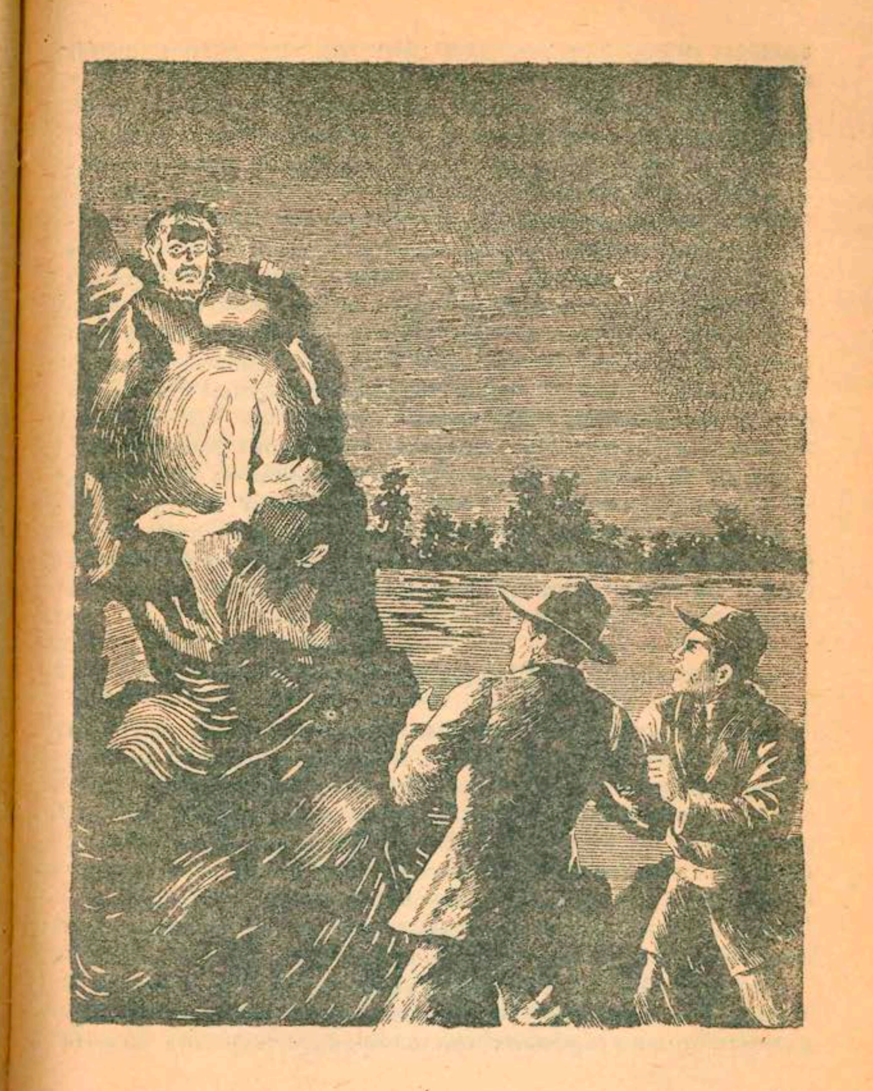
Не успел я сказать это, как показался Сельден. Над скалою, в расщелине которой горела свеча, выглянуло злое, желтое лицо, страшное и зверское, все искаженное низкими страстями. Забрызганное грязью, с колючей бородою, с волосами в виде мочалки, оно, казалось, принадлежало одному из тех диких людей, которые некогда жили в пещерах по склонам холмов. Свет, горевший ниже его, отражался в его маленьких хитрых глазах, свирепо вглядывавшихся в темноту, точно у хитрого и дикого животного, заслышавшего шаги охотников. Очевидно, что-то возбудило его подозрения. Может быть, Барримор употреблял какой-нибудь особенный сигнал, которого не подали мы, или же преступник имел какие-нибудь другие причины думать, что не все в порядке, но, во всяком случае, на его злом лице я увидел выражение страха. Каждую минуту он мог потушить свечу и исчезнуть в темноте. Поэтому я бросился вперед, а сэр Генри за мной. В ту же секунду преступник послал по нашему адресу проклятие и швырнул камень, который рассыпался в куски, ударившись об скалу, защищавшую нас. Я успел рассмотреть его низкую, коренастую, сильную фигуру, когда он вскочил на ноги и бросился бежать. В это же время, по счастью, месяц выглянул из-за туч. Взбежав на вершину холма мы увидели, что наш человек сбегал с него по другую сторону, прыгая через камни с быстротою и ловкостью горной козы. Удачный выстрел из револьвера мог бы ранить его, но я взял оружие только для самозащиты в случае нападения, а не для

того, чтобы стрелять в безоружного убегающего прочь человека.

Оба мы были хорошими бегунами и имели некоторые преимущества, однако же, вскоре убедились, что догнать его не можем. Мы долго еще видели его при лунном свете, пока, наконец, он сделался точкою, двигающеюся между валунами на склоне отдаленного холма. Мы бежали, пока не выбились из сил, но расстояние все росло между ним и нами. Наконец, мы остановились и, запыхавшись, сели на камни, наблюдая, как он исчезал в отдалении.

И в это время случилось нечто крайне странное и неожиданное. Встав с камней, мы направились домой, отказавшись от безнадежной охоты. Месяц уже низко спустился, и зубчатая вершина гранитного пика выделялась на нижнем изгибе серебристого диска. Как вдруг там, на остроконечной вершине, я увидел черную статую на ярком фоне, фигуру человека. Не думайте, Холмс, чтобы это было иллюзией. Уверяю вас, что никогда в жизни я не видал ничего яснее. Насколько я мог судить, то был высокий, худой человек. Он стоял, расставив несколько ноги, скрестив руки, нагнув голову, точно предавался размышлениям об этой громадной пустыне из торфа и гранита, лежавшей вокруг него. Он походил на духа этого ужасного места. То не был наш преступник. Этот человек стоял далеко от того места, где первый скрылся. Кроме того, он был гораздо выше ростом. С криком удивления я указал на него баронету, но в тот момент, как я обернулся и схватил руку нашего друга, человек исчез. Остроконечная гранитная вершина все еще вырисовывалась на нижнем крае луны, но безмолвная и неподвижная фигура исчезла с нее.

Я, было, захотел пойти туда и обыскать вершину, но она оказалась очень далекой... Нервы баронета все еще были напряжены от слышанного воя, и он не был расположен искать новые приключения. Он не видел человека на вершине, а потому и не испытывал той нервной дрожи, которая

овладела мною при виде этой фигуры и ее внушительной позы.

— Это несомненно один из сторожей, — сказал он. — Болото переполнено ими с тех пор, как сбежал этот негодяй.

Может быть, его объяснение и правильно, но мне хотелось бы иметь какое-нибудь доказательство этой правильности. Сегодня мы намерены сообщить в Принцтоунскую тюрьму, где искать беглого преступника, но досадно, что мы не могли его сами привести, как своего собственного пленника. Таковы приключения прошлой ночи, и вы, дорогой Холмс, должны согласиться, что я посылаю вам хорошие вести. Многое из сообщенного мною, конечно, не относится к делу, но я все-таки нахожу, что лучше сообщать все и предоставить вам сделать выбор из тех фактов, которые покажутся вам полезными для ваших заключений.

Мы бесспорно делаем успехи. Барриморов мы расскрыли, но болото со своими тайнами и странными обитателями попрежнему остается непроницаемым. В следующем донесении я, может быть, буду в состоянии пролить некоторый свет и на него. Лучше всего было бы, если бы вы могли приехать к нам.

X. ВЫПИСКИ ИЗ ДНЕВНИКА ДОКТОРА ВАТСОНА

До сих пор я вел рассказ по донесениям, которые посылал тогда Шерлоку Холмсу. Но теперь дошел до пункта, принуждающего меня отбросить этот источник и снова прибегнуть к воспоминаниям, подкрепляя их дневником, который я вел в то время. Несколько извлечений из него перенесут меня к тем сценам, которые все, до малейшей подробности, неизгладимо запечатлелись в моей памяти. Итак, я начну с утра, последовавшего за нашей неудачной погоней и странными приключениями на болоте.

Октября 16-го. День пасмурный и туманный, моросит дождь. Над домом тянутся тяжелые тучи; по временам они разрываются и открывают вид на мрачное, изрытое болото

с тоненькими серебряными жилками по склонам холмов и блеском отдаленных валунов, когда луч света падает на их мокрую поверхность. Грустно снаружи, грустно и в доме. После возбуждения прошлой ночи баронетом овладела мрачная реакция. Я сам чувствую какую-то тяжесть на сердце, а сознание угрожающей опасности, — опасности тем более страшной, что я не могу определить ее, — томит меня.

И разве у меня нет оснований для такого опасения? Целый ряд инцидентов указывает, что что-то угрожающее деятельно орудует вокруг нас. Во-первых, смерть последнего владельца холла, происшедшая при условиях, удивительно ловко подошедших к семейной легенде, затем многочисленные россказни крестьян о появлении странного существа на болоте. Наконец, я сам, собственными ушами, дважды слышал звук, похожий на отдаленный собачий вой. Прямо невероятно и невозможно, чтобы это было что-нибудь сверхъестественное, не подчиняющееся обыкновенным законам природы. Немыслимо представить себе какую-то призрачную собаку, оставляющую материальные отпечатки следов своих лап и оглашающую воздух воем. Стапльтон может поддаваться такому суеверию, а также и Мортимер, но если у меня есть хоть какое-нибудь достоинство, то это мой здравый смысл, и ничто не заставит меня поверить такой нелепости. Это значило бы опуститься до уровня бедных мужиков, которые не только верят в существование вражеской собаки, но еще и описывают ее чудовищем, глаза и пасть которого пылают адским огнем. Холмс не стал бы и слушать такие выдумки, а ведь я его агент. Но фактов отрицать нельзя, а факт налицо — я дважды слышал вой на болоте. Вот если бы предположить, что по болоту действительно бродит какая-нибудь громадная собака — это многое бы объяснило. Но где может такая собака прятаться, где она добывает себе пищу, откуда она прибежала и почему ее никто никогда не видал днем? Надо признаться, что естественное объяснение так же затруднительно, как и сверхъ-

естественное. Ведь помимо собаки, есть факт людского вмешательства в Лондоне: человек в кэбе и письмо, предостерегавшее сэра Генри от поездки на болото. Последнее по крайней мере было реально, но оно могло исходить как от доброжелателя, так и от врага. Где находится теперь этот друг или враг? Остался ли он в Лондоне, или последовал за нами сюда? Не его ли я видел на вершине горы?

Правда, я успел только раз взглянуть на него, но есть некоторые данные, за которые я могу поручиться головой. Во-первых, это не был кто-либо из тех, кого я встречал тут, ибо теперь я видел всех соседей. Он значительно выше Стапльтона и несравнимо тоньше Франкланда. По фигуре это мог быть Бэрримор, но последнего мы оставили в доме, и я уверен, что он не последовал за нами. Значит, какой-то незнакомец продолжает следить за нами и здесь. Если бы я мог получить в руки этого человека, то мы, наконец, покончили бы со всеми недоумениями. К достижению этой цели я и должен теперь направить всю свою энергию.

Первым моим побуждением было сообщить сэру Генри о всех моих планах. Но затем я благоразумно решил не впутывать его в свою игру и вообще говорить как можно меньше с кем бы то ни было. Он молчалив и рассеян. Его нервы страшно потрясены звуком, услышанным на болоте. Я ничего не скажу, что только увеличило бы его опасения, а примусь один за дело.

Сегодня утром, после завтрака, произошел небольшой инцидент. Бэрримор попросил у сэра Генри позволения переговорить с ним, и они заперлись в кабинете. Сидя в биллиардной, я несколько раз слышал, как возвышались их голоса, и сообразил, о чем идет речь. Вскоре баронет открыл дверь и позвал меня.

— Бэрримор считает себя обиженным! — сказал сэр Генри. — Он думает, что с нашей стороны было непорядочно преследовать его шурина после того, как он сам, по доброй воле, выдал нам свою тайну.

Дворецкий стоял бледный, но спокойный.

— Возможно, я погорячился, сэр, — сказал он, — и в таком случае прошу у вас прощения. Но я был очень удивлен, когда услыхал, что сегодня утром вы возвратились вдвоем, и узнал, что вы охотились за Сельденом. У бедного малого и так достаточно с кем бороться без того, чтобы еще и я пускал врагов по его следам.

— Если бы вы рассказали все по доброй воле, то это было бы другое дело, — возразил баронет. — Но вы или, вернее, ваша жена рассказала все только тогда, когда вас силою принудили к этому и вам ничего другого не оставалось делать.

— Я не думал, сэр Генри, что вы воспользуетесь этим, право, не думал.

— Этот человек опасен для общества. На болоте имеются одинокие жилища, а он такой молодец, который нападает ни за что, ни про что. Стоит только взглянуть на его лицо, чтобы убедиться в этом. Вот хотя бы дом мистера Стапльтона, в котором нет другого защитника, кроме его самого. Никто не может чувствовать себя в безопасности, пока Сельден не сядет под замок.

— Нет, сэр, он не ворвется ни в чей дом. Даю вам свое честное слово. Он больше никого не потревожит в этой стране! Уверяю вас, сэр Генри, что через несколько дней будут окончены все приготовления к его отъезду в Южную Америку. Ради бога, прошу вас, сэр, не сообщать полиции о том, что он все еще находится на болоте. Она уже отказалась разыскивать его здесь, и он может спокойно скрываться, пока все не будет готово к его отъезду. Выдав его, вы причините моей жене и мне большое горе. Умоляю вас, сэр, не говорите ничего полиции!

— Что вы скажете, Ватсон?

Я пожал плечами и сказал:

— Если он уберется из Англии, то это избавит плательщика податей от лишней тяжести.

— Ну, а что, если он и перед отъездом кого-нибудь укокошит здесь?

— Нет, сэр, он не сделает такого безрассудства. Мы снабдим его всем, в чем он нуждается. Совершив же преступление, он выдаст место, где прячется.

— Это правда, — произнес Генри. — Ладно, Барримор...

— Да благословит вас бог, сэр; благодарю вас от всего сердца! Если бы его снова забрали, это убило бы мою бедную жену.

— Мне кажется, Ватсон, что мы поощряем и содействуем уголовному делу. Но после того, что мы слышали, я чувствую, что не могу выдать этого человека, ну, так и конец всему этому. Хорошо, Барримор, можете итти теперь.

После нескольких несвязных слов благодарности дворецкий повернулся, чтобы уйти, но, постояв в нерешительности, вернулся и сказал:

— Вы были так добры к нам, сэр, что и мне, в свою очередь, хотелось бы сделать для вас что-нибудь. Я знаю нечто такое, сэр Генри, что, может быть, сказал бы и раньше, но я сам узнал это спустя долгое время после следствия. Я никому ни слова не говорил об этом. Дело касается смерти бедного сэра Чарльза.

Баронет и я так и привскочили.

— Вам известно, отчего он умер?

— Нет, сэр, этого я не знаю.

— Так что же?

— Я только знаю, для чего он пошел к калитке в такой час. Он хотел встретиться с женщиной.

— Встретиться с женщиной! Он?!

— Да, сэр.

— Имя этой женщины?

— Имени ее я не знаю, сэр, но могу вам сообщить его начальные буквы. Эти буквы — *Л. Л.*

— Как вы это узнали, Барримор?

— Ваш дядя, сэр Генри, получил в то утро письмо. Обыкновенно он получал их очень много. Он был популярен и слыл за доброго человека, поэтому всякий, кто нуждался, обращался к нему. Но в то утро он получил только это письмо, а потому я и обратил на него внимание. Оно было из Кумб-Трасей, и адрес его был написан женскою рукой.

— Ну?

— Я вскоре забыл это письмо и никогда бы и не вспомнил о нем, если бы не моя жена. Несколько недель тому назад она чистила кабинет сэра Чарльза (его не трогали со дня его смерти) и нашла за каминной решеткой остатки сожженного письма. Большая часть его превратилась в пепел, но маленькая полоска, — конец страницы, — еще держалась, и на ней можно было еще прочесть написанное, хотя буквы были серые на черном фоне. Нам казалось, что это был постскриптум, который гласил: «Пожалуйста, пожалуйста, прошу вас, как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов». Под ним стояли буквы *Л. Л.*

— Сохранили вы этот клочок?

— Нет, сэр, — когда мы дотронулись до него, он рассыпался.

— Получал ли сэр Чарльз раньше письма, написанные этим почерком?

— Ах, сэр, я не обращал особенного внимания на его письма. Я бы и этого не заметил, если бы оно не пришло одно.

— И вы не догадываетесь, кто это *Л. Л.*?

— Нет, сэр. Но я думаю, что если бы мы могли добраться до этой дамы, то больше бы узнали о смерти сэра Чарльза.

— Я не понимаю, Барримор, как могли вы скрыть такой важный факт.

— Ах, сэр, это произошло тотчас же после того, как нас постигло наше личное горе. Кроме того, мы оба очень любили сэра Чарльза и были ему благодарны за все, что он сделал для нас. Ведь раскапывание всего этого все

равно не воскресило бы нашего бедного господина, а когда в дело замешана дама, то следует быть осторожным. Даже лучшие из нас...

— Вы думаете, что это повлияло бы на его репутацию?

— Ах, сэр, я думал, что ничего хорошего не выйдет из этого. Но вы были добры к нам, и я чувствую, что не хорошо было бы не рассказать вам всего, что мне известно.

— Прекрасно, Барримор, можете итти.

Едва дворецкий вышел, как сэр Генри быстро задал мне вопрос:

— Ну, Ватсон, что же вы думаете об этом новом открытии?

— От него все сделалось еще темнее.

— Я того же мнения. Но если бы нам только удалось напасть на след *Л. Л.*, то все дело разъяснилось бы. Хоть это-то есть у нас! Теперь мы знаем, что существует женщина, знакомая с событиями, только бы нам найти ее. Как вы думаете, что нам предпринять?

— Тотчас же сообщить обо всем Холмсу. Это даст ему ключ, которого он искал, и который, я уверен, приведет его сюда.

Я тотчас же отправился в свою комнату и составил письмо Холмсу об этом разговоре. Мне было ясно, что он очень занят, ибо записки, полученные мною из Бекер-стрита, были очень редки, коротки, без всяких комментариев на сообщаемые мною сведения и почти без упоминания о порученной мне миссии. Он, несомненно, был всецело поглощен занимающим его шантажным делом. Но этот новый факт, вероятно, возбудит его внимание и интерес. Мне бы хотелось, чтобы он приехал.

Октября 17-го. Целый день лил дождь; он шумел по плющу и капал с крыш. Я думал о преступнике на мрачном, холодном, пустынном болоте. Несчастный человек! Каковы бы ни были его преступления, он достаточно настрадался за них. Я также подумал о том другом человеке, которого мы видели в кэбе, и о фигуре на горе при луне. Не находится ли среди этого потока и он, — невидимый наблюдатель, человек тьмы? Надев вечером свой непромокаемый плащ я пошел вглубь бушевавшего болота, полного мрачных картин, нарисованных моим воображением, между тем как дождь хлестал мне в лицо и ветер свистел в ушах. Да поможет небо тем, кто бродит теперь по большой трясине, так как и твердая земля становится топью. Я добрался до черной вершины, на которой заметил в ту ночь одинокого человека, и стал всматриваться в мрачное, расстилавшееся подо мною, пространство. Потоки дождя омывали бурые холмы, и тяжелые, свинцовые тучи низко нависли над болотом, растягиваясь по их склонам в виде серых гирлянд. Далеко налево от меня, между двух холмов, наполовину скрытые туманом, над деревьями высились две тоненькие башенки Баскервилль-холла. Они были единственными видимыми мною признаками человеческой жизни, помимо доисторических хижин, густо разбросанных по склонам холмов. Нигде не было видно и признаков того человека, которого я видел на этом самом месте за две ночи перед тем.

На пути домой меня обогнал доктор Мортимер, ехавший к кабриолете по неровной болотной дорожке, ведущей к отдаленной Фаульмайрской ферме. Доктор Мортимер был очень внимателен к нам, и не проходило дня, чтобы он не заезжал в холл узнать, как мы поживаем. Он уговорил меня сесть в его кабриолет и довез меня до дому. Он был очень огорчен исчезновением своего спаньеля; собачка убежала на болото и больше не возвратилась оттуда. Я утешал его, как умел, но, вспоминая о топи Гримпенской трясины, подумал, что он никогда больше не увидит своей собачки.

— Кстати, Мортимер, — сказал я, пока мы тряслись по болотной дорожке, — мне кажется, в этой местности немного людей, которых вы бы не знали?

— Вряд ли найдется хоть один такой человек.

— Так не можете ли вы мне назвать женщину, имя и фамилия которой начинаются на Л?

Подумав он ответил.

— Нет! Тут есть несколько рабочих и цыган, имен которых я вам не могу назвать, но между фермерами и интеллигентными людьми нет ни одного, имя и фамилия которого начинались бы на Л. Впрочем, подождите, — прибавил он, помолчав, — есть Лаура Ляйонс, но она живет в Кумб-Трасей.

— Кто она такая? — спросил я.

— Дочь Франкланда.

— Что? Старого маниака Франкланда?

— Именно. Она вышла замуж за художника Ляйонса, который приезжал на болото рисовать эскизы. Он оказался негодяем и бросил ее. Впрочем, говорят, что винить следует обе стороны. Отец отказался от нее, потому что она вышла замуж без его согласия, а может быть и по другим причинам. Иначе говоря бедной женщине, пришлось плохо между старым и молодым грешниками.

— Чем она занимается?

— Я думаю, что старик дает ей на пропитание, но не больше, так как его дела очень плохи. Но какова бы она ни была, допустить, чтобы она плохо кончила, благодаря отсутствию помощи, было нельзя. Ее история стала тут известна, и несколько человек приняли в ней участие, желая помочь ей честно зарабатывать свой хлеб. То были Стапльтон и сэр Чарльз, да и я внес свою лепту, чтобы приобрести ей пишущую машину и пристроить ее к делу.

Сказав это Мортимер захотел узнать причину моих расспросов, но мне удалось удовлетворить его любопытство, не высказав слишком многого, потому что вмешивать кого бы то ни было в наши дела — излишне. Завтра утром я доберусь до Кумб-Трасей, и если мне удастся увидеть эту сомнительной репутации Лауру Ляйонс, то я сделаю крупный шаг к выяснению одного звена в этой цепи тайн. Я, без сомнения, приобрел змеиную

мудрость, потому что, когда Мортимер стал чересчур притеснять меня расспросами, то я спросил его, к какому типу принадлежит череп Франкланда, после чего, в продолжение всего остального пути, только и слышал о краниологии. Недаром же я столько лет прожил с Шерлоком Холмсом!

Мне остается передать только еще один инцидент, происшедший в этот же ненастный печальный день, а именно разговор с Барримором, давший мне крупную карту в руки.

Мортимер остался обедать, а после обеда они с баронетом сели играть в экарте. Дворецкий принес мне кофе в библиотеку, и я воспользовался этим, чтобы задать ему несколько вопросов.

— Скажите, — начал я, — уехал ваш драгоценный родственник или все еще прячется там?

— Не знаю, сэр! Я всей душой жажду, чтобы он уехал. Он принес сюда только одно горе! Я ничего не слыхал о нем с тех пор, как отнес ему в последний раз пищу, а это было три дня тому назад.

— Видели вы его тогда?

— Нет, сэр, но когда я в следующий раз пошел туда, то пища исчезла.

— Так вероятно он там и был?

— Так нужно думать, иначе же ее взял другой человек.

Я не донес чашки до рта и уставился на Барримора.

— Вам известно, что там есть еще один человек? Видели вы его?

— Нет, сэр.

— Так откуда вы знаете о его существовании?

— Сельден сообщил мне о нем с неделю или больше тому назад. Он тоже прячется, но, насколько я понял, он не беглый преступник. Мне это не нравится, доктор, говорю вам откровенно, не нравится мне это!

И он выговорил это со страстною серьезностью.

— Слушайте, Барримор! В этом деле у меня нет другого интереса, кроме интереса вашего господина.

Я приехал сюда с единственною целью помочь ему. Скажите же мне чистосердечно, что собственно не нравится вам?

Несколько мгновений Бэрримор колебался, как-будто раскаиваясь в своей вспышке или затрудняясь выразить свои чувства словами.

— Тут что-то творится, сэр! — воскликнул он, наконец, указывая рукою на залитое дождем окно, выходившее на болото.—Где-то там ведется нечистая игра и замышляется какая-то гадость, я готов поручиться в этом! Как был бы я рад, если бы сэр Генри уехал обратно в Лондон.

— Но что же так пугает вас?

— Вспомните смерть сэра Чарльза! Все было достаточно скверно, что бы там ни говорил следователь. Вспомните о ночных звуках на болоте! Не найдется такого человека, который согласился бы пройти через него после захода солнца, хотя бы ему и заплатили за это. Подумайте о незнакомце, который прячется там, караулит и ждет! Чего он ждет? Что все это значит? Это не предвещает ничего хорошего всякому, кто носит фамилию Баскервиллей, и я буду очень рад, когда новые слуги сэра Генри примут от меня заботы о холле.

— Можете ли вы сказать что-нибудь об этом незнакомце? — спросил я. — Что говорил Сельден? Узнал ли он, где он прячется и что делает?

— Он видел его раза два, но это хитрая бестия, — его не выследишь. Сперва Сельден думал, что он из полицейских, но потом увидел, что он ведет свою собственную игру. Он похож на джентльмена, но что ему там нужно, Сельден не мог узнать.

— А где он живет?

— В развалинах на склоне холма, в каменных хижинах, которые служили жилищем древнему народу.

— Ну, а как же насчет пищи?

— Сельден узнал, что он добыл себе мальчика, который и приносит ему все, что нужно, из Кумб-Трасей.

— Прекрасно, Бэрримор. В другой раз мы поговорим об этом подробнее.

Когда дворецкий ушел, я подошел к темному окну и сквозь забрызганное стекло посмотрел на несущиеся тучи и качавшиеся от бури деревья. Ночь ужасная, подумать только, что творится сейчас в каменной хижине на болоте? Какая страстная ненависть заставляет человека прятаться в таком месте и в такое время? Или же какая глубоко серьезная цель толкает его на такой подвиг? Там, в хижине на болоте, вероятно, заключается самая суть задачи, столь сильно озабочивающей меня. Клянусь, не пройдет и дня, как я сделаю все, что только в силах сделать человек, чтобы добраться до самого дна тайны.

XI. ЧЕЛОВЕК НА ГОРЕ.

Рассказ моего дневника доведен до 18-го октября, когда эти странные события начали быстро подвигаться к ужасной развязке. Все последующие немногие дни неизгладимо запечатлелись в моей памяти, и я могу передать их, не прибегая к заметкам, написанным в то время. Итак я начинаю с того дня, когда мне удалось установить два важных факта: первый, что Лаура Ляйонс из Кумб-Трасей писала сэру Чарльзу Баскервиллю и назначила ему свидание на том месте и в тот самый час, когда его поразила смерть; второй, что скрывающегося на болоте человека можно найти между каменными хижинами на склоне холма. Я решил, что если теперь, обладая этими двумя фактами, мне не удастся разъяснить этих темных загадок, то значит, у меня нехватает или ума или смелости.

Накануне вечером мне не удалось передать баронету того, что я узнал о миссис Ляйонс, ибо он засиделся с доктором Мортимером за картами до поздней ночи. За завтраком же я сообщил ему о своем открытии и спросил его, не желает ли он сопровождать меня в Кумб-Трасей. Сначала он сразу согласился ехать со мною, но, по здравом обсуждении, мы оба решили, что если я поеду

один, то достигну лучших результатов. Чем формальнее мы обставим визит, тем меньше мы извлечем из него сведений. А потому я покинул сэра Генри не без некоторого угрызения совести и отправился в путь один.

Доехав до Кумб-Трасей, я приказал Перкинсу поставить лошадей в конюшню и пошел наводить справки о заинтересовавшей нас даме. Я без труда отыскал ее квартиру, находившуюся в центре и хорошо обставленную. Девушка ввела меня без всяких церемоний, и когда я вошел в комнату, то дама, сидевшая за машиною «Ремингтон», вскочила с приветливою улыбкою на устах. Но ее лицо тотчас же стало серьезным, когда она увидела перед собою незнакомца и, усевшись снова перед машиною, она спросила меня о цели моего визита. Первое впечатление, производимое миссис Ляйонс, было то, что она в высшей степени красива. Глаза и волосы у нее были одного и того же красивого каштанового цвета, а на щеках, хотя и сильно усеянных веснушками, играл прелестный румянец, свойственный брюнеткам. Повторяю, первое впечатление, произведенное ею, было восхитительно. Но при втором взгляде ее уже хотелось критиковать. В ее лице было что-то неопределенно неприятное, может быть, некоторая суровость или жестокость взгляда, искажавшие ее совершенную красоту. Но обо всем этом я подумал впоследствии. В тот же момент я только сознавал, что нахожусь перед очень красивою женщиной и что она спрашивает меня о цели моего визита. До сих пор я не отдавал себе полного отчета, насколько моя миссия деликатна.

— Я имею удовольствие быть знакомым с вашим отцом, — сказал я.

Такое вступление было крайне неуместно, и дама сразу дала мне это почувствовать.

— Между моим отцом и мною ничего нет общего, — сказала она. — Я ничем ему не обязана. Если бы не покойный сэр Чарльз Баскервилль и другие добрые сердца, то я умерла бы с голода при заботах моего отца.

— Я пришел к вам по поводу покойного сэра Чарльза Баскервилля.

Веснушки ярче выступили на ее лице.

— Что я могу сказать вам о нем? — спросила она, и пальцы ее нервно забегали по клавишам машинки.

— Вы были с ним знакомы, не правда ли?

— Я уже сказала вам, что много обязана его доброте. Если я в состоянии сама содержать себя, то этим в большой степени обязана участию, которое он принял в моем печальном положении.

— Вы не переписывались с ним?

Женщина вскинула быстрый и сердитый взгляд.

— Какая цель этих расспросов? — резко спросила она.

— Цель их — избежать публичного скандала. Вам лучше ответить на них здесь, чем допустить, чтобы дело дошло до огласки.

Она молчала, но сильно побледнела. Наконец, подняла голову и смело и вызывающе ответила:

— Хорошо, я буду отвечать. Что вы хотите узнать?

— Переписывались ли вы с сэром Чарльзом?

— Раза два я писала ему, чтобы выразить свою признательность за его деликатность и щедрость.

— Помните вы числа, когда написали эти письма?

— Нет.

— Встречались ли вы с ним когда-нибудь?

— Раза два, когда он приезжал в Кумб-Трасей. Он был очень скромен и предпочитал делать добро втайне.

— Но если вы так с ним редко виделись и писали ему, то как же мог он быть настолько ознакомленным с вашими делами, чтобы помогать вам, как вы говорите?

Она с готовностью ответила:

— Несколько человек знали мою грустную историю и соединились, чтобы помочь мне. Один из них — мистер Стапльтон, сосед и друг сэра Чарльза. Он чрезвычайно добр, и через него сэр Чарльз узнал о моих делах.

Я и раньше знал, что сэр Чарльз Баскервилль избирал в нескольких случаях Стапльтона для роли раздавателя его милостыни, а потому слова Лауры Ляйонс показались мне правдивыми.

— Не писали ли вы когда-нибудь сэру Чарльзу, назначая ему свидание? — продолжал я.

Миссис Ляйонс даже покраснела от гнева.

— Поистине, сэр, это крайне странный вопрос!

— Мне очень жаль, сударыни, но я должен его повторить.

— Ну, так я отвечаю: конечно, нет.

— И даже в самый день смерти сэра Чарльза не писали к нему?

Румянец сбежал с ее лица, и его покрыла смертельная бледность. Ее засохшие губы не в состоянии были произнести слово «нет», и я скорее видел его, чем слышал.

— Несомненно память изменяет вам, — сказал я. — Я могу привести вам одно место вашего письма: «Пожалуйста, пожалуйста, прошу вас, как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов».

Я думал, что она упадет в обморок, но, сделав над собой страшное усилие, прошептала:

— Неужели на свете не существует ни одного джентльмена?

— Вы несправедливы к сэру Чарльзу. Он сжег письмо. Но иногда письмо можно прочесть, когда оно и сожжено. Так вы признаете, что написали его?

— Да, я написала его! — воскликнула она, облегчая свою душу словами. — Я написала его. Зачем бы я стала отрицать? У меня нет причины стыдиться этого. Мне хотелось, чтобы он мне помог. Я верила, что если бы мне удалось повидаться с ним, то я получила бы от него помощь, а потому и просила его притти.

— Но почему в такой час?

— Потому что я только что узнала о его желании уехать на другой день в Лондон на несколько месяцев.

Были причины, по которым я не могла пойти туда раньше.

— Но зачем же было назначать свидание в саду вместо того, чтобы итти к нему в дом?

— Неужели вы думаете, что в такой час женщина может итти одна к холостому мужчине?

— Ну, и что же случилось, когда вы пришли туда?

— Я не пошла туда.

— Миссис Ляйонс!

— Нет, клянусь вам всем, что есть для меня святого, я туда не ходила! Случилось нечто такое, что помешало мне пойти.

— Что это было?

— Это частное дело. Я не могу сказать.

— Итак, вы признаете, что назначили свидание сэру Чарльзу в тот самый час и на том самом месте, где он умер, но отрицаете, что ходили на это свидание?

— Это истинная правда.

Я снова закидал ее вопросами, но ничего больше не добился.

— Миссис Ляйонс! — сказал я, вставая после этой длинной и ни к чему не приведшей беседы. — Вы берете на себя очень большую ответственность и ставите себя в очень фальшивое положение, отказываясь высказать все, что вам известно. Если мне придется прибегнуть к помощи полиции, то вы увидите, насколько вы серьезно скомпрометированы. Если вы невиновны, то почему же вы сперва отрицали, что писали в этот день к сэру Чарльзу?

— Я боялась, что из этого будет сделано какое-нибудь превратное заключение и я окажусь впутанною в скандал.

— А почему вы так настаивали, чтобы сэр Чарльз уничтожил ваше письмо?

— Если вы читали письмо, то знаете почему.

— Я не говорил, что читал все письмо.

— Но вы цитировали часть его.

— Я цитировал постскриптум. Письмо, как я вам сказал, было сожжено, и его нельзя было прочесть. Я вторично спрашиваю вас, почему вы так настаивали, чтобы сэр Чарльз уничтожил это письмо, полученное им в день его смерти?

— Это очень интимное дело.

— Тем больше причин, чтобы избегать публичной огласки.

— Ну, тогда я вам скажу. Если вы хоть что-нибудь слыхали обо мне, то знаете, что я опрометчиво вышла замуж и имела причины раскаиваться в том.

— Да, это я слышал.

— Жизнь моя была одним сплошным преследованием со стороны мужа, которого я ненавижу. Закон на его стороне, и каждый день я опасаюсь, что он силой заставит меня жить с собою. В то время, когда я писала сэру Чарльзу, я узнала, что есть возможность приобрести свободу, если найдутся средства на расходы. Для меня это значило все: душевный мир, счастие, самоуважение, решительно все! Я слышала о щедрости сэра Чарльза и подумала, что если я сама расскажу ему, в чем дело, он поможет мне.

— Тогда почему же вы не явились на свидание?

— Потому что мне неожиданно помогли другие.

— Но вы не написали сэру Чарльзу, чтобы объяснить ему это?

— Я бы сделала это, если бы на следующее утро не узнала из газеты о его смерти.

История рассказывалась очень связно, и все мои вопросы не могли сбить Лауру Ляйонс. Проверить же ее я мог только, если бы знал, что она в самом деле затеяла развод с мужем в то время, когда совершилась трагедия.

Невероятно, чтобы она осмелилась сказать, что не была в Баскервилль-холле, если бы она действительно была там. Во-первых, ее должен был доставить туда экипаж, и вернуться в Кумб-Трасей раньше первых утренних часов, она не могла бы. Такая экскурсия не могла удержаться втайне. Следовательно, вероятность была за то, что она говорила правду или часть правды. От нее я вышел сбитый с толку и смущенный. Снова очутился я у стены, которая так и выростала на каждом пути, по которому я пытался добраться до сущности своей миссии. А между тем, чем больше я думал о лице Лауры Ляйонс и о ее поведении, тем больше чувствовал, что от меня что-то скрыто. Почему она так побледнела? Почему она отрицала свой поступок, пока признание не было силою вырвано у нее? Почему она молчала, когда произошла трагедия? Конечно, все объяснения не могли быть так невинными, как она хотела заставить меня думать. Пока я больше ничего не мог сделать в этом направлении и вынужден был приняться за другой ключ, который следовало искать уже среди каменных хижин на болоте.

Слова и указания Барримора были весьма туманны. Я убедился в этом, когда ехал назад и смотрел, на множество холмов, сохранивших следы древнего народа. Барримор только сообщил, что незнакомец живет в одной из этих покинутых хижин, а такие хижины разбросаны сотнями вдоль и поперек болота. Но у меня имелись мои собственные сведения, так как самого человека я видел стоявшим на вершине Блэк-Тора. Эту гору и избрал центральным пунктом своих розысков. Отсюда я обыщу каждую хижину, пока не нападу на обитаемую. Если человек будет находиться внутри ее, то при помощи своего револьвера, если понадобится, я узнаю из его собственных уст, кто он такой и почему он выслеживает нас. Он мог ускользнуть от нас в толпе Реджент-стрита, но на пустынном болоте это будет труднее. И еще, если я найду хижину, а жильцов ее не будет дома, то я останусь в ней сколько бы ни потребовалось, и дождусь пока он вернется. Холмс упустил его в Лондоне. Поистине это будет моим триумфом, если я с успехом разрешу то, что не удалось моему учителю.

В наших поисках счастье отвернулось от нас, но теперь, наконец, оно пошло мне навстречу в лице мистера Франкланда, который стоял за воротами своего сада, смотревшими на большую дорогу, по которой я ехал.

— Здравствуйте, доктор Ватсон! — воскликнул он необыкновенно весело. — Право, вам следует дать отдых лошадям, войти ко мне выпить стаканчик вина и поздравить меня.

После всего, что я слышал о его обращении с дочерью, мои чувства к нему были далеко не дружественными, но мне очень хотелось отправить Перкинса с экипажем домой, и вот теперь для этого представился случай. Я вышел из экипажа, велел кучеру передать сэру Генри, что приду домой во-время, к обеду, и последовал за Франкландом в его столовую.

— Сегодня великий день для меня, сэр, один из счастливейших дней в моей жизни! — воскликнул он со взрывом хохота. — Я вышел победителем двух дел. Я намерен показать им, что закон — есть закон и что существует человек, не боящийся взывать к нему. Я добился права проезда через самую середину парка старого Мидльтона, в ста ярдах от его собственной парадной двери. Что вы думаете об этом? Мы докажем этим магнатам, чорт их побери, что они не смеют попирать прав общины! И я же закрыл доступ в лес, где народ из Фернворта имел обыкновение устраивать свои пикники. Эта дьявольская компания воображает, что не существует никаких прав собственности и они могут повсюду кишеть со своими бумажками и бутылками. Оба дела решены, доктор Ватсон, и оба в мою пользу! Такого дня у меня не было с тех пор, как я предал суду сэра Джона Морланда за то, что он стрелял в своем собственном заповедном лесу.

— Но как же вы могли сделать это?

— А вот взгляните в книгу, сэр. Это стоит прочитать: Франкланд против Морланда, суд королевской скамьи. Это стоило мне 200 фунтов, но я добился вердикта в свою пользу.

— А принесло это вам что-нибудь?

— Ничего, сэр, ровно ничего. Я горжусь тем, что у меня не было никакого личного интереса в деле. Я действовал исключительно из сознания общественного долга. Я не сомневаюсь, например, что сегодня ночью народ Фернворта предаст меня заочному сожжению. В прошлый раз, когда они сделали это, я сказал полиции, чтобы она остановила такие гнусные зрелища. Полиция графства находится в позорном состоянии, и она не оказала мне защиты, на которую я имею право. Дело Франкланда против правительства обратит на это внимание общества. Я сказал им, что им придется раскаяться в своем обращении со мною, и слова мои уже сбываются.

— Каким образом? — спросил я.

Лицо старика приняло многозначительное выражение.

— Я мог бы сообщить то, что им смертельно хочется узнать, но ничто не заставит меня прийти на помощь этим мерзавцам.

До сих пор я все придумывал какой-нибудь предлог, чтобы уйти от его болтовни, но тут мне захотелось услышать побольше. Я достаточно был знаком с противоречивым характером старого сутяги, чтобы сознавать, что сильное проявление интереса способно остановить его дальнейшие сообщения.

— Вероятно, какое-нибудь браконьерское дело, — произнес я равнодушным тоном.

— Ха-ха, молодой человек, нечто гораздо более важное! Что, если это касается беглого преступника на болоте?

Я вздрогнул.

— Разве вы знаете, где он находится? — спросил я.

— Я, может быть, не знаю в точности, где он находится, но я уверен, что мог бы помочь полиции захватить его. Разве вам никогда не приходило в голову, что самый лучший способ поймать этого человека — это узнать, как он добывает себе пищу, и таким образом, выследить его?

Без сомнения, он чертовски близко подходил к истине.

— Конечно, — сказал я. — Но почему вы знаете, что человек этот находится на болоте?

— Я знаю это, потому что собственными глазами видел того, кто носит ему пищу.

Сердце у меня дрогнуло за Бэрримора. Ведь не шутка попасть в руки такого злокозненного старого хлопотуна. Но его следующие слова облегчили мне душу.

— Вы удивитесь, когда узнаете, что пищу ему носит ребенок. Я ежедневно вижу его в телескоп с крыши своего дома. Он проходит по одной и той же тропинке в один и тот же час, а к кому же он может ходить, как не к преступнику?

Вот когда мне, действительно, посчастливилось! Но я постарался скрыть свой интерес. Ребенок! Бэрримор сказал, что нашему незнакомцу прислуживает мальчик. Итак, Франкланд напал на его след, а не на след преступника. Если он сообщит мне все то, что ему известно, то я был бы избавлен от продолжительных и утомительных поисков. Но недоверие и равнодушие были самыми сильными козырями в моих руках.

— Вероятно это сын какого-нибудь пастуха на болоте носит обед своему отцу.

Малейшее противоречие воспламеняло старого самодура. Он лукаво посмотрел на меня, а его седые усы ощетинились, точно у разозлившейся кошки.

— Вы так думаете, сэр! — воскликнул он, указывая на обширное пространство болота. — Видите вы там этот Блэк-Тор? Видите вы низкий холм с терновыми кустами? Это самая каменистая часть на всем болоте. Неужели пастух избрал бы для себя такое место? Ваши догадки, сэр, просто нелепы.

— Я кротко возразил, что говорил, не зная всех фактов. Моя покорность понравилась ему и заставила его больше довериться мне.

— Поверьте, сэр, что у меня очень хорошие основания для такого заключения. Я много раз видел мальчика с узелком. Каждый день, а иногда и два раза в день, я мог... но постойте, доктор Ватсон, обманывают ли меня мои глаза или что-нибудь шевелится на склоне холма?

— Это было в нескольких милях от нас, но я ясно видел маленькую черную точку, выделявшуюся на монотонном сером фоне.

— Идем, идем! — воскликнул Франкланд, бросаясь на лестницу. Вы увидите собственными глазами и сами убедитесь.

Телескоп, громадный инструмент, поставленный на треножнике, стоял на плоской крыше. Франкланд приложил к нему глаз и довольный воскликнул:

— Скорее, доктор Ватсон, скорее, пока он не спустился за холм!

Сомнений и быть не могло: я увидел мальчугана с узелком на плече, тихо карабкавшегося по холму. Когда он достиг вершины, то я увидел его растрепанную странную фигуру, обрисовавшуюся на одно мгновение на холодном голубом небе. Он украдкою оглянулся, как человек, страшащийся преследования, и затем исчез за холмом.

— Ну! Разве я не прав?

— Без сомнения, это мальчик, которому поручено какое-то тайное дело.

— А в чем заключается поручение, может угадать даже здешний полицейский. Но я не скажу им ни одного слова и обязываю и вас, доктор Ватсон, сохранить тайну. Ни слова! Понимаете?

— Как вы желаете.

— Они постыдно поступили со мной, говорю вам — постыдно! Когда обнаружатся факты в деле «Франкланд против правительства», то смею думать, что вся страна содрогнется от негодования. Ничто не может заставить меня помочь полиции чем бы то ни было. Ей больше всего хочется, чтобы эти негодяи сожгли меня самого вместо моего чучела. Неужели вы уходите? Помогите мне опорожнить графин в честь такого великого события.

Но я устоял против всех его просьб, и даже отговорил его от намерения проводить меня домой. Я шел по дороге, пока он мог видеть меня, а затем по болоту бросился к каменистому холму, за которым исчез мальчик. Все складывалось мне в руку и я поклялся, что если упущу такой счастливый случай, то это произойдет не от недостатка энергии и настойчивости.

Солнце уже садилось, когда я достиг вершины холма, и с одной стороны склоны его были золотистыми, а с другой — темно-серыми. Туман низко спускался на дальнюю линию горизонта, и сквозь него виднелись фантастические очертания Белливер-Тора и Виксен-Тора. Над обширным пространством не было слышно ни звука, не видно было никакого движения. Только большая серая птица, чайка или каравайка, высоко парила в голубом небе. Она и я казались единственными живыми существами между громадным небесным сводом и пустынею под ним. Безлюдная местность, чувство одиночества, таинственность и риск моего предприятия — все это наполняло холодом мое сердце. Мальчика нигде не было видно. Но внизу подо мною, в ущелье между холмами, находился круг древних каменных хижин, а на одной из них сохранился достаточный кусок крыши, могущий еще служить защитою от непогоды. Сердце мое радостно забилось при виде этого. Вероятно это и есть та нора, в которой прячется незнакомец. Наконец-то я открыл его убежище; его тайна была в моих руках.

Подходя к хижине так же осторожно, как Стапльтон подходит со своею сеткой к сидящей бабочке, я с удовольствием увидел, что этим местом действительно кто-то пользовался, как жилищем. Едва заметная тропинка, проложенная между валунами, вела к разрушенному отверстию, служившему нередко дверью. Внутри царило безмолвие. Незнакомец или прячется здесь, или шатается по болоту. От ожидания приближающихся приключений мои нервы были напряжены до крайности. Бросив папиросу, я опустил руку в карман с револьвером и, быстро подойдя к двери, заглянул в нее. Хижина была пуста.

Но в ней нашлось не мало доказательств, что я напал на верный след. Без сомнения, тут жил человек. Несколько свернутых одеял лежало на той же каменной плите, на которой когда-то спал неолитический человек. В простой решетке лежала куча золы. Рядом находилось несколько кухонных принадлежностей и ведро, наполовину наполненное водою. Куча пустых жестянок доказывала, что место это было занято уже некоторое время и, когда глаза мои освоились с полусветом, я увидел в углу чашечку и бутылочку, на половину наполненную водкой. Посреди хижины находился плоский камень, служивший столом, на нем лежал небольшой узелок, без сомнения тот самый, который я видел в телескоп на плече мальчика. Он содержал целый хлеб, одну жестянку с приготовленным языком и две с консервами персиков. Когда, осмотрев узел, я положил его на место, то сердце мое вздрогнуло от радости; под узлом я увидел клочок бумаги, на котором было что-то написано. Я взял его и вот что на нем стояло:

«Доктор Ватсон отправился в Кумб-Трасей».

Я стоял с бумажкою в руке, не понимая значения этих слов. Так, значит, таинственный человек выслеживает меня, а не сэра Генри. Он не сам следил за мною, а снарядил агента (может быть, мальчика) ходить по моим следам. Может быть, я не сделал до сих пор ни одного шага на болоте без того, чтобы за ним не проследили. И я почувствовал снова присутствие какой-то невидимой силы, тонкой сети, протянутой вокруг нас с изумительным искусством и так незаметно опутавшей нас, что только в самый последний момент мы чувствовали, что попались в нее.

Если есть одно донесение, то, вероятно, есть и другие, и я принялся обыскивать хижину. Однако, я не нашел больше никакой бумажки, а также никаких знаков, по которым мог бы узнать характер и намерения человека, живущего в этом оригинальном месте. Правда, я открыл,

что у него спартанские привычки и он очень мало заботится о комфорте. Когда я подумал о проливных дождях и посмотрел на дырявую крышу, то понял, насколько должен быть силен мотив, удерживающий его в этом негостеприимном жилище. Кто он такой: наш непримиримый враг или, пожалуй, ангел хранитель? Я поклялся, что не покину хижины, пока не узнаю этого.

Солнце было низко, и запад горел пурпуром и золотом. Отдаленные лужи большой Гримпенской трясины отражали солнце большими красными пятнами. Виднелись две башни Баскервилль-холла, а дымка вдали указывала на село Гримпен. Между этими двумя местностями, за холмом, находился дом Стапльтона. Все кругом было мягко, нежно и мирно при этом золотистом вечернем освещении, но мое настроение не гармонировало с мирною природою: душа трепетала от неизвестности и страха перед свиданием, которое приближалось с каждой секундой. С натянутыми нервами, но с твердым намерением, я сидел в темном углу хишины и с мрачным терпением ожидал прихода ее хозяина.

Наконец, я услыхал шаги. Издалека раздался резкий стук сапога по камню. Затем послышался другой, третий, и шаги стали приближаться. Я прижался в самый темный угол и взялся за курок револьвера в кармане, решив не выдавать своего присутствия, пока мне не удастся увидеть незнакомца. Шаги умолкли. Повидимому, он остановился. Затем шаги снова стали приближаться, и в отверстие хижины упала тень.

— Прелестный вечер, дорогой Ватсон! — произнес хорошо знакомый голос. — Мне кажется, что вам будет гораздо приятнее выйти на воздух, чем сидеть в хижине.

XII. СМЕРТЬ НА БОЛОТЕ.

Дыхание сперлось у меня в груди, я не доверял своим ушам. Наконец, ко мне вернулось сознание и голос, и одновременно я почувствовал, как в одно мгновение с моей души снялась громадная тяжесть. Этот холодный, энергичный, иронический голос мог принадлежать одному человеку на свете.

— Холмс! — воскликнул я, — Холмс!

— Выходите, — сказал он, — и пожалуйста поосторожнее с револьвером.

Переступив порог, я увидел его сидящим на камне, между тем как его серые глаза забавно прыгали, видя мое удивление. Его умное, загоревшее и обветренное лицо похудело и осунулось, но выглядело ясным и бодрым. В парусиновом костюме и мягкой шляпе, он имел вид простого туриста, благодаря своей истинно кошачьей любви к чистоплотности, умудрился сохранить в совершенстве выстиранное белье и гладко выбритый подбородок, точно он вовсе и не выезжал из Бекер-стрита.

— В жизни своей еще не бывал я так рад, — сказал я, крепко сжимая его руку.

— Или более удивлен, а?

— Признаюсь, да!

— Не вы один были удивлены, уверяю вас. Пока я не очутился шагах в двадцати от хижины, мне и в голову не приходило, что вы отыскали мое случайное убежище, и еще меньше, что вы сами сидите в нем.

— Вы узнали о моем присутствии по следам?

— Нет, Ватсон. Сомневаюсь, чтобы я мог отличить след вашей ноги от следов всех остальных людей на свете. Если вы пожелаете серьезно обмануть меня, то перемените своего поставщика папирос, ибо когда я встречаю окурок с этикеткой «Брадлей, Оксфорд-стрит», то знаю, что мой друг Ватсон находится поблизости. Окурок лежит там у тропинки. Вы его бросили в тот торжественный момент, когда приступом брали пустую хижину.

— Совершенно верно.

— Я так и думал, и, зная вашу удивительную настойчивость, был убежден, что, в ожидании постояльца, вы устроились в засаде с оружием на-готове. Значит вы в самом деле думали, что я-то и есть злодей.

— Я не знал, кто вы такой, но твердо решил все узнать.

— Великолепный Ватсон! Вы видели меня в ночь погони за беглым каторжником, когда я неосторожно допустил луну взойти позади себя?

— Да, видел вас тогда.

— И, без сомнения, обыскали все хижины, прежде чем добраться до этой?

— Нет, ваш мальчик был замечен, и это дало мне руководящую нить.

— Замечен, конечно, тем стариком с телескопом. Я узнал об этом только тогда, когда в первый раз увидел свет, отраженный объективом.

Холмс встал и заглянул в хижину.

— А, я вижу, что Картрайт принес мне кое-какие запасы. Что это за бумага? Так значит, вы были в Кумб-Трасей?

— Да.

— И повидались с миссис Лаурой Ляйнос?

— Именно.

— Прекрасно сделали. Наши расследования шли, очевидно, параллельно, и когда мы подведем итоги достигнутых нами результатов, то, надеюсь, будем хорошо ознакомлены с обстоятельствами дела.

— Что до меня, так я страшно рад, что вы здесь, потому что, право, моим нервам больше не под силу выносить эту таинственность. Но скажите, бога ради, как вы-то сюда попали и что вы делали? Я думал, что вы находитесь в Бекер-стрите и заняты своим шантажным делом.

— Я нарочно хотел, чтобы вы это думали.

— Вы даете мне ответственное поручение и вместе с тем не доверяете мне! — воскликнул я, несколько огорченный. — Я думал, Холмс, что заслужил лучшего отношения.

— Милый друг, вы неоценимы для меня как в этом, так и во многих других случаях, и прошу вас простить меня, если я как будто сыграл с вами шутку. В действительности же я поступил так отчасти ради вас самих и приехал сюда, чтобы лично разобраться в деле, потому что понял, в какой опасности вы здесь находитесь. Если бы я жил вместе с вами и с сэром Генри, то очевидно, что и у меня были бы те же наблюдения, что и у вас, а мое присутствие насторожило бы наших весьма опасных врагов. Тут же я мог свободно прохаживаться, чего был бы лишен, живя в холле. Здесь я остаюсь неизвестным зрителем, готовым кинуться на помощь в самый критический момент.

— Но зачем же было оставлять меня в потемках?

— Если бы вы знали о моем приезде, то это не принесло бы нам пользы, и мое присутствие здесь могло бы быть открыто. Вы бы, несомненно, захотели побеседовать со мной или же, по своей доброте, доставить мне какое-нибудь облегчение, а это было бы совершенно ненужным риском. Я привез с собой Картрайта, помните, — того мальчугана из конторы комиссионеров, — и он заботился об удовлетворении моих несложных потребностей: ломте хлеба и чистом воротничке. Что еще нужно человеку? Он доставил мне лишнюю пару глаз и пару очень проворных ног, и обе эти пары оказались неоценимы.

— И значит, все мои донесения пропали даром!

Мой голос задрожал, когда я припомнил весь труд и гордость, с какими я их составлял.

Холмс вынул из кармана сверток бумаг.

— Вот ваши донесения, дорогой друг, они прочитаны весьма старательно, уверяю вас. Я прекрасно устроился относительно их получения, и они запаздывали всего на один день. Я должен отдать вам дань в вашем рвении и разумности, какие вы проявили в этом необыкновенно трудном деле.

Я никак еще не мог переварить тот факт, что Холмс обманывал меня, но его похвалы растопили мой гнев. В глубине сердца я чувствовал, что он прав, и для нашей цели было лучше мне не знать о его присутствии на болоте.

— Так-то лучше, — сказал он, видя, что тень сбежала с моего лица.—А теперь расскажите мне о результате вашего визита к миссис Лауре Ляйонс. Я сразу догадался, что вы отправились именно к ней, ибо мне уже известно, что она единственная в Кумб-Трасей личность, которая может стать нам полезной. Дело в том, что если бы вы не поехали туда сегодня, то весьма вероятно, что завтра я и сам отправился бы к ней.

Солнце село, и сумерки спустились на болото. В воздухе повеяло свежестью, и мы пошли погреться в хижину. Тут я передал Холмсу свой разговор с Лаурой Ляйонс. Он так заинтересовался им, что некоторые части я должен был повторить.

— Очень важное сообщение, — сказал он, когда я кончил. — В этом крайне сложном деле оно заполняет пробел, который я никак не мог перешагнуть. Но вам ясно теперь, что между этой дамой и Стапльтоном существуют тесные отношения?

— Я ничего этого не знаю.

— Они несомненны. Они встречаются, переписываются и между ними царит полное согласие. Ну, все это даст нам в руки очень сильное оружие. Если бы я мог только употребить его на то, чтобы подействовать на его жену...

— Жену?!

— Теперь и я сообщу вам новости в ответ на полученные от вас сведения. Дама, слывущая здесь за мисс Стапльтон, в действительности его жена.

— Господи, боже мой, Холмс! Уверены ли вы в этом? Как мог он допустить, чтобы сэр Генри влюбился в нее?

— То, что сэр Генри влюбился, не могло повредить никому, кроме самого сэра Генри. Вы же заметили, что Стапльтон всячески старался, чтобы сэр Генри не ухаживал за нею. Говорю вам, — она его жена, а не сестра.

— Но для чего же такой обман?

— Он предвидел, что она окажется гораздо полезнее в роли свободной женщины.

Все мои неясные предчувствия, мои смутные подозрения внезапно сформировались и сосредоточились на натуралисте. В этом бесстрастном, бесцветном человеке, в соломенной шляпе и с сеткою для ловли бабочек, я вдруг почувствовал ужасное существо, одаренное бесконечным терпением и хитростью, существо с улыбающимся лицом и сердцем убийцы.

— Так неужели, — это наш враг, это он следил за нами в Лондоне?

— В этом порядке я читаю загадку.

— А предостережение? Вероятно, от нее?

— Именно!

Сквозь мрак, так долго окружавший меня, проглянул полувидимый, полуотгадываемый образ какой-то чудовищной низости.

— Но уверены ли вы в этом, Холмс? Почему вы узнали, что эта женщина его жена?

— Потому, что он как-то увлекся и рассказал вам правду об одной части своей автобиографии, когда в первый раз встретился с вами. Полагаю, что затем он не раз жалел об этом. Он в самом деле был однажды школьным учителем в Северной Англии. Ну, а нет ничего легче, как добыть сведения об учителе. Есть школьные агентуры, через которые можно удостовериться в личности любого человека, когда-либо занимавшегося этою профессиею. Благодаря небольшой справке, я узнал, что одна школа претерпела несчастие при ужасных обстоятельствах и что виновник их (имя было другое) исчез вместе со своею женою. Описания учителя и его жены вполне подходят к приметам Стапльтонов. Когда же узнал, что исчезнувший человек — энтомолог, то уже больше не сомневался.

Мрак рассеялся, но многое еще оставалось в тени.

— Если эта женщина его жена, то при чем тут Лаура Ляйонс? — спросил я.

— Это один из пунктов, на который ваши расследования пролили свет. Ваше свидание с дамою очень

помогло нам. Я ничего не знал о проектируемом разводе Лауры с ее мужем. Считая Стапльтона холостым, она, без сомнения, расчитывает выйти за него замуж.

— А когда она узнает правду?..

— Тогда дама может оказаться полезною для нас. Первым делом нужно нам обоим завтра повидаться с нею. Не находите ли вы, Ватсон, что вы слишком надолго покинули свои обязанности? Ваше место в Баскервилль-холле.

На западе исчез последний румянец заката, и ночь воцарилась на болоте. Несколько звездочек заблестело на фиолетовом небе.

— Еще один вопрос, Холмс, — сказал я вставая. — Между нами не может быть, конечно, секретов. Что же это, однако, значит? Что у него за цель?

Холмс тихо ответил:

— Убийство, Ватсон. Утонченное, хладнокровно обдуманное убийство. Не спрашивайте у меня подробностей. Я затягиваю его в сети точно так же, как он затягивает сэра Генри, и, с вашей помощью, он уже почти в моей власти. Тут есть только одна опасность: он может нанести удар раньше, чем это сделаем мы. Еще день или два, не больше, и у меня в руках будет законченное дело, а до тех пор берегите вверенного вам человека так же неотступно, как мать бережет своего больного ребенка. Сегодняшняя ваша миссия сама себя оправдала, а между тем я почти жалею о том, что вы покинули его... Слышите!

Ужасающий крик!.. Среди тишины болота пронесся стон, долго не умолкавший стон предсмертного ужаса. От этого страшного крика кровь застыла в моих жилах!

— О боже мой! Что это такое? Что это значит? — воскликнул я, задыхаясь.

Холмс вскочил на ноги, и в отверстие двери я увидел его темную, атлетическую фигуру со сгорбленными плечами и наклоненною вперед головою, как бы стремившуюся проникнуть взором в темноту ночи.

— Шш! — шепнул он, — шш!

Донесшийся крик был громкий и сильный, но исходил он откуда-то издалека. Теперь же он раздавался от нас все ближе, громче и явственнее.

— Откуда это? — лихорадочно шептал Холмс.—По дрожанию его голоса я слышал, как этот железный человек был потрясен до глубины души. — Откуда это, Ватсон?

— Кажется, оттуда, — ответил я, указывая в темноту.

— Нет, с этой стороны.

И снова предсмертный крик огласил безмолвную ночь на этот раз еще громче и гораздо ближе, чем прежде. В ту же минуту к нему присоединился другой звук, — низкое глухое ворчание, музыкальное и вместе с тем грозное, как низкий, неумолимый рокот моря.

— Собака! — крикнул Холмс. — Идем, Ватсон, идем! Царь небесный, неужели мы опоздали!

Он бегом пустился по болоту, а я следом по его пятам. Но вдруг откуда-то из-за камней, как раз впереди нас, донесся последний отчаянный стон, а затем глухой, тяжелый стук. Мы остановились и прислушались. Ни один звук не нарушил больше тяжелой тишины безветренной ночи.

С жестом отчаяния Холмс схватился за голову и топнул ногами о землю.

— Он побил нас, Ватсон. Мы опоздали!

— Нет, нет, не может быть!

— Дурак я был, что сдерживал свой размах. А вы, Ватсон, смотрите теперь, к чему привело то, что вы покинули свой пост! Но, клянусь, если случилось худшее, мы отомстим!

Ничего не видя, бежали мы по темному болоту, спотыкаясь о камни, продираясь сквозь терновник, подымаясь и спускаясь с холмов, все время держась того направления, откуда донеслись до нас ужасные звуки. На каждом подъеме Холмс жадно осматривался, но густой мрак окутал болото, и ничто не шевелилось на его угрюмой поверхности.

— Видите вы что-нибудь?

— Ничего.

— Но слушайте, это что такое?

До нашего слуха донесся тихий стон. Попрежнему слева от нас. В этой стороне ряд скал заканчивался крутым утесом, подымавшимся над усыпанным камнями склоном. На неровной поверхности этого склона лежал какой-то темный, неправильной формы предмет. Подбежав к нему, мы увидели, что он принял определенную форму распростертого ничком человека; голова его была сильно подогнута, плечи закруглены и все тело собрано, точно оно вот вот перекувырнется. Это положение было до того нелепым, что сразу я не мог себе представить, чтобы слышанный нами стон был прощанием души с этим телом. Темная фигура, над которою мы наклонились, больше не издала ни одного звука. Холмс опустил на нее руку и с ужасом отдернул ее. Свет зажженной им спички осветил окровавленные пальцы и отвратительную лужу крови, медленно стекавшую из раздробленного черепа жертвы. Свет спички осветил еще нечто такое, от чего наши сердца похолодели и замерли,—то было... тело сэра Генри Баскервилля.

Ни Холмс, ни я не забыли еще совершенно особенный костюм красноватого оттенка, который был надет на сэре Генри в то утро, когда он впервые посетил нас в Бекерстрите. Мы сразу же узнали этот костюм, но тут спичка затлела и погасла, как погасла и надежда, тлевшая в наших сердцах. Холмс застонал и до того побледнел, что в темноте его лицо выделилось белым пятном.

— Зверь! Зверь! — воскликнул я, ломая руки. — Ах, Холмс, я никогда не прощу себе, что покинул его!

— Я еще больше виноват, чем вы, Ватсон. Ради того, чтобы дело вышло полным и закругленным, я погубил своего клиента. Это самый страшный удар, какой я когда-либо получал за всю свою карьеру. Но как же мог я знать, как мог я знать, что, вопреки всем моим предостережениям, он все-таки рискнет пойти один на болото!

— Господи! подумать, что мы слышали его крик! О, боже, эти крики! И мы не могли его спасти! Где это животное, эта собака, загнавшая его до смерти? Может быть, она и сейчас где-нибудь в засаде между скал. А Стапльтон, где он? Он ответит за это!

— О, да! Уж я позабочусь об этом! И дядя и племянник убиты; первый был до смерти напуган одним только видом животного, которое считал сверхъестественным, другого смерть настигла во время дикого бегства, в поисках защиты. Но теперь нам необходимо доказать связь между человеком и животным. Если исключить то, что мы слышали, то мы даже не можем ручаться за существование последнего, ибо, очевидно, сэр Генри умер от падения. Но, клянусь небом, как не хитер молодец, а не пройдет и суток, чтобы он не был в моей власти!

С болью в сердце стояли мы по обеим сторонам изувеченного тела, подавленные этим внезапным и непоправимым несчастьем, которое положило столь печальный конец нашим долгим и тяжелым трудам. Когда вошла луна, мы вскарабкались на вершину скалы, с которой упал наш бедный друг, и оттуда смотрели на болото, наполовину освещенное луною. В нескольких милях от нас, в направлении к Гримпену, виднелся одинокий желтый свет. Он мог исходить только из уединенного жилища Стапльтонов. С жутким проклятием я погрозил ему кулаком.

— Почему бы нам тотчас же не арестовать его?

Наше дело еще не закончено. Молодец этот осторожен и хитер до крайности. Важно не то, что мы знаем, а то, что мы можем доказать. Если мы сделаем один неверный шаг, то этот мерзавец навсегда ускользнеть из наших рук.

— Что мы можем сделать?

— Завтра у нас будет дела немало. Сегодня же мы можем только оказать последнюю услугу нашему другу.

Мы сошли с крутого склона и подошли к телу, ясно выделявшемуся на посеребренных луною камнях. При виде

скорченных членов, я почувствовал, что мне сдавило горло и слезы навернулись на глазах.

— Надо послать за помощью, Холмс. Мы не в состоянии донести его до холла. Боже мой, да что это такое?

Неожиданно Холмс вскрикнул и наклонился к телу, а затем принялся плясать, хохотать и трясти мою руку. Неужели это был мой серьезный, сдержанный друг?

— Борода! Борода! У человека борода!

— Борода?!

— Это не баронет... Это... да это мой сосед, беглый каторжник!

Мы торопливо перевернули тело лицом вверх: окровавленная борода торчала вверх, освещенная холодным, ясным месяцем. Не могло быть никакого сомнения; тот же выдающийся лоб и впалые глаза. Это было то же самое лицо, которое я видел при свечке высматривавшим из-за скалы, — лицо преступника Сельдена.

И все разом стало для меня ясным. Я вспомнил, как баронет говорил мне, что он подарил свое платье Барримору. Барримор передал его Сельдену, помогая ему бежать. Сапоги, рубашка, шапка, — все было от сэра Генри. Трагедия оставалась налицо, но по крайней мере этот человек заслужил смерть по законам своего отечества! Я рассказал обо всем Холмсу, и сердце мое трепетало от радости.

— Значит, платье было причиною смерти бедного малого! — сказал он. — Ясно, что собаку пустили по следу после того, как ознакомили с какою-нибудь принадлежностью туалета сэра Генри, — по всей вероятности с тем сапогом, который пропал тогда в отеле, и вот каким образом оказался загнан этот человек. Однако же, тут есть один весьма странный факт: почему мог Сельден узнать в темноте, что собака пущена по его следам?

— Он услыхал ее.

— Такой закаленный человак, как этот беглый, неспособен настолько перепугаться только оттого, что услыхал собаку на болоте. Он не стал бы дико кричать о помощи

и рисковать быть пойманным. Судя по его крикам, он, должно быть, очень долго бежал после того, как узнал, что собака напала на его след. Каким образом он это узнал?

— Мне это совершенно непонятно... Почему эта собака, предполагая, что все наши догадки правильны...

— Я лично ничего не предполагаю.

— Ну так почему же тогда эта собака была спущена именно сегодня ночью. Не думаю, чтобы она всегда свободно бегала по болоту. Стапльтон не выпустил бы ее, если бы не ожидал сюда прихода сэра Генри.

— Моя загадка страшнее вашей, потому, что я думаю, что мы очень скоро получим ответ на наш вопрос, между тем как мой может навеки остаться тайной. А теперь вопрос в том, что нам делать с телом этого несчастного? Нельзя же его оставить здесь на съедение лисицам и воронам.

— Я бы посоветовал положить его в одну из хижин, пока мы не уведомим полицию.

— Верно! Уверен, что у нас хватит сил дотащить его. Эге, Ватсон, это что такое? Никак он сам? Нет, какова дерзость! Только ни слова, могущего выдать наши подозрения, ни слова, иначе все мои планы рухнут!

По болоту к нам шел человек, и я видел тусклый красный огонь его сигары. Месяц освещал его, и я мог рассмотреть ловкую фигуру и легкую быструю походку натуралиста. Увидев нас, он приостановился, но затем снова двинулся вперед.

— Доктор Ватсон, неужели вы? Вот уж кого я совсем не ожидал увидеть на болоте в этот час ночи. Но, боже мой, что это такое? С кем-нибудь случилось несчастье? Нет... Не говорите мне, что это наш друг, сэр Генри!

Он пробежал мимо меня и нагнулся над мертвым телом. Я услыхал хрип в его груди, и сигара выпала из его пальцев.

— Кто... кто это? — пробормотал он.

— Это Сельден, арестант, убежавший из Принцтоунской тюрьмы.

Стапльтон посмотрел на нас; лицо его было ужасно, но невероятным усилием он овладел своим удивлением и разочарованием. Он зорко взглянул на Холмса, а затем на меня.

— Боже мой! Как это ужасно! Как он умер?

— Повидимому, он сломал себе шею, упав с этих скал. Мой друг и я бродили по болоту, когда услыхали крик.

— Я тоже слышал крик. Вот почему и вышел. Я беспокоился о сэре Генри.

— Почему именно о сэре Генри?—не мог я не спросить.

— Потому что я приглашал его притти к нам. Когда он не пришел, меня это удивило, а затем я само собой встревожился за него, услыхав крики на болоте. Кстати,— он снова пристально посмотрел на Холмса, — вы ничего больше не слыхали?

— Нет, — ответил Холмс, — а вы?

— И я ничего.

— Так почему же вы спросили?

— Ах, вам известны истории, которые рассказывают мужики о привидении в виде собаки и т. д. Говорят, что по ночам ее вой бывает слышен на болоте. Вот я и спросил, не слышали ли вы чего-нибудь в этом роде сегодня ночью?

— Мы ничего подобного не слыхали, — сказал я.

— А что вы думаете о смерти этого несчастного?

— Я не сомневаюсь, что жизнь в вечном страхе и в подобной обстановке помутила его рассудок. В припадке сумасшествия он побежал по болоту, случайно оступился и сломал себе шею.

— Такое объяснение кажется вполне логичным, — сказал Стапльтон и при этом вздохнул, как мне показалось, с облегчением. — А ваше мнение, мистер Шерлок Холмс?

Мой друг поклонился.

— Вы быстро узнаете людей, — заметил он.

— Мы ожидали вас в наши края с тех пор, как приехал сюда доктор Ватсон. Вы попали как раз на трагедию.

— Да, действительно! Я не сомневаюсь, что объяснение, данное моим другом, окажется верным. Я увезу завтра с собою в Лондон неприятное воспоминание.

— Как, вы завтра уезжаете?

— Да, таково мое намерение.

— Надеюсь, что ваш приезд пролил некоторый свет на происшествия, поставившие нас втупик?

Холмс пожал плечами.

— Не всегда достигаешь успеха, на который надеешься. Расследователю нужны факты, а не легенды и слухи. Это неудачное для меня дело.

Мой друг говорил самым искренним и спокойным тоном. Стапльтон продолжал пристально смотреть на него. Затем он обратился ко мне.

— Я бы предложил перенести ко мне этого бедного малого, но это может так напугать мою сестру, что я считаю себя не вправе сделать это. Я думаю, что если мы накроем его лицо, то можем оставить его здесь до утра.

Мы так и сделали. Отклонив гостеприимные предложения Стапльтона, Холмс и я двинулись в Баскервилль-холл, предоставив натуралисту возвращаться домой в одиночестве. Оглянувшись, мы видели его фигуру, медленно удалявшуюся по обширному болоту, а за нею — единственное темное пятно на освещенном луною склоне, место, на котором лежал так ужасно погибший человек.

— Наконец-то, мы приблизились к рукопашной схватке!— сказал Холмс, пока мы шли по болоту. — Но что за нервы у этого человека! Как он сразу овладел собою, когда увидел, что его жертвою пал не тот, кого он наметил, а ведь это было, вероятно, ошеломляющей неожиданностью для него. Я говорил вам в Лондоне, Ватсон, и теперь опять повторяю, что никогда еще мы не имели врага, столь достойного нашего оружия.

— Мне досадно, что он видел вас.

— И мне также сначала было досадно. Но этого нельзя было избежать.

— Как вы думаете, подействует ли на его планы ваше присутствие здесь?

— Это может заставить его быть более осторожным или же сразу побудить его на отчаянный поступок. Подобно большинству умных преступников, он может слишком понадеяться на собственный ум и вообразить, что вполне проведет нас.

— Почему бы нам не арестовать его тотчас же?

— Милый Ватсон, вы родились человеком действия. Вас вечно тянет на энергичные поступки. Ну, предположим, что мы арестуем его сегодня ночью, а в чем это нас подвинет? Мы не можем представить никаких доказательств против него. В этом-то и заключается его чертовская хитрость. Имей он соучастником человека, мы могли бы добыть улики, теперь же, если бы нам и удалось вытащить собаку на дневной свет, то это все-таки еще не затянуло бы петлю на шее ее хозяина.

— Но ведь у нас в руках уголовное дело.

— Ни чуточки! Одни сплошные подозрения и догадки. На суде нас бы осмеяли, если бы мы явились с такою сказкою и такими доказательствами.

— А смерть сэра Чарльза?

— Он найден мертвым без малейших знаков насилия. Вы и я знаем, что он умер от ужасного страха, а также знаем, что напугало его; но как нам заставить двенадцать глупых присяжных поверить этому? Где доказательства в том, что тут примешана собака? Где следы ее клыков? Конечно, мы знаем, что собака не кусает мертвое тело и что сэр Чарльз умер прежде, чем животное нагнало его. Вот все это мы должны доказать, но пока не в состоянии сделать этого.

— Ну, а сегодняшняя ночь?

— Сегодня ночью мы не подвинулись ни на один шаг вперед. Опять-таки никакой прямой связи между собакой и смертью человека не оказалось. Мы не видели собаки. Мы слышали ее, но доказать, что она бежала по следам

этого человека не можем. Тут полное отсутствие мотивировки. Нет, милый друг, нам приходится примириться с фактом, что в настоящую минуту у нас нет в руках никакой уголовной подкладки, но стоит пойтти на любой риск, лишь бы установить таковое.

— А как вы собираетесь достичь этого?

— Я возлагаю большие надежды на миссис Лауру Ляйонс, когда она будет ознакомлена с положением дел. У меня также есть и некоторый план. Однако, каждому дню своя работа, и не пройдет суток, как я возьму верх.

Ничего больше я не мог добиться от Холмса; углубившись в думы, он дошел вместе со мною до ворот Баскервилль-холла.

— Войдете вы со мною?

— Да. У меня нет причин скрываться дольше. Но еще одно слово, Ватсон. Не говорите ничего сэру Генри о собаке. Пусть он верит, что смерть Сельдена произошла так, как Стапльтон и хочет, чтобы мы думали. Нервы его будут более пригодны для испытания, которое ему придется выдержать завтра, если я верно помню ваше донесение о том, что он отправляется обедать к этим господам.

— Я тоже приглашен.

— Вы должны извиниться, и он должен пойти один. Это легко устроить. Ну, а теперь, если мы опоздали к обеду, то думаю, что заслужили ужин.

XIII. СЕТИ СТЯГИВАЮТСЯ.

При виде Шерлока Холмса, сэр Генри был больше обрадован, чем удивлен, так как уже несколько дней ожидал, что последние события вызовут Холмса из Лондона. Однако же, он недоумевающе поднял брови, когда увидел, что у моего друга нет с собою никакого багажа и что он не дает на это никаких объяснений. Я снабдил Холмса всем необходимым, и за поздним ужином мы рас-

сказали баронету о наших приключениях сколько требовалось по плану. Но прежде всего на мою долю выпала неприятная обязанность передать Бэрримору и его жене известие о смерти Сельдена. Ему оно, повидимому, принесло несомненное облегчение, но она горько плакала, закрывая лицо передником. Для всего мира Сельден был жестоким человеком, — полузверем, полудемоном, но для нее он всегда оставался маленьким своевольным мальчиком, каким она его помнила в юности, цепляющимся за ее руку. Поистине только тот человек действительно злой, чью смерть ни одна женщина не будет оплакивать.

— Я с самого утра, как ушел Ватсон, прямо пропадал от тоски в этом доме! — сказал баронет. — Надеюсь, что это будет поставлено мне в заслугу, потому что я сдержал свое обещание. Если бы я не поклялся не выходить один, то мог бы провести вечер более оживленно, так как Стапльтон прислал мне записку с приглашением притти к нему.

— Да, несомненно, что вы бы провели вечер более оживленно! — выразительно произнес Холмс. — Кстати, надеюсь вы тоже оцените, как мы вас оплакивали, думая, что вы сломали себе шею.

Сэр Генри широко открыл глаза.

— Каким образом?

— Тот несчастный был одет в ваше платье. Я опасаюсь, как бы ваш слуга, подаривший ему это платье, не навлек на себя неприятности со стороны полиции.

— Вряд ли. Насколько мне помнится, ни на одной части этой одежды не было никакой метки.

— Это счастье для него и в сущности для всех вас, так как все вы тут действовали противозаконно! Я даже сомневаюсь, — не обязан ли я, как добросовестный сыщик прежде всего арестовать всех живущих в этом доме. Донесения Ватсона — крайне уличающие документы.

— Но расскажите о нашем деле, — попросил баронет, — Разобрались ли вы сколько нибудь в этой путанице? Что

касается Ватсона и меня, то мне кажется, что мы ничего не разузнали с тех пор, как приехали.

— Я думаю, что скоро буду в состоянии выяснить вам положение. Дело это чрезвычайно трудное и крайне сложное. Остается еще несколько пунктов, которые следует осветить, но мы уже на пути к этому.

— Вероятно, Ватсон сообщил вам, что мы слыхали собаку на болоте, и я могу побожиться, тут не одно пустое суеверие. Я имел дело с собаками, в свою бытность в Америке, и когда слышу лай, сумею узнать его. Если вам удастся надеть намордник на этого пса и посадить его на цепь, то я скажу, что вы величайший сыщик с самого сотворения мира.

— Думаю, что мне это удастся, если вы не откажете мне в своей помощи.

— Я сделаю все, что бы вы ни приказали мне.

— Прекрасно. Но я вас также попрошу делать это слепо, не всегда допрашивая о причинах.

— Как вам будет угодно.

— Если вы будете так поступать, то я полагаю, что все шансы за то, чтобы наша маленькая задача скоро разрешилась. Я не сомневаюсь...

Он вдруг замолчал и стал пристально смотреть поверх моей головы. Свет лампы прямо падал на его лицо, и оно было настолько напряжено и неподвижно, что его можно было принять за классическое изваяние — олицетворение энергии и выжидательности.

— В чем дело? — воскликнули мы оба.

Я видел, как Холмс опустил глаза и понял, что он хотел подавить в себе взволновавшее его чувство. Лицо его было серьезно, но глаза сверкали радостным торжеством.

— Простите мое увлечение любителя, — сказал он, указывая рукою на линию портретов, покрывавших противоположную стену. — Ватсон не хочет согласиться, что я понимаю толк в искусстве, но это просто зависть с его

стороны, вследствие несходства наших взглядов на этот предмет. Эта же коллекция портретов поистине великолепная.

— Я рад, слышать это, — сказал сэр Генри, смотря с некоторым удивлением на моего друга. — Я не претендую на знания в искусстве и был бы гораздо лучшим судьею лошади или быка, чем картины. Я не знал, что у вас находится время и на это.

— Когда я вижу что-нибудь хорошее, то всегда оцениваю его, а сейчас я как раз встретил нечто подобное. Держу пари, что та дама в голубом шелковом платье — работы Кнеллера, а толстый господин в парике — Рейнольдса. Вероятно, это все фамильные портреты?

— Да, все без исключения.

— И вы знаете их имена?

— Барримор был моим наставником, и я думаю, что хорошо выучил его уроки.

— Кто этот господин с подзорною трубой?

— Это контр-адмирал Баскервилль, служивший при Роднэе в Вест-Индии. Человек в синем камзоле и со свертком бумаг — сэр Вильям Баскервилль, бывший председатель комитетов в палате общин при Питте.

— А этот всадник против меня, в черном бархатном камзоле с кружевами?

— О, с этим вам необходимо познакомиться. Это виновник всего несчастия, злой Хьюг, породивший собаку Баскервиллей. Вряд ли мы позабудем его.

Я смотрел на портрет с интересом и некоторым удивлением.

— Боже мой! — воскликнул Холмс, — он выглядит спокойным и довольно мягким человеком, но в глазах его сидел дьявол. Я представлял его себе человеком более дюжим и с более разбойническою наружностью.

— Не может быть никакого сомнения в подлинности портрета, потому что имя и год 1647 начертаны на обратной стороне полотна.

— И я явился за тем же.

— Прекрасно! Вы, насколько мне известно, приглашены сегодня вечером на обед к вашим друзьям Стапльтонам?

— Надеюсь, что и вы поедете с нами. Они очень гостеприимны, и я уверен, что будут очень рады увидеть вас.

— Нам с Ватсоном придется, пожалуй, ехать в Лондон.

— В Лондон?

— Да, при настоящих обстоятельствах, я думаю мы, будем там полезнее.

Лицо баронета выразило заметное неудовольствие.

— Я надеялся, что вы не покинете меня в этом деле. Холл и болото — не веселые места для одинокого человека.

— Милый друг, вы должны слепо доверяться мне и исполнить в точности то, что я говорю. Вы можете передать вашим друзьям, что мы были бы счастливы приехать к ним вместе с вами, но неотложное дело вызвало нас в город. Мы надеемся скоро вернуться в Девоншир. Вы не забудете передать им все?

— Если вы настаиваете.

— Уверяю вас, другого выбора нет.

По лицу баронета, я видел, что он был глубоко обижен и, повидимому, считал наш поступок простым дезертирством.

— Когда вы желаете ехать? — спросил он холодно.

— Тотчас после завтрака. Мы доедем на лошадях до Кумб-Трасея, но Ватсон оставит у вас свои вещи в залог того, что он вернется. А вы, Ватсон, пошлите Стапльтону записку и выразите сожаление, что не можете приехать к нему лично.

— Мне сильно хочется поехать в Лондон вместе с вами! — сказал баронет. — Для чего я останусь тут один?

— Это ваш долг. Вы дали мне слово, что будете поступать так, как я скажу, а я вам говорю, чтобы вы оставались.

— Еще одно слово. Я хочу, чтобы вы поехали на лошадях в Меррипит-хауз. Но отошлите обратно экипаж

и скажите Стапльтонам, что вы намерены вернуться домой пешком.

— Я должен итти пешком через болото?

— Да.

— Но ведь это как раз то, против чего вы так часто меня предостерегали!

— На этот раз вы можете итти спокойно, но это необходимо. Если бы я был так непоколебимо уверен в вашей силе и храбрости, то не дал бы вам такого совета.

— В таком случае я пойду пешком.

— И если вы дорожите своей жизнью, то идите не где-либо, а именно по прямой тропинке, ведущей из Меррипит-хауза на Гримпенскую дорогу, т.-е. по той, которая и есть ваш естественный путь к дому.

— Я в точности исполню все, что вы приказываете.

— Прекрасно! Мне хотелось бы уехать как можно скорее после завтрака, чтобы добраться до Лондона раньше вечера.

Такая программа очень удивляла меня, хотя я и помнил, что накануне вечером Холмс говорил Стапльтону о своем отъезде на следующий день. Однако же, мне не пришло в голову, что он пожелает взять меня с собою, а также не мог я понять, как же мы можем отсутствовать в такой момент, который он сам считает опасным. Но больше ничего не оставалось делать, как слепо повиноваться. Итак мы простились с нашим опечаленным другом и часа через два были уже на станции Кумб-Трасей, откуда отослали экипаж обратно домой. На платформе ожидал нас мальчик.

— Какие будут ваши приказания, сэр?

— С ближайшим поездом, Картрайт, ты отправишься в город. Как только приедешь, тотчас же пошлешь сэру Генри Баскервиллю телеграмму от моего имени, в которой ты напишешь, что если он найдет выроненную мною записную книжку, то я прошу послать ее заказною посылкою в Бекер-стрит.

— Слушаю-с, сэр.

— А теперь спроси в станционном телеграфе, нет ли для меня телеграммы.

Мальчик вернулся с телеграммой, которую Холмс передал мне. Она гласила: «Получил телеграмму. Везу полномочие. Прибуду пять сорок. Лестрад».

— Это ответ на мою утреннюю телеграмму. Я считаю Лестрада самым искусным в нашей профессии, и его помощь может понадобиться нам. Теперь, Ватсон, я думаю, что полезнее всего мы проведем наше время, если отправимся к вашей знакомой Лауре Ляйонс.

План кампании, составленный Холмсом, постепенно стал выясняться для меня. Он воспользовался баронетом, чтобы убедить Стапльтонов, что мы действительно уехали, а между тем мы вернемся в тот момент, когда наше присутствие окажется необходимым. Телеграмма Картрайта, если сэр Генри упомянет о ней Стапльтонам, рассеет их последние подозрения. Мне казалось, что я вижу, как наши сети затягивают эту остроморднию щуку.

Миссис Лаура Ляйонс была в своей конторе, и Шерлок Холмс начал с нею беседу так откровенно и так прямо, что она была поражена.

— Мне поручено расследование обстоятельств, сопровождавших смерть сэра Чарльза Баскервилля, — сказал он. — Мой друг, доктор Ватсон, ознакомил меня с тем, что вы ему сообщили, а также и с тем, что вы скрыли относительно этого дела.

— Что я скрыла? — спросила она с недоверием.

— Вы признались, что просили сэра Чарльза быть у калитки в десять часов. Мы знаем, что он умер как раз на этом месте и в этот час. Вы скрыли, какая существует связь между этими двумя фактами.

— Тут нет никакой связи.

— В таком случае совпадение поистине необычайное. Но мне думается, что нам-таки удастся восстановить связь. Я желаю быть вполне искренним с вами, миссис Ляйонс.

Мы считаем этот случай убийством, и очевидность его может запутать не только вашего друга, мистера Стапльтона, но и его жену.

Лаура вскочила со своего стула.

— Его жену! — воскликнула она.

— Факт этот больше не тайна. Особа, слывшая за его сестру, в действительности его жена.

Миссис Лайонс опять села. Пальцы ее сжимали ручки кресла с таким напряжением, что я видел, как побелели ее розовые ногти.

— Его жена! — повторила она. — Его жена! Он был неженат.

Шерлок Холмс пожал плечами.

— Докажите это мне! Докажите это мне! И если только вы в состоянии это сделать...

Свирепый блеск ее глаз говорил больше, чем могли выразить слова.

— Я пришел к вам с готовыми доказательствами, — сказал Холмс, вынимая из кармана несколько бумаг. — Вот фотография супружеской четы, снятой четыре года тому назад в Иорке. На ней написано, что это мистер Вандлер, но вам нетрудно будет его узнать, а также и ее, если только вам приходилось ее видеть. Вот три описания, сделанные свидетелями. Мистера и миссис Вандлер в то время содержали частную школу. Прочтите их, и вы убедитесь, что в подлинности этих личностей не может быть сомнения.

Она посмотрела на документы, затем на нас с неподвижным, остывшим лицом отчаявшейся женщины.

— Мистер Холмс, — сказала она, — этот человек обещал жениться на мне, если я получу развод с мужем. Негодяй всячески лгал мне. Он не сказал мне ни одного слова правды. И почему, почему? Я воображала, что все делается ради меня. А теперь вижу, что я никогда не была для него не чем иным, как простым орудием в его руках.

Ради чего сохранять мне эту верность, когда он вероломен со мной? Чего ради стараться мне ограждать его от последствий его собственных злых деяний? Спрашивайте у меня все, что вам угодно, и я ничего не скрою. В одном клянусь вам, что когда я писала письмо, то и во сне не желала причинить вред человеку, бывшему моим лучшим другом.

— Я вполне верю вам, сударыня! — сказал Шерлок Холмс. — Рассказывать эти события должно быть очень тяжело для вас, и, может быть, вам будет легче, если я расскажу их, а вы остановите меня, если я сделаю какую-нибудь существенную ошибку. Отсылка вашего письма была сделана по совету Стапльтона?

— Он продиктовал мне это письмо.

— Полагаю, что выставленные им причины заключались в том, что сэр Чарльз может притти вам на помощь при издержках, неизбежно связанных с делом о разводе?

— Совершенно верно.

— А затем, когда вы отправили письмо, он отговорил вас итти на свидание?

— Он сказал мне, что его самолюбию будет нанесен удар, если другой человек даст деньги на это дело и, хотя он сам бедный человек, но отдаст свой последний грош ради уничтожения препятствий, разлучающих нас.

— Он, повидимому, очень последователен. А затем вы ничего не знали, пока не прочитали в газете сообщение о смерти?

— Ничего?

— А он взял с вас клятву, что вы ничего не скажите о назначенном вами сэру Чарльзу свидании?

— Да. Он сказал, что кончина его произошла при очень таинственных обстоятельствах и что меня, конечно, заподозрят, если факты станут известными. Он так напугал меня, что я молчала.

— Совершенно верно. Но у вас были подозрения?

Она колебалась и опустила глаза.

— Я знала его! — сказала она. — Но если бы он оставался мне верен, то и я не выдала бы его.

— Мне кажется вы, довольно счастливо отделались! — сказал Шерлок Холмс. — Он был в вашей власти и знал это, а между тем, вы еще живы. В продолжение нескольких месяцев вы находились на краю пропасти. А теперь, миссис Ляйонс, мы должны с вами проститься, но вы очень скоро снова услышите о нас.

— Наше дело распутывается и исчезает затруднение одно за другим! — сказал Холмс, пока мы ожидали экспресс из города. — Люди, изучающие уголовные преступления, вспомнят аналогичные случаи, но это дело отличается некоторой особенностью. Даже и теперь еще нет у нас явной улики против этого коварного человека. Но я буду очень удивлен, если до сегодняшней ночи мы не получим ее.

Лондонский экспресс, пыхтя, вошел на станцию, и из вагона первого класса выскочил маленький, сухой, похожий на бульдога, человечек. Мы пожали ему руку, и по почтительности, с какою Лестрад смотрел на моего товарища, я сразу увидел, что он многому научился с тех пор, как они впервые начали работать вместе. Я хорошо помнил пренебрежение, с каким практический человек относился к теориям логически мыслившего человека.

— Хорошее дело? — спросил он.

— Самое крупное! — ответил Холмс. — Прежде чем нам придется двинуться в путь, в нашем распоряжении есть еще два часа. Я думаю, что мы можем ими воспользоваться и пообедать, а затем, Лестрад, мы прочистим ваше горло от лондонского тумана, дав вам возможность подышать чистым ночным воздухом Дартмура. Вы никогда не были там? О, тогда я уверен, что вы никогда не забудете своей первой прогулки в этой местности.

XIV. СОБАКА БАСКЕРВИЛЛЕЙ.

Один из недостатков Шерлока Холмса, если только можно назвать это недостатком, заключался в том, что он чрезвычайно неохотно сообщал свои планы другому лицу до момента их выполнения. Отчасти это несомненно про-

исходило от его собственного властного характера, склонного господствовать и удивлять тех, кто его окружал. Отчасти же причиною тому была профессиональная осторожность, заставлявшая его никогда ничем не рисковать. Но как бы то ни было, в результате эта черта оказывалась очень тяжелою для тех, кто действовал в качестве его агентов и помощников. Я часто страдал от нее, но никогда она так не угнетала меня, как во время нашей продолжительной езды в темноте. Впереди нам предстояло великое испытание, мы были близки, наконец, к последнему усилию, а между тем Холмс ничего не сказал, и я мог только предполагать, каковы будут его действия. Каждый нерв мой дрожал от напряжения, когда, наконец, холодный ветер, подувший нам навстречу, и темное пустынное пространство дали мне знать, что мы прибыли на болоте. Каждый шаг лошадей, каждый оборот колеса приближал нас к нашему последнему приключению.

Нашему разговору мешало присутствие кучера наемного экипажа, и мы поэтому говорили о пустяках, тогда как нервы наши были натянуты от волнения и ожидания. Облегчение от такой неестественной сдержанности я почувствовал, когда мы миновали дом Франкланда, и я понял, что теперь мы уже близко от холла и места действий. Не доехав до подъезда мы остановились у ворот аллеи. Расплатились с кучером и велели ему тотчас же ехать обратно в Тэмпль-Кумб, а сами пошли по направлению к Меррипит-хаузу.

— Вооружены ли вы, Лестрад?

Маленький сыщик улыбнулся.

— Пока на мне брюки, в них есть верхний карман, а пока в них есть верхний карман, то кое-что в нем находится.

— Хорошо! Мой друг и я готовы ко всяким неожиданностям.

— Вы, видимо, хорошо ознакомились с этим делом, мистер Холмс? С чего начнется игра?

— С ожидания.

— Чорт возьми! Это место не очень-то веселое! — сказал сыщик, с дрожью осматривая кругом мрачные скалы холмов и громадное озеро тумана, спустившегося над Гримпенскою трясиною. — Я вижу огоньки какого-то дома впереди нас.

— Это Меррипит-хауз, конечный пункт нашего пути. Попрошу вас итти на цыпочках и говорить шопотом.

Мы осторожно двигались по дорожке по направлению к дому, но приблизительно в двухстах ярдах от него Холмс остановил нас.

— Мы должны ожидать здесь?

— Да, здесь мы устроим засаду. Влезайте в эту дыру, Лестрад. Вы бывали в доме, Ватсон, не правда ли? Можете ли вы назвать расположение комнат? Что это за решотчатые окна на этом углу?

— Это, кажется, окна кухни.

— А, то там, что так ярко освещено?

— Это, конечно, столовая.

— Штора поднята. Вы лучше знакомы с местностью; подползите тихонько к окнам и посмотрите, что они там делают, но, ради самого неба, не выдайте им своего присутствия.

Я пошел на цыпочках по тропинке и остановился за низкою стеною, окружавшею жидкий фруктовый сад. Пробираясь под тенью этой стены, я дошел до места, с которого мог смотреть прямо в незавешенное окно.

В комнате находились только двое мужчин — сэр Генри и Стапльтон. Они сидели друг против друга за круглым столом и их профили были обращены ко мне. Оба курили сигары, а перед ними стояли кофе и вино. Стапльтон говорил с оживлением, баронет же был бледен и рассеян. Может быть, его угнетала мысль о предстоящем одиноком пути по зловещему болоту.

Пока я наблюдал за ними, Стапльтон встал и вышел из комнаты, а Генри наполнил стакан вином и, прислонившись к спинке стула, покуривал сигару. Я услыхал скрип двери и хрустящий звук шагов по гравию. Шаги направлялись вдоль тропинки по другую сторону стены, за которой я стоял, скорчившись; заглянув через нее, я увидел, как натуралист остановился у двери какого-то сарая, стоявшего в углу плодового сада. Раздался звук повернутого в замке ключа, и когда Стапльтон вошел в сарай, то оттуда послышался какой-то странный шум борьбы. Он пробыл в сарае не более минуты, после чего снова раздался звук повернутого ключа, и, пройдя мимо меня, Стапльтон вошел в дом. Я увидел, как он вернулся к своему гостю, и потихоньку прополз обратно к своим товарищам, рассказав им все виденное.

— Вы говорите, Ватсон, дамы не было с ними? — спросил Холмс, когда я закончил свое донесение.

— Да.

— Где она может быть, раз ни одна комната, кроме кухни, не освещена.

— Не могу себе представить.

Я уже говорил, что над Гримпенскою трясиною повис густой белый туман. Он медленно двигался на нас и производил впечатление стены — низкой, плотной и непроницаемой. Луна освещала его, и он походил на большое мерцающее ледяное поле, над которым возвышались вершины дальних пиков, точно положенные на него сверху.

— Он двигается к нам, Ватсон.

— Разве это важно?

— Очень важно! Это единственное, что может расстроить мои планы. Но сэр Генри теперь не должен медлить. Уж десять часов. Наш успех и даже его жизнь могут зависеть от того, выйдет ли он из дому раньше, чем туман дойдет до тропинки.

Над нами ночь была светлая и прекрасная. Звезды ярко и холодно блестели, а полная луна освещала всю местность мягким, неопределенным светом. Перед нами стоял темный остов дома, его зазубренная крыша

и трубы, резко очерченные на небе, усеянном звездами. Широкие полосы золотистого света из низких окон простирались через сад на болото. Одно из них вдруг потухло. Слуги вышли из кухни. Оставалось только окно столовой, в которой двое мужчин, — хозяин-убийца и ничего не подозревавший гость, — все продолжали болтать, покуривая свои сигары.

С каждой минутой белая пелена, покрывавшая половину болота, придвигалась все ближе и ближе к дому. Уже первые, тонкие клочки ее завивались в золотистом квадрате освещенного окна. Дальняя часть стены сада уже потонула, и деревья подымались из полосы белого пара. Пока мы наблюдали за ними, туман успел окружить, точно гирляндами, оба угла дома и медленно свертывался в плотный вал, над которым верхний этаж дома и крыша плавали, точно фантастический корабль. Холмс со страстною горячностью ударил кулаком о скалу и нетерпеливо топнул ногою.

— Если он не выйдет через четверть часа, тропинка скроется в тумане. Через полчаса мы не в состоянии будем увидеть собственные руки.

— Не лучше ли нам передвинуться назад, на более высокую почву?

— Да, я думаю это будет хорошо.

Итак, по мере того, как туманный вал двигался вперед, мы отступали от него назад, пока не очутились в полумили от дома; между тем густое белое море, с посеребренною луною поверхностью, медленно и беспощадно наступало на нас.

— Мы идем слишком далеко, — сказал Холмс. — Нельзя рисковать, чтобы сэра Генри догнали прежде, чем он успеет дойти до нас. Мы во что бы то ни стало должны удержать позицию на этом месте.

Холмс опустился на колени и приложил ухо к земле.

— Славу Богу, он, кажется идет.

Тишину болота нарушили быстрые шаги. Спрятавшись между камнями, мы пристально всматривались в туманную полосу впереди нас. Звук шагов становился все отчетливее, и из тумана, точно сквозь занавес, вышел человек, которого мы ожидали. Выйдя в светлую полосу, он с удивлением оглянулся. Затем быстро пошел по тропинке, близко прошел мимо нашей засады и стал подниматься по длинному склону позади нас. Он беспрестанно поворачивал голову и оглядывался как человек, которому не по-себе.

— Тс! — воскликнул Холмс, и я услыхал, как щелкнул взведенный курок. — Смотрите! Она бежит сюда.

Из середины этого медленно подползавшего вала раздались редкие, размеренные, хрустящие удары. Туман расстилался в пятидесяти ярдах от нас, и мы все трое всматривались в него, не зная, какой ужас вынырнет оттуда. Я находился у самого локтя Холмса, и взглянул на его лицо. Оно было бледное, но торжествующее, а глаза его яростно блестели при лунном освещении. Но вдруг они уставились вперед неподвижным, суровым взглядом, и рот его раскрылся от удивления. В тот же момент Лестрад испустил вопль ужаса и ничком бросился на землю. Я вскочил на ноги, сжимая отяжелевшею рукою револьвер и парализованный ужаснейшею фигурою, выпрыгнувшей на нас из тумана. То была собака, громадная, черная, как уголь, собака, но такая, какую ни один смертный глаз никогда еще не видывал. Пасть ее извергала пламя, глаза горели, как раскаленные угли, морда, загривок и грудь были обведены мерцающим пламенем. Даже свихнувшийся ум в беспорядочном бреде не мог бы представить себе ничего более дикого, более ужасного, более адского, чем это отчаянное существо со звериною мордою, выскочившее на нас из стены тумана.

Длинными прыжками неслась громадная черная тварь по тропинке, следуя по пятам за нашим другом. А мы были до того парализованы ее внезапным появлением, что не успели опомниться, как она проскакала мимо нас. Но тут Холмс и я разом выстрелили, и ужасный рев

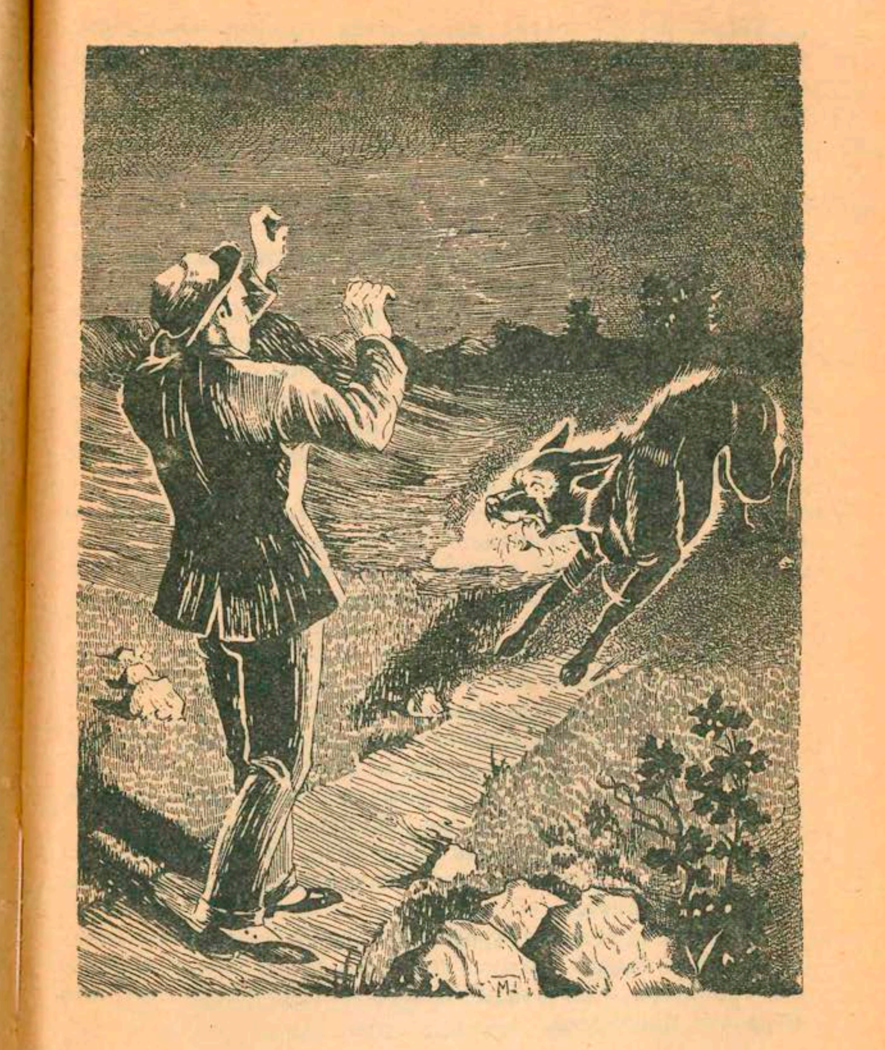
доказал нам, что, по крайней мере, один из нас попал в цель. Однако, она все еще неслась вперед. Мы видели, как далеко от нас на тропинке сэр Генри оглянулся: лицо его, освещенное луною, было бледно, руки в ужасе подняты, и он беспомощно уставился на страшное существо, преследовавшее его.

Но крик боли, изданный собакою, рассеял все наши опасения. Если она уязвима, то, значит, ее можно убить, и если мы сумели ее ранить, то сумеем и убить. Никогда я не видывал, чтобы человек мог так бежать, как Холмс бежал в эту ночь. Я считаюсь легким на ногу, но он опередил меня на столько же, на сколько я опередил маленького сыщика. Пока мы бежали по тропинке, мы все еще слышали крики сэра Генри и низкий вой собаки. Я видел, как животное наскочило на свою жертву, повалило ее на землю и бросилось к ее горлу; но в этот самый момент Холмс выпустил все пять зарядов своего револьвера в бок свирепой твари. Издав последний предсмертный рев и злобно щелкая в воздухе зубами, она повалилась на спину, неистово дергая всеми четырьмя лапами, а затем бессильно упала на бок. Задыхаясь, я подбежал и приставил свой револьвер к страшной светящейся голове, но спускать курок было уже не к чему. Исполинская собака была мертва.

Сэр Генри лежал без чувств. Мы разорвали его воротник, и Холмс шептал благодарственную молитву, увидев, что на его шее нет никакой раны и что мы поспели как раз во-время. Тут веки нашего друга начали подергиваться, и он сделал слабую попытку шевельнуться. Лестрад влил баронету в рот немного водки из своей фляжки, и после этого на нас уставилась пара перепуганных глаз.

— Боже мой! — прошептал он. — Что это было? Царь небесный! Что это только было?

— Что бы оно ни было, оно теперь мертво! — ответил Холмс. — Мы навеки уложили ваше родовое привидение.

Тварь, распростертая перед нами, одними своими размерами и силою уже устрашала. Это была не чистокровная ищейка и не чистокровный мастиф, но вероятно помесь обеих этих пород, худая, дикая, величиною с маленькую львицу. Даже теперь, в покое смерти, из ее громадных челюстей капало голубоватое пламя, а маленькие, глубоко посаженные свирепые глаза были окружены огненным сиянием. Я опустил руку на сверкавшую морду, и когда отнял ее, то мои пальцы тоже засветились в темноте.

— Фосфор! — сказал я.

— Да, простой состав фосфора! — подтвердил Холмс, нюхая мертвое животное. — Он не имеет запаха, который мог бы препятствовать чутью собаки. Мы очень виноваты перед вами, сэр Генри, что подвергли вас такому испугу. Я ожидал встретить собаку, но не такую тварь, как эта. К тому же туман не дал нам времени во время принять ее.

— Вы спасли мне жизнь!

— Подвергнув ее сначала опасности. Чувствуете ли вы себя достаточно сильным, чтобы встать?

— Дайте мне еще глоток водки, и я буду готов на все. Так! Теперь не поможете ли вы мне встать? Что вы намерены делать?

— Оставить вас здесь. Вы не пригодны для дальнейших приключений в эту ночь. Если вы подождете, то кто-нибудь из нас вернется с вами в холл.

Сэр Генри пробовал двинуться, но все еще был страшно бледен, и все члены его дрожали. Мы подвели его к скале, около которой он сел, весь дрожа и закрыв лицо руками.

— Теперь мы должны вас покинуть! — сказал Холмс. Нам необходимо закончить свое дело, и важна каждая минута. Мы установили факт преступления, остается схватить преступника.

— Тысяча шансов против одного застать его теперь дома, — продолжал Холмс, когда мы быстро шли обратно по тропинке. — Выстрелы наверное дали понять ему, что игра его проиграна.

— Мы находились довольно далеко от дома, и туман мог заглушить звук выстрелов.

— Можете быть уверены, что он следовал за собакою, чтобы отозвать ее. Нет, нет, он определенно скрылся! Но мы все-таки обыщем дом и удостоверимся окончательно.

Парадная дверь оказалась отпертой; мы бросились в дом и перебегали из комнаты в комнату к удивлению встретившего нас в коридоре шатавшегося от старости слуги. Нигде не было освещения, кроме столовой, но Холмс снял лампу и не оставил ни одного угла в доме неисследованным. Но человека, которого мы искали, нигде не оказалось. В верхнем же этаже дверь одной из спален была заперта на ключ.

— Тут кто-то есть! — воскликнул Лестрад. — Я слышу движение. Откройте эту дверь.

Изнутри до нас донеслись слабые стоны и шуршанье. Холмс ударил ногой в дверь как раз над замком и распахнул ее настежь. С револьверами наготове мы разом бросились в комнату.

Но и в ней не было никаких признаков отчаянного и отъявленного негодяя, которого мы ожидали увидеть. Вместо этого нашим взорам представилось нечто столь странное и столь неожиданное, что мы на несколько секунд остановились пораженные.

Комната имела вид маленького музея, по ее стенам были расставлены целые ряды ящиков с стеклянными крышками, наполненных коллекцией бабочек и молей, которая являлась развлечением этого ученого и опасного человека. На середине комнаты стояло вертикальное бревно, подведенное тут когда-то для поддержки поеденных червями балок, державших на себе крышу. К этому столбу была привязана фигура, с головою, настолько тесно обернутой и закутанной простынями, что на первый взгляд нельзя было разобрать, мужчина это или женщина. Одно полотенце охватывало голову и было прикреплено к столбу. Другое покрывало всю нижнюю часть лица, и над ним

виднелись два черных глаза, пристальных, полных горя, стыда и ужасного вопроса. В одно мгновение разорвали мы все узы, и мистрис Стапльтон свалилась на пол. Когда ее красивая голова откинулась ей на грудь, вокруг ее шеи я заметил отчетливый красный знак от удара плетью.

— Животное! — воскликнул Холмс. — Лестрад, давайте сюда свою фляжку! Посадите ее на стул! Она упала в обморок от жестокого обращения и слабости.

Она снова открыла глаза.

— Спасен ли он? — спросила она. — Убежал ли он?

— Он не может убежать от нас, сударыня.

— Нет, нет, я говорю не о муже. Сэр Генри? Спасен ли он?

— Спасен.

— А собака?

— Убита.

Она издала глубокий вздох облегчения.

— Слава богу, слава богу! О, негодяй! Посмотрите, что он сделал со мною! — воскликнула она, засучивая рукава, и мы с ужасом увидели, что все руки ее были в синяках.— Но это ничего! Ничего! Он истерзал и осквернил мою душу! Я все могла выносить: дурное обращение, одиночество, жизнь, полную разочарований, все, пока могла питать надежду на его любовь, но теперь я узнала, что была только его орудием и он всегда обманывал меня.

— Видимо, вы не относитесь к нему доброжелательно,— сказал Холмс. — Так откройте нам, где можно его найти. Если вы когда-нибудь помогали ему делать зло, то теперь, ради искупления, выдайте его.

— Есть только одно место, куда он мог убежать! — ответила она. — В самом центре трясины существует на острове старый заброшенный оловянный рудник. Там держал он свою собаку и там же он приготовил себе убежище. Туда только он и мог скрыться.

Стена тумана упиралась в самое окно. Холмс поднес к нему лампу.

— Посмотрите, — сказал он. — Никто не может сегодня найти дорогу в Гримпенскую трясину.

М-с Стапльтон рассмеялась и захлопала в ладоши. Глаза ее разгорелись свирепою радостью.

— Он мог найти дорогу туда, но оттуда никогда. Как может он сегодня ночью увидеть вехи? Мы вместе с ним расставляли их, чтобы наметить тропинку через трясину. Ах, если бы я только могла сегодня вынуть их. Тогда он был бы в ваших руках.

Но мы поняли, что всякое преследование тщетно, пока не рассеется туман. Мы оставили Лестрада охранять дом, а сами отправились с баронетом в Баскервилль-холл. Нельзя было дольше скрывать от него историю Стапльтонов, но он мужественно вынес удар, когда узнал истину о женщине, которую так любил. Однако же, приключения этой ночи настолько потрясли его нервы, что к утру он лежал в бреду, во власти жестокой горячки, и доктор Мортимер сидел около него. Им обоим суждено было совершить вместе путешествие вокруг света, прежде чем сэр Генри вновь стал тем здоровым, бодрым человеком, каким он был, пока не сделался хозяином злополучного поместья.

А теперь я быстро закончу этот оригинальный рассказ, в котором я старался, чтобы читатель вместе с нами делил все страхи и смутные догадки; они так долго омрачали нашу жизнь и окончились настолько трагично. К утру туман рассеялся, и м-с Стапльтон проводила нас к тому месту, откуда начиналась тропинка через трясину. Когда мы увидели, с какою горячностью и радостью эта женщина направляла нас по следам своего мужа, мы поняли, насколько ужасна была ее жизнь. Мы оставили ее на узком полуострове твердого торфа, который вдавался в трясину. Отсюда маленькие прутья, кое-где воткнутые, указывали, где извивающаяся тропинка проходила от одной группы тростников к другой, между покрытыми зеленою плесенью пропастями трясины, непроходимой для незнакомого чело-

века. От гниющего тростника и тины шел запах разложения, и тяжелый, полный миазмов пар ударял нам в лицо, когда от неверного шага мы не раз погружались по колено в черную дрожащую трясину, мягкими волнами расходившуюся на ярды вокруг наших ног. Когда мы шли, она, как клещами, схватывала нас за пятки; когда же мы погружались в нее, то казалось, что вражеская рука с силою тащит нас в ее зловещую глубину. И только один раз открыли мы, что кто-то прошел по этому опасному пути до нас. Среди клочка болотной травы виднелся какой-то темный предмет. Сойдя с тропинки, чтобы схватить его, Холмс погрузился по талию и, если бы нас тут не было, чтобы вытащить его, то он никогда больше не ступил бы на твердую землю. В руке он держал старый черный сапог. Внутри его было напечатано на коже «Мейерс, Торонто».

— Эта находка стоит грязевой ванны, — сказал Холмс.— Это пропавший сапог нашего друга сэра Генри.

— Который Стапльтон бросил здесь, спасаясь от нас?

— Именно! Сапог остался у него в руках после того, как он употребил его, чтобы пустить собаку по следам сэра Генри. Увидев, что игра его проиграна, он бежал и в этом месте швырнул сапог. Из этого мы видим, что, по крайней мере, до этого места он добежал благополучно.

Но больше этого нам ничего узнать не удалось, хотя о многом мы и догадывались. Не было никакой возможности найти следы ног на трясине, потому что подымающаяся тина моментально заливала их; когда же мы достигли твердой земли и стали жадно разыскивать эти следы, то не нашли ни малейшего признака их. Если земля не обманывала, то Стапльтону так и не удалось достигнуть своего убежища на островке, к которому он устремился сквозь туман в эту последнюю ночь. Этот холодный и жестокий человек похоронен в центре Гримпенской трясины, в глубине зловонного ила громадного болота.

Зато много его следов мы нашли на островке, где он прятал своего свирепого союзника. Громадное двигательное колесо и шахта, наполовину наполненная щебнем, указывали, что тут когда-то находилась копь. Около нее были разбросаны развалины хижин рудокопов, вероятно, выгнанных отсюда зловонным испарением окружающего болота. В одной из них скоба и цепь, с множеством обглоданных костей, указывали место, где помещалась собака. На полу лежал скелет с приставшим к нему пучком коричневой шерсти.

— Собака! — сказал Холмс. — Боги мои, да ведь это кудрявый спаниель! Бедный Мортимер, он никогда больше не увидит своего любимца. Ну, а теперь я полагаю, что это место больше не заключает в себе таких тайн, в которые мы бы не проникли. Стапльтон мог спрятать свою собаку, но не мог заглушить ее голоса, и вот откуда шли эти крики, которые даже и днем пугали людей. В случае надобности он мог бы держать собаку в сарае, в Меррипите, но это было бы рискованно, и только в последний день, когда он думал, что настал конец всем его трудам, он рискнул это сделать. Тесто в этой жестянке, без сомнения, та светящаяся смесь, которою он мазал животное. На эту мысль его навела фамильная легенда об адской собаке и желание напугать до смерти старика сэра Чарльза. Неудивительно, что несчастный каторжник бежал и кричал (так же, как и наш друг, и как поступили бы и мы сами), когда увидел, что эдакая тварь скачет в темноте по его следам. Это была хитрая выдумка, ибо ни один крестьянин не осмелился бы поближе познакомиться с такою тварью, увидев ее мельком на болоте, несмотря на то, что многие ее видели. Я говорил в Лондоне, Ватсон, и повторяю теперь, что никогда не приходилось нам преследовать человека более опасного, чем тот, который лежит теперь там.

Сказав это, Холмс простер руку по направлению к громадному пространству трясины, испещренной зелеными пятнами и сливающейся на горизонте с болотом.

XV. ВЗГЛЯД НАЗАД.

Был конец ноября, и в сырой туманный вечер мы с Холмсом сидели у пылающего камина нашей гостиной в Бекер-стрите. Мой друг был в отличном расположении духа, вследствие удачного разрешения целого ряда трудных и важных дел, а потому я мог начать разговор о подробностях баскервилльского дела. Я терпеливо ожидал этой удобной минуты, потому что знал, что Холмс никогда не допустит смешивать дела, и что его ясный и логический ум не отвлечется от настоящей работы ради воспоминаний о прошлом. Но как раз сэр Генри находился с доктором Мортимером в Лондоне, готовясь к длинному путешествию, предписанному ему для восстановления его пошатнувшейся нервной системы. В этот самый день они навестили нас, а потому было вполне естественно заговорить об этом.

— Все ходы, — сказал Холмс, — по плану человека, называвшего себя Стапльтоном, были просты и прямолинейны, хотя нам, не уяснившим себе вначале мотивы его действий и познакомившимся только с отдельными фактами, все казалось чрезвычайно сложным. Мне удалось раза два поговорить с миссис Стапльтон, и теперь дело для меня вполне выяснилось: не думаю, чтобы тут оставалась еще какая-нибудь тайна. Вы найдете несколько заметок об этом деле под литером Б в моем списке дел.

— Может быть вы будете так добры и сделаете на словах краткий очерк дальнейших событий?

— Охотно, но не ручаюсь, чтобы все детали сохранились в моей памяти. Сильная умственная сосредоточенность имеет курьезное влияние на мозг, вычеркивая из него все прошедшее. Однако же, в том, что касается случая с «собакою», я передам вам все по возможности точно, а вы напомните, если я что-нибудь пропущу.

Мои расследования ясно доказали, что фамильный портрет не солгал и этот молодец действительно один из Баскервиллей. Он был сыном того Роджера Баскервилля, младшего брата сэра Чарльза, который бежал с запятнанною репутациею в Южную Америку, где и умер, как думали холостым. В действительности же он был женат и имел одного сына, настоящее имя которого было такое же, как и имя его отца. Этот молодец женился на Бериле Гарциа, одной из красавиц Коста-Рики. Похитив значительную сумму общественных денег, он переменил свое имя на Вандлер и бежал в Англию, где основал школу в восточной части Иоркшира. Причина, которая заставила его взяться именно за такого рода дело, заключалась в том, что, во время путешествия, он познакомился с одним чахоточным учителем и для успешного ведения предприятия воспользовался опытностью этого человека. Фрезэр, учитель, однако же умер, и школа, вначале хорошая, стала опускаться, приобрела дурную репутацию, а затем даже и позорную. Тогда Вандлер счел удобным переменить свое имя на имя Стапльтон и перенес остатки своего состояния, свои планы на будущее и любовь к энтомологии на юг Англии. В Британском музее я узнал, что он признанный авторитет в этой науке и что одной ночной бабочке, которую он первый описал в Иоркшире, было дано название Вандлер.

Теперь мы дошли до той части его жизни, которая оказалась столь интересною для нас. Молодец этот, очевидно, навел справки и узнал, что только две жизни стоят между ним и богатым поместьем. Я думаю, что когда он отправился в Девоншир, планы его были еще неопределенны, но у него с самого начала были злые намерения, видно из того, что жену свою он взял с собою в качестве сестры. Мысль пользоваться ею, как приманкой, была уже ясно выработана в уме, хотя он, возможно, и не знал еще наверное той формы, в какую выльется его замысел. Цель его была — получить поместье, и он готов был пойти на все, на любой риск ради достижения своей цели. Первым его ходом было поселиться как можно ближе к жилищу своих предков, вторым — завязать дружеские отношения с сэром Чарльзом Баскервиллем и соседями.

Сам баронет рассказал ему легенду о фамильной собаке и тем самым приговорил себя к смерти. Стапльтон, как я буду продолжать называть его, знал, что у старика плохое сердце и сильное потрясение может убить его. Это он слышал и от доктора Мортимера. Знал он также, что сэр Чарльз был суеверен и придавал серьезное значение мрачной легенде. Его изобретательный ум тотчас же сообразил, каким путем можно убить баронета так, чтобы смерть невозможно было приписать действительному убийце.

Решившись на такое дело, он принялся крайне тонко осуществлять его. Обыкновенный человек удовольствовался бы просто свирепой собакой. Но он захотел придать ей вид дьявольского существа, что было гениальным замыслом с его стороны. Он купил собаку в Лондоне у Росса и Мангльса на Фульгам-роде. Это была самая сильная и свирепая из всех имевшихся у них собак. Он довез ее по северной линии и сделал с нею большой круг пешком по болоту, чтобы незаметно привести ее домой. Охотясь на насекомых, он отлично научился проникать в Гримпенскую трясину и, таким образом, нашел надежное место, куда мог спрятать свою собаку. Посадив ее на цепь он стал ждать удобного случая.

Но время шло, а случай не представлялся. Старика нельзя было заманить ночью за пределы его владений. Несколько раз Стапльтон подстерегал его в засаде вместе со своею собакою, но без всякого результата. Во-время этих-то бесплодных поисков, его союзника и видели крестьяне, и легенда о дьявольской собаке снова получила подтверждение. Он надеялся, что его жена завлечет сэра Чарльза в западню, но внезапно она восстала. Она не могла согласиться вовлечь старика в сентиментальную привязанность с тем, чтобы предать его врагу. Ни угрозы, ни даже, увы! побои не могли изменить ее решения. Она не хотела ни во что вмешиваться, и Стапльтон на время попал втупик.

Но вскоре он нашел выход из своего затруднения. Сэр Чарльз, привязавшись к нему, сделал его посредником в помощи, оказываемый им несчастной Лауре Ляйонс. Выдавая себя за холостого, Стапльтон приобрел большое влияние на нее и дал ей понять, что если она получит развод от мужа, то он женится на ней. Неожиданно дело сложилось так, что его планы должны были немедленно приведены в исполнение, ибо сэр Чарльз, по совету доктора Мортимера, с которым он, как-будто также соглашался, должен был покинуть холл. Нельзя было терять ни одной минуты, иначе жертва могла выйти из-под его власти. Поэтому он заставил миссис Ляйонс написать письмо, в котором она бы умоляла старика дать ей возможность поговорить с ним вечером накануне его отъезда в Лондон. Затем, под благовидным предлогом, он отговорил ее итти на свидание и, таким образом, добился случая, которого так долго ждал.

Возвратившись вечером из Кумб-Трасея, он нашел время достать свою собаку, намазать ее своим адским составом и привести к калитке, у которой, как ему было известно, старик собирался ждать. Собака, подстрекаемая свои хозяином, перепрыгнула через калитку и погналась за несчастным баронетом, который с криками ужаса побежал по аллее. Должно быть действительно это было страшное зрелище, когда по мрачному туннелю аллеи громадная черная тварь с огненною пастью и пламенными глазами скакала за своею жертвою. Старик пал мертвым в конце аллеи от паралича сердца и ужаса. Собака бежала по заросшей травою полосе, а баронет по дорожке, потому только и были следы человеческих ног. Видя, что он лежит, собака вероятно подошла к нему, обнюхала его и, убедившись, что он мертвый, вернулась назад. Тогда-то она и оставила следы лап, замеченных доктором Мортимером. Ее тотчас же отозвали и поспешно водворили в логовище в центре Гримпенской трясины, — вот тогда создалась тайна, над которой власти ломали голову,

которая напугала окрестных жителей и которая, докатилась и до нас.

Вот и все, что касается смерти сэра Чарльза Баскервилля. Теперь вы видите, какое тут хитросплетение, так как в действительности было почти невозможно возбудить процесс против истинного убийцы. Единственным его соучастником было существо, которое боялось выдать его, а бессмысленность, и кажущаяся непостижимость всей выдумки делала ее еще более надежною. Обе женщины, замешанные в этом деле, миссис Стапльтон и миссис Лаура Ляйонс, имели сильные подозрения против Стапльтона. Миссис Стапльтон знала, что он замышлял что-то против старика, и также она знала о существовании собаки. Миссис Ляйонс не знала ни того, ни другого, но ее напугала смерть, случившаяся как раз в минуту назначенного и неотменного ею свидания, о котором было известно только Стапльтону. Но обе находились под его влиянием, и ему нечего было их бояться. Первая половина его задачи была удачно выполнена, но оставалось осуществить еще самую трудную ее часть.

Возможно, что Стапльтон и не знал о существовании наследника в Канаде. Во всяком случае, он очень скоро узнал о нем от своего друга доктора Мортимера, передавшего ему также и все подробности, относившиеся к приезду сэра Ганри Баскервилля. Прежде всего Стапльтон решил, что с этим молодым канадцем можно, пожалуй, покончить в Лондоне, вовсе не дав ему возможности приехать в Девонишр. Он не доверял своей жене с тех пор, как она отказалась поставить ловушку старику, и вместе с тем он боялся надолго оставить ее без себя, из опасения утратить свое влияние над нею. Вот почему он взял ее с собою в Лондон. Я узнал, что они остановились в отеле Мексборо, в Кравен-стрите, вошедшем в число тех отелей, которые посетил мой агент в поисках за доказательствами. Тут Стапльтон держал свою жену взаперти, а сам, с фальшивой бородой, проследил за доктором Мортимером до Бекер-стрита, затем до станции и до Нортумберландского отеля. Его жена догадывалась о его планах; но она такой испытывала невероятной страх перед своим мужем, страх основанный на жестоком обращении. Вот почему она не смела написать сэру Генри и предупредить его о грозившей ему опасности. Если бы письмо попало в руки Стапльтона, то она сама подверглась бы опасности. Тогда как мы знаем, она прибегла к вырезанным из газеты словам и составила из них послание, для адреса же она изменила свой почерк. Баронет получил письмо, и таким образом, узнал, что ему грозит опасность.

Стапльтону было крайне важно добыть какую-нибудь часть одежды сэра Генри, в случае если ему придется воспользоваться собакою и пустить ее по его следу. Со свойственной ему быстротою и дерзостью он сразу же устроил это дело, и всем без сомнения ясно, что горничная отеля была щедро подкуплена, если она помогла ему в его намерении. Однако ж, случилось так, что первый добытый сапог оказался новым, а следовательно непригодным для его цели. Он вернул его обратно и получил другой. Это был весьма значительный инцидент, так как окончательно доказал мне, что мы имеем дело с настоящею собакою. Ни одно другое предположение не могло объяснить этого непременного стремления получить именно старый, а не новый сапог. Чем бессмысленнее и смешнее инцидент, тем тщательнее следует его анализировать, и то обстоятельство, как бы усложняющее дело, оказывается наиболее пригодным для его разъяснения, нужно его только должным образом логично расследовать.

Затем на следующее утро наши друзья посетили нас, а за нами следил Стапльтон, сидя в кэбе. По его знакомству с нашей квартиркой и с моей наружностью, а также из всего его поведения, я склонен вывести заключение, что преступная карьера Стапльтона далеко не ограничивается баскервилльским делом. Весьма значителен тот факт, что за последние три года на западе произошли

четыре крупные наглые кражи со взломом, но ни в одном из этих четырех случаев виновного не задержали. Последняя из них, совершенная в мае в Флогстон-Корте, замечательна своим хладнокровным убийством из револьвера полицейского, заставшего одинокого замаскированного вора. Я не сомневаюсь, что Стапльтон добывал себе таким образом недостающие средства к жизни, и что в течение многих лет он был отчаянным и опасным человеком.

Образчик его находчивости и дерзости мы получили в то утро, когда он так удачно скрылся от нас и когда сделал мне вызов, сказав кучеру мое собственное имя. Он понял, раз я взялся за это дело в Лондоне, то здесь ему нечего ожидать успеха. Он вернулся в Дартмут и стал ожидать приезда баронета.

— Постойте, — перервал его я, — вы безусловно правильно передали всю последовательность событий, однако, тут есть один пункт, который вы оставили неразъясненным. Что сталось с собакою, когда ее хозяин был в Лондоне?

— Я обратил внимание на этот вопрос, и он, несомненно, имеет некоторое значение. Нет сомнения, что Стапльтон имел поверенного, хотя вряд ли он так рисковал, знакомя того человека со всеми своими планами. В Меррипит-хаузе находился старый слуга по имени Антони. Его связь со Стапльтонами может быть прослежена за несколько лет, — до самого того времени, когда они содержали школу, так что он, вероятно, знал, что его господин и госпожа — муж и жена. Человек этот исчез. Многозначителен тот факт, что Антони — необычное имя в Англии, между тем, как Антонио — имя, очень распространенное во всех испанских и испано-американских странах. Этот человек так же, как и миссис Стапльтон, говорил хорошо по-английски, но с каким-то странным акцентом. Я сам видел, как однажды этот человек шел через Гримпенскую трясину по тропинке, отмеченной Стапльтоном. Поэтому весьма вероятно, что в отсутствие

хозяина он заботился о собаке, хотя мог и не знать для какой цели содержится это животное.

Затем Стапльтоны вернулись в Девоншир, куда вскоре поехали и вы с сэром Генри. Теперь скажу еще несколько слов о том, что я делал в то время. Вы, может быть, помните, что когда я рассматривал бумагу, на которой были наклеены печатные слова, то тщательно исследовал водяной знак. Делая это, я держал бумагу близко к глазам и почувствовал легкий запах духов белого жасмина. Существует семьдесят пять сортов духов, которые эксперт по расследованию преступлений должен непременно уметь различать, и многие дела, по моим сведениям, не раз зависели от быстрого узнавания сорта духов. Запах духов заставил меня подумать об участии в этом деле дамы, и мои мысли уже направились к Стапльтонам. Таким образом я убедился в существовании собаки и догадался о преступнике еще раньше, чем мы отправились на запад.

Мое дело было следить за Стапльтоном. Но ясно, что я не мог бы этого исполнить, находясь с вами, так как тогда он держался бы на-стороже. Поэтому я решил обмануть всех, в том числе и вас, и приехал в Девоншир, тогда как все были уверены, что я в Лондоне. Я не так бедствовал, как вы воображали, хотя некоторые пустяшные неудобства никогда не должны входить в счет во время расследования дела. Большую часть времени я жил в Кумб-Трасее и только тогда пользовался хижиною на болоте, когда требовалось быть близко от места действия. Со мною приехал Картрайт и, переодетый деревенским мальчиком, был очень мне полезен. Его обязанностью было заботиться о моем пропитании и чистом белье. Пока я следил за Стапльтоном, Картрайт часто следил за вами, так что я разом был в курсе дела.

Я уже говорил вам, что ваши донесения доходили до меня очень быстро. Из Бекер-стрита их немедленно пересылали в Кумб-Трасей. Они были мне очень необходимы и в особенности случайный правдивый отры-

вок из биографии Стапльтона. По нему я мог восстановить личность как мужа, так и жены, и, наконец, в точности узнал, чего следовало мне держаться. Дело значительно усложнилось инцидентом с беглым каторжником и его родством с Барриморами. Но это вам удалось прекрасно выяснить, хотя я пришел к тому же заключению, благодаря своим собственным наблюдениям.

К тому времени, когда вы встретили меня на болоте, я уже был вполне ознакомлен со всеми обстоятельствами, и только в руках у меня не было еще дела, которое я мог бы представить в суд присяжных. Даже покушение Стапльтона на жизнь сэра Генри в ту ночь, когда погиб несчастный каторжник, немного помогло бы нам для доказательства замышляемого убийства. Не оставалось другого выхода, как схватить убийцу на месте преступления, а для этого нужно было пустить сэра Генри, как приманку, одного, и с виду беззащитного. Мы так и сделали, и ценою сильного потрясения, нанесенного нашему клиенту, нам удалось закончить дело и привести Стапльтона к гибели. Я должен признаться, что в упрек моему ведению дела можно поставить то, что я подверг сэра Генри такому испытанию, но ведь мы не могли предвидеть страшного и потрясающего зрелища, которое представила собака, а также не могли предвидеть и тумана, из которого она так неожиданно выскочила на нас. Своей цели мы все-таки достигли ценою, которую оба врача — и специалист и доктор Мортимер — определенно считают преходящею. Длинное путешествие даст возможность нашему другу не только укрепить расшатанные нервы, но и излечить и сердечные раны. Его любовь к миссис Стапльтон была глубока и искренна, и самою печальною стороною этого мрачного дела для него является тот факт, что она обманула его.

Теперь мне остается только указать, какую роль она играла во всем этом. Не может быть сомнения, что Стапльтон имел на нее влияние, которое можно объяснить или любовью или страхом, а может быть и тем и другим вместе, так как оба эти чувства вполне совместимы. Во всяком случае влияние его было вполне определенное. По его приказанию она согласилась прослыть его сестрой, но его власти над нею был положен предел, когда он пытался сделать из нее прямую сообщницу в убийстве. Она предостерегала сэра Генри настолько, насколько могла, не выдавая своего мужа, и не раз пробовала она это делать. Сам Стапльтон как-будто еще был способен ревновать, и когда увидел, что баронет ухаживает за его женою, то, хотя это и входило в его планы, он все же не мог удержаться от страстной вспышки, обнаружившей пламенную душу, которую он так умело скрывал под своей внешностью. Поощряя дружеские отношения, Стапльтон был уверен, что сэр Генри будет часто приходить в Меррипит-хауз и рано или поздно он дождется удобного случая. Но когда настал критический момент, жена вдруг восстала против него. Она кое-что прослышала о смерти беглого каторжника и знала, что в тот вечер, когда сэр Генри придет обедать, собака будет заперта в сарай. Она обвинила мужа в замышляемом убийстве, а затем последовала дикая сцена, во время которой он впервые открыл ей, что у нее есть соперница. Ее любовь разом превратилась в сильную ненависть, и он понял, что она непременно выдаст его. Поэтому, чтобы лишить ее возможности предостеречь сэра Генри, он связал ее, и надеялся, конечно, что когда вся страна припишет смерть баронета родовому проклятию (что непременно должно было случиться), то он снова одержит победу над женою, заставит ее примириться с совершившимся фактом и сохранить обо всем молчание. Он забыл, что женщина с испанскою кровью не так легко прощает подобное оскорбление.

Остается разъяснить еще один вопрос. Если бы Стапльтону удалось получить наследство, то каким образом мог бы он заявить свои права, не возбудив подозрения?

Он был бы в страшном затруднении, но я полагаю, что вышел бы из него одним из трех способов: Стапльтон мог, удостоверив подлинность своей личности в Южной Америке, потребовать оттуда свое наследство, не приезжая в Англию; или же он мог прибегнуть к искусному переряжению на короткое время, которое ему было бы необходимо пробыть в Лондоне; или же, наконец, мог обзавестись соучастником, которому он передал бы все доказательства своей личности и бумаги и выдал бы его за наследника, выговорив себе за это известную часть дохода. Из того, что мы знаем о нем, мы не можем сомневаться, что тем или иным путем он нашел бы выход из затруднения. А теперь, милый Ватсон, мы провели несколько недель в тяжелой работе, и я думаю, что на один вечер мы можем отдать свои мысли более приятным предметам. У меня есть ложа на «Гугеноты». Слыхали ли вы Решке? Могу я вас попросить быть готовым через полчаса, чтобы успеть еще до оперы пообедать в ресторане Марцини?

ОГЛАВЛЕНИЕ.